

Союз театральных деятелей России

Сюжеты

издается с 1990 года

Содержание

Роман Всеволодов	
ПОЕЗД	3
Алексей Зайцев	
СОЖЖЁННЫЕ ПИСЬМА	49
Дмитрий Ретих	
ПЛОЩАДЬ ЗАЩИТНИКОВ НЕБА	78
Евгения Скирда	
РОЗА В НАВОЗНОЙ КУЧЕ	144
Екатерина Тимофеева	
ПОЛИНА ИЩЕТ ПА	207
Анастасия Чернятьева	
НЮРКИН САД	266

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-6
С98

Серия «Сюжеты» – это сборники пьес молодых современных авторов, адресованные как профессионалам и поклонникам театра, так и широкому кругу любителей русской словесности.

Предлагаемый вниманию очередной сборник серии (№ 40) включает шесть пьес:

«Поезд» Романа Всеволодова (г. Санкт-Петербург); «Сожжённые письма» Алексея Зайцева (г. Москва); «Площадь Защитников Неба» Дмитрия Ретиха (г. Москва-Подгорица); «Роза в навозной куче» Евгении Скирды (г. Москва); «Полина ищет па» Екатерины Тимофеевой (г. Уфа, Башкортостан); «Нюркин сад» Анастасии Чернятьевой (г. Екатеринбург).

Это талантливые люди. Может быть, кто-то из них пока не так широко известен, но театры отметили их тексты, проявили к ним явный интерес и несколько премьер уже состоялись. Что касается профессиональной среды, эти авторы известны по участию и победам в разных драматургических конкурсах, отмечены в лонг- и шорт-листах, активно работают, участвуют в семинарах и разного рода драматургических акциях.

Публикуемые пьесы, безусловно, достойны внимания театрального сообщества. Авторы пишут о современной жизни, её проблемах, о том, что больше всего волнует. У каждого из них свой взгляд, так что пьесы очень разные. По жанру, тематике, по манере письма.

Все названные пьесы прошли сценическую апробацию в рамках 36-го (XXXVI) Всероссийского семинара драматургов «Авторская сцена», который проходил в июне 2023 года на базе Московского областного театра драмы и комедии (г. Ногинск).

Сборник можно заказать, обратившись в Кабинет драматургии по электронной почте: stdrf-novikova@mail.ru или воспользоваться обычной почтовой связью. Он будет незамедлительно выслан. Электронную версию «Сюжетов» № 40 можно найти на сайте СТД РФ: www.stdrf.ru на странице Комиссии по драматургии.

Изданно при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

При перепечатке ссылка на «Сюжеты» обязательна.

Все материалы печатаются на правах рукописи.

Роман Всеволодов
ПОЕЗД

Действующие лица:

МИХАИЛ, лидер музыкальной группы «Водосточные трубы».

ФЁДОР, его друг, музыкант группы «Водосточные трубы». Похож скорее на советского интеллигента, чем на известного музыканта.

АЛЁНА, молодая, хрупкая девушка невысокого роста.

ПРОВОДНИЦА.

ПАССАЖИР, мужчина средних лет.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК.

ЖЕНЩИНА.

СЫН ЖЕНЩИНЫ, молчаливый мальчик.

БАРМЕН.

ОФИЦИАНТ ВАГОНА-РЕСТОРАНА.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА.

МУЗЫКАНТЫ ГРУППЫ

Сцена первая

Вокзал. На перроне у вагона поезда стоит Проводница, готовая к проверке документов. Через некоторое время к ней подходит Пассажир, еле-еле стоящий на ногах. От него несёт перегаром.

ПРОВОДНИЦА (*презрительно*). Вы?

ПАССАЖИР (*с трудом выговаривая даже самые короткие слова*). Я...

ПРОВОДНИЦА. Уже?

ПАССАЖИР. Ш...што... «ужжжшеее»?

ПРОВОДНИЦА. А остальные где?

ПАССАЖИР. К...как...какие остальные?

ПРОВОДНИЦА. Ну, эти ваши, музыканты. Аппаратуру погрузили уже. Меня ещё когда предупредили, кто у меня в вагоне-то поедет.

ПАССАЖИР (*растерянно*). Кто пып... пп...поедет?

ПРОВОДНИЦА. Вы.

ПАССАЖИР. Ияяяя?!

ПРОВОДНИЦА. Ну, группа эта ваша, забыла, как она там называется. Я сразу предупреждаю – чтобы ни-ни. У нас всё строго теперь. Если что, я сразу на кнопку, и вас всех высадят. Мне проблемы не нужны. А то тут ехали до вас, полвагона чуть не разнесли.

ПАССАЖИР. Дык... дык... я.

ПРОВОДНИЦА (*с отвращением изучает паспорт Пассажира и возвращает его*). Чего?

ПАССАЖИР. И... И...

ПРОВОДНИЦА. Чего?

ПАССАЖИР. Ира!

ПРОВОДНИЦА. Чего Ира? Света я. Во! Ещё в вагон даже не сел, а уже клеится! Ира! Света я! Света. Но вам же, музыкантам, наплевать, как нас зовут.

ПАССАЖИР. Д...да....

ПРОВОДНИЦА. Да?!

ПАССАЖИР. Д.. да я не музыкант.

ПРОВОДНИЦА (*повторно изучает паспорт Пассажира*). Не музыкант?

ПАССАЖИР. Нет.

ПРОВОДНИЦА. Ещё лучше! А чего тогда ты уже поддал так? Я тебя сейчас в поезд не пушу. Эти-то хоть артисты, люди искусства, что с них возьмёшь. А ты...

ПАССАЖИР (*слезливо*). Ира!

ПРОВОДНИЦА. Да Света я! Света!

ПАССАЖИР (*уже почти плачет*). Ира...

ПРОВОДНИЦА. Ты что, лучше меня знаешь, как меня зовут?

ПАССАЖИР. Д...да я про свою Иру. Э...Этто я ... из-за неё, в общем, я.

ПРОВОДНИЦА. Надрался так из-за неё?

ПАССАЖИР. Д...да...

ПРОВОДНИЦА. Ну, тогда понять можно. Бросила?

ПАССАЖИР. В... в каком-то смысле.

Проводница уже готова утешить Пассажира, но у поезда за время их разговора успела скопиться очередь, которую раздражает задержка у входа в вагон. Больше всего нервничает Пожилой человек.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Послушайте! Можно как-то побыстрее?

ПРОВОДНИЦА (*ехидно*). А вы так торопитесь?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК (*очень раздражённо*). Да! Тороплюсь!

ПРОВОДНИЦА. И куда же, интересно?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Умереть.

ПРОВОДНИЦА. Куда?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Умереть. На Родине хочу умереть. В родном городе.

ПРОВОДНИЦА. Что-то мрачно вы на мир смотрите.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. А как на него смотреть? Мне уже восемьдесят шесть лет. Ничего хорошего в жизни я больше не увижу.

ПРОВОДНИЦА (*изучив паспорт и билет*). Тогда на самолёте лучше было бы.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Что «на самолёте»?

ПРОВОДНИЦА. Ну, вам на самолёте лучше было бы. На поезде-то вам три дня пути. Вдруг не доедете. Выглядите вы и, правда, неважно. А вы ж хотите на Родине концы отдать.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Накарай мне ещё!

В очередь у входа в вагон, врзается Женщина с Сыном. Он, не в пример ей, очень хрупкий, щуплый. У неё в руках два чемодана, а у него только скрипка, с которой Женщина не сводит тревожного взгляда.

ЖЕНЩИНА. Осторожнее! Осторожнее, я тебе сказала! Это же скрипка! Я столько за неё отдала! Потому что у тебя талант! Даже дядя Яков так сказал. Всегда помни об этом. Осторожнее, я тебе сказала! Не урони скрипку, убью!

ПРОВОДНИЦА (добродушно глядя на мальчика).
Ещё музыкант.

ЖЕНЩИНА. Как ещё?

ПРОВОДНИЦА. Да так. У нас в вагоне целая группа музыкальная едет.

ЖЕНЩИНА. Как?! Настоящая?

ПРОВОДНИЦА. Да.

ЖЕНЩИНА. А в каком они купе едут? Вы нас познакомите?

ПРОВОДНИЦА. Познакомлю, познакомлю.

ЖЕНЩИНА (сыну). Осторожнее со скрипкой, я тебе сказала! Как ты её несёшь?!

Время посадки заканчивается. Проводница хмуро разглядывает билеты, проверяет паспорта и всё время с нескрываемым любопытством поглядывает на Михаила и Фёдора, стоящих обособленно от остальных. Они нервничают, то и дело набирая какие-то номера на своих мобильных телефонах. Но им никто не отвечает. Наконец, они подходят к Проводнице.

ПРОВОДНИЦА. Ну, наконец-то хоть одни нормальные люди! А то вечно едешь непонятно с кем. Вы же мне, если что, поможете? Ну, там если кто буяннить будет?

ФЁДОР. А кто тут собрался буяннить?

ПРОВОДНИЦА. Ну, тут опять какие-то музыканты едут. Как назло в моём вагоне. От них ничего хорошего не жди, от групп этих.

ФЁДОР. Ещё музыканты?

ПРОВОДНИЦА. То есть, что значит «ещё»?

ФЁДОР. У кого-то ещё концерт, что ли?

ПРОВОДНИЦА (*посмотрев билеты*). Так это вы, получается, что ли... Музыканты-то эти... Трубы.

ФЁДОР. Мы.

ПРОВОДНИЦА. Вас же четверо вроде должно быть.

ФЁДОР. Четверо.

ПРОВОДНИЦА. А где остальные-то? Поезд-то сейчас ту-ту, и всё, тю-тю.

МИХАИЛ. Да, и вот я спрашиваю, где?! Где они? Что нам-то тогда ехать вдвоём?! Мы что, вдвоём концерт играть будем, что ли?!

ФЁДОР. Ну, может, случилось что.

МИХАИЛ. Случилось?! Так чего мы едем-то тогда?!

ФЁДОР. Ну, догонят нас. Другим поездом.

МИХАИЛ. Да нет смысла тогда ехать вообще.

ФЁДОР (*несколько раздражённо*). У нас полтора года уже концерты – отмена за отменой. Нам и вдвоём

на сцену лучше выйти, а то потом с организаторами не рассчитаемся, если вообще не приедем.

МИХАИЛ *(вновь пытается дозвониться)*. Кто так делает-то! Первый концерт за столько времени, и пожалуйте!

ФЁДОР. Неизвестно, что стряслось с ними. Могли бы – позвонили.

МИХАИЛ. Ладно, поехали, чёрт с тобой!

Сцена вторая

Михаил и Фёдор устраиваются в купе.

ФЁДОР. Подожди, посмотрю, как там нашу аппаратуру погрузили. Заодно гитару твою тебе принесу.

МИХАИЛ. Зачем?

ФЁДОР. Ну, вдруг в дороге песню новую сочинишь.

Выходит и быстро возвращается обратно в купе, явно готовится сыграть какую-то роль перед другом.

(Изображает волнение.) Гришка звонил. Только что.

МИХАИЛ. Что с ними?!

ФЁДОР. В аварию попали.

МИХАИЛ. Что?!

ФЁДОР. Все живы. Хорошо всё. Нормально всё с ними. С машиной вот только. Ещё с ГАИ там разо-

браться надо. В общем, им реально не успеть было. Но они уже взяли билеты на следующий поезд, приедут почти как мы. Так что сыграем все вчетвером. Всё хорошо будет. Как в старые добрые.

МИХАИЛ. С ними точно всё в порядке?

ФЁДОР. Ну, ты знаешь, как Лёха лихачит. Но Бог их хранит. В порядке всё. В полном.

Раздаётся настойчивый стук в дверь. Входит Женщина.

ЖЕНЩИНА. А вы правда музыканты? Настоящие?

МИХАИЛ. Да вроде бы.

ФЁДОР (*напевает песенку*). Знаете такую?

ЖЕНЩИНА. Конечно! Я под неё на дискотеке танцевала.

ФЁДОР (*кивает на Михаила*). Это он сочинил.

ЖЕНЩИНА (*потрясённо*). Правда?! Вы?! Это вы?! Сочинили?! Сам?! Я ж под эту песню... Вот это да! Слушайте, можно я к вам своего сына приведу?

МИХАИЛ. Зачем? Няня из меня плохая.

ЖЕНЩИНА. У него талант просто. Настоящий. А он ленится. Вы бы его вдохновили! Он у меня великим человеком должен вырасти. У него талант. Даже дядя Яков его хвалил.

МИХАИЛ. А кто это?

ЖЕНЩИНА. Это сосед наш с третьего этажа. Он музыкальную школу с отличием закончил, так что он уж в музыке разбирается. Так можно мы к вам придём?

МИХАИЛ. С дядей Яковом?

ЖЕНЩИНА. Нет, с сыном.

МИХАИЛ. Только давайте попозже немного.
Не сейчас.

ЖЕНЩИНА. Да, да, хорошо, конечно, я понимаю.
Боже! Надо же! В одном вагоне!

Выходит, потрясённая.

ФЁДОР. А я вчера вот буквально шёл по переходу
в метро, и там стоят ребята, вот эту песню нашу игра-
ют. Не стареет песня.

МИХАИЛ. Не то, что мы. У меня вчера лифт сло-
мался дома. Так я стоял, ждал, когда починят. Один-
надцатый этаж пешком – это уже не для меня.

ФЁДОР. Да ладно тебе! Сейчас войдём в ко-
лею, опять будем на гастролях по стране колесить.
Концерты-то, слава Богу, опять начались после этой
пандемии чёртовой.

МИХАИЛ. Один.

ФЁДОР. Что один?

МИХАИЛ. Один пока концерт. Больше-то не зовут
пока никуда. Тоже мне легенды.

ФЁДОР. Да это у всех так. Сколько из-за ковида
этого концертов отменилось. Это нельзя, то нельзя,
там запрещёно.

МИХАИЛ. Да не у всех. Многие как были на плаву,
так и остались. Это мы в тираж выходим.

ФЁДОР. Слушай, какой тираж?! Ты видел, как
тётка эта только что на тебя смотрела?! Сына своего
к тебе приведёт.

МИХАИЛ. Только мне сына её ещё не хватало!

ФЁДОР. Другие вон группы сто составов уже сменили. Кто сторчался, кто повесился, кто бизнесом уже занимается. Тошнит уже всех друг от друга, все чего-то ищут. А мы двадцать один год одним составом! Двадцать один год! Ещё когда студентами были, и так до сих пор. О нас книги писать будут. Только нам песни новые нужны. А то шесть лет, и ничего. Новый альбом нужен.

МИХАИЛ. Кому?

ФЁДОР. Как кому? Людям.

МИХАИЛ. Так и так же всё хорошо. Сам ведь говоришь: и песни наши в переходах поют, и сына своего тётка эта ко мне приведёт.

ФЁДОР. Слушай, чего ты как маленький, а?! Ты прекрасно знаешь, что мы с концертов только зарабатывать можем. Ну, была у нас чёрная полоса, но надо же как-то выбираться.

МИХАИЛ. Пойдём в вагон-ресторан.

ФЁДОР. Я сказал – выбираться, а не надираться.

МИХАИЛ. Мы чего, никогда пьяными концерты не играли, что ли?!

ФЁДОР. Это раньше. Тогда и голый зад на сцене показать на «ура» шло. Мы все сейчас под микроскопом. Шаг не так сделаешь, ещё три года концертов не будет. Так что никакого алкоголя, ни в коем случае! Мы с тобой договаривались! Всё-таки Дворец спорта. Не клуб какой.

МИХАИЛ. Ага. Дворец спорта. В самом захудалом городишке. Там, наверное, весь спорт – это когда пен-

сионеры на лавочке в шахматы играют. Шахматы ведь тоже спорт, да?

ФЁДОР. Хватит ёрничать! Ты знаешь, сколько мне стоило этот концерт пробить?! Главное, чтобы ты сейчас, как тогда, помнишь, чего не надо, не сказал бы или не спел! Сейчас от этого концерта очень многое зависит, очень. Нас уже похоронили практически. Выступим ударно – фаны по всему инету фото, видео разнесут, такую рекламу нам сделают! Там и пресса аккредитована.

МИХАИЛ. А если нет?

ФЁДОР. Что если нет?

МИХАИЛ. Если не выступим ударно?

ФЁДОР. Ну, тогда нам всё, конец. Ты же знаешь. хейтеров у нас хватает. С радостным визгом последний гвоздь в крышку гроба забьют. Нас не помнят уже. Мы должны зажечь в этот раз. Может, это новый виток наш.

МИХАИЛ. Я тебе не Мик Джаггер, чтобы и в семьдесят лет козлом по сцене скакать.

ФЁДОР. Но может ты песни, наконец, новые писать начнёшь? У тебя что, совсем никаких намёток даже?

МИХАИЛ. Нет.

ФЁДОР. Шесть лет. Шесть лет уже да, ни одной песни? Но раньше-то как это у тебя так легко получалось?! Мы же все тебе всегда завидовали. Все вместе ведь сидим, за одним столом, одинаково бухаем, но один рожей в салат, а ты из-за стола выходишь, и всё, у тебя уже новая песня.

МИХАИЛ. Без Лёхиных аранжировок это бы всё песнями не стало. Лёха – гений, что говорить.

ФЁДОР. Но первый импульс, идея, мелодия, – всегда от тебя. У тебя как будто был прямой канал связи с Высшим разумом. Песни новые очень нужны.

МИХАИЛ. Всё, что я хотел, я миру уже сказал. Больше мне сказать нечего. И так уже хватит. Семь номерных альбомов! Сам говорил, в переходе наши песни играют.

ФЁДОР. На днях тут передачу по телику показывали, я случайно глазом цепанул. Про Летова. Ну, когда у него уже тьма фанатов была, а его самого толком и не видел ещё никто. По телевизору ж не показывали его. Он в город приехал, и там то ли деньги потерял, то ли грабанули его, но, в общем, он свои песни в переходе стал петь, чтобы на обратный билет денег собрать. Шапку кинул, и давай на гитаре наяривать. Так там его фанаты мимо проходили, сразу набросились, в драку полезли, морду бить. Чтобы всякая шпана святое не оскверняла. Уверены были, что какой-то мудака на святом наживается. Он кумир их, а они ему в морду. Такое вот тогда было время. И мы опять в нём живём. Раньше кого только в телевизоре не увидишь – фрик на фрик. Чем безбашенней, тем рейтинг выше. А теперь ты к экрану и на пушечный выстрел не подойдёшь! Чтобы как-то жить, новые песни нужны. Сейчас долго фанов своих не удивляешь – они сразу на кого другого переключатся. Был бы новый альбом – это зацепка для концертов. Слушай, я тут один диск... Я хотел бы, чтобы ты послушал.

Фёдор достаёт плеер, наушники, протягивает Михаилу, тот отнекивается, но Фёдор становится всё более настойчивым.

ФЁДОР. Послушай! Я когда в Таиланд ездил летом, три года назад, тогда деньги были ещё отдохнуть, зашёл там в местный музыкальный магазинчик, дисков понакупил. И вот этот вот, просто зацепил меня, прям сильно очень. Улёт просто. Там такие аранжировки, там оригинально так сделано всё, круто очень. Я потом в интернете посмотрел про группу эту, оказалось, их вообще никто не знает, прикинь! Их записей вообще нет в сети! Только вот старые диски остались. Нашёл только, что они распались давно, музыкой больше не занимаются. И никто не знает про них, про группу эту. У нас их вообще никто не знает. Ты должен их послушать.

МИХАИЛ. Зачем?

ФЁДОР. Ну, может тебя вдохновит что-то. Новая песня может какая-то появится. Ну, посмотри, как они это делают. Их у нас вообще никто не знает.

МИХАИЛ (*подозрительно*). Подожди... А чего ты мне всё время повторяешь, что их тут у нас никто не слышал, что их в сети нет, что они музыкой больше не занимаются?!

ФЁДОР (*замявшись*). Ну...

МИХАИЛ. Ты чего, мне понять даёшь, что если я у них сопру чего, то никто не узнает, не заметит?! Что я могу быть спокоен? Да?!

ФЁДОР. Ну, какой-то импульс, кода... Может, песня какая-то зацепит.

МИХАИЛ. Отлично!

ФЁДОР. У тебя всё равно по-своему получится.

МИХАИЛ. Охренеть! То есть, ты понял, что я всё,

каюк, спёкся, канал прямой связи с Высшим разумом мне перекрыли, но для того, чтобы держаться на плаву, нужны новые песни, и вот он, аттракцион невиданной щедрости! Песенки мне притащил, которые не стыдятся, не опасаясь ничего, воровать можно! Никто не узнает!

ФЁДОР (*раздражённо*). Слушай, хватит, а?! Давай смотреть правде в глаза. Мы уже давно не такие звёзды, чтобы при любой турбулентности быть в шоколаде. Знаешь, чего мне сейчас стоило о концерте этом договориться?! И не надо так со мной. Мы все на тебя жизнь положили. Лёха, он ведь аранжировщик от Бога! Гришка – виртуоз. Я, знаешь, тоже не последний человек в музыке. Я бы сам песни мог писать.

МИХАИЛ. Так чего ж не писал никогда?

ФЁДОР. Да потому что у тебя это лучше получалось! Я в тебя верю, мы все в тебя верим, пусть ты и ни одной песни за шесть лет написать не мог! Мы двадцать один год с тобой! Двадцать один год!

МИХАИЛ. Жалеешь?

ФЁДОР. Поздно уже жалеть.

Незапертая дверь купе распахивается, и, без стука, входит Женщина с Сыном.

ЖЕНЩИНА. Можно к вам? Вот, Алёшенька, смотри, эти дяди – настоящие музыканты! А это – Лёша. Талант! Но ленится, не хочет в музыкальную школу ходить, прогуливает. Скажите ему, что это обязательно надо. Вы-то её уж точно с отличием закончили, да?

МИХАИЛ. Я её бросил.

ЖЕНЩИНА (*потрясённо*). Как бросили?!

МИХАИЛ. Так. У вас очень умный мальчик, раз не хочет такой фигнёй заниматься.

ЖЕНЩИНА. То есть, как это... подождите... то есть, какой это фигнёй...

МИХАИЛ. Музыкай.

ЖЕНЩИНА. Вы что... вы что, музыку таким словом называете?! Музыку?!

ФЁДОР (*Михаилу*). Слушай, хватит уже выделываться, а?

МИХАИЛ. Ну, мы же звёзды, нам положено.

ЖЕНЩИНА (*закрывает Сыну уши и глаза*). Вы чему моего ребёнка учите, а?! Вы чему его учите?!

Женщина уходит в ярости, таща за собой Сына. Михаил берёт гитару, пытается что-то сыграть.

МИХАИЛ. Фигня какая-то. Не выходит ничего, не получается. Всё не то, да и не то, не получается. А если я... Если я так и не напишу больше ничего, бросишь меня, а?! Бросишь?

ФЁДОР. Хватит выделываться!

МИХАИЛ. А я не смогу. Не смогу я больше ничего.

ФЁДОР. Сможешь.

МИХАИЛ. Веришь в меня ещё, да?

ФЁДОР. У меня другого выхода нет.

МИХАИЛ. Блажен, кто верует. Пошли – помолимся.

ФЁДОР. Чего?

МИХАИЛ. В вагон-ресторан пошли.

ФЁДОР. Ты чего, бухать собрался?

МИХАИЛ. Нам ещё три дня ехать.

ФЁДОР. И что, ты сразу накидаться решил? Я тебя знаю: начнёшь – не остановишься.

МИХАИЛ. А ты стоп-кран нажмёшь. Мы же в поезде.

Сцена третья

Михаил входит в вагон-ресторан, и видит там за столиком Пассажира. Перед ним стоит графин с водкой. Михаил подсаживается к нему без приглашения.

МИХАИЛ (оценив уже полупустой графин).
О! Свои люди!

ПАССАЖИР. К... к.... кто этттто свои....А....эттт это....тётка ппп..проводница говорит, шшшшто м... ммму... музыканты едут. В поезде. Это ты?

МИХАИЛ. Раскудахтала. Да. Музыкант. Я, блин, грёбаный музыкант. Песни раньше сочинял. А теперь ни фига не получается.

ПАССАЖИР. А э..этттто...можешь про меня? Песню? Типа великую? К..как раньше.

МИХАИЛ. Как гимн Советского Союза, что ли?

ПАССАЖИР. Не....Ну, как миллион миллион аллльных роззззз! И чтоб про ммм... меня.

МИХАИЛ. Про тебя? А кто ты такой, чтоб про тебя песни великие писать?

ПАССАЖИР. Я... Я человека убил.

МИХАИЛ. Кого?

ПАССАЖИР. Жену.

МИХАИЛ. Ну, это хорошо, что ты жену человеком считаешь, это не у всех так. Ты с зоны откинулся, что ли?

ПАССАЖИР. Я её вчера. В...Ввввв... вообще я её всегда люблю. Любил. Оччень, А тут коса на ка...на камень. Ну, она... А я... И она... А я... И всё. Я толкнул... Она об косяк. Виском. Случайно же. Р...р... ррррррок. Злой рок. Посадят. Я вот – куда глаза глядят. В поезд. А у нас лююю...любовь. Нассссстоящая. Что-то хочу чтоб осталось. От нас. Песня. Ты – мм..мммуууууууу... музыкант, Напиши. Про меня. Песню.

МИХАИЛ. Как вы мне все надоели с этими чёртовыми песнями!

Михаил пересаживается за другой столик, к Пожилому человеку, который пьёт кофе и почему-то украдкой ест пирожок.

19

Можно?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Послушайте, я хотел бы побыть один. Тут достаточно пустых столиков.

МИХАИЛ. Да я к тому вон сел. А он человека убил. Жену. Решил вот пересесть.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Испугались?

МИХАИЛ. Да он вроде сейчас плакать начнёт. А я не люблю, когда плачут.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Вы чёрствый человек. Подождите... Если правда, сообщить надо. Вдруг он сумасшедший.

МИХАИЛ. Хотел, чтобы я песню про него написал. Вам-то этого не надо, я надеюсь?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Не надо.

МИХАИЛ. Вот здорово!

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Мне надо, чтобы вы оставили меня в покое. Я умирать еду. В родной город. Хочу побыть в тишине и одиночестве. Я желаю попрощаться с этим миром без лишних свидетелей.

МИХАИЛ (*напевает песню*). Не слышали такую?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

МИХАИЛ. Это я написал. Её даже в переходах поют, не слышали?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Да отстаньте вы от меня, наконец! Я умирать еду.

МИХАИЛ. Я, наверное, тоже.

20

Появляется Фёдор, подходит к Михаилу.

ФЁДОР. Ну, что, не напился ещё?

МИХАИЛ. Не с кем.

ФЁДОР. Как будто тебя это когда останавливало! Там автограф твой хотят.

МИХАИЛ. Кто?

ФЁДОР. Девушка. Она только сейчас на станции вошла, сразу меня узнала. Говорит, выросла на наших песнях.

МИХАИЛ. Вон этого, вон за столиком, видишь? Жену убил.

ФЁДОР. А чего тогда говоришь, что выпить не с кем? Пошли, там девушка хорошая. Красивая.

МИХАИЛ. Вот времена пришли. Раньше от фанаток этих отбоя не было, а теперь ты одной так радуешься, как будто гриб в лесу нашёл.

ФЁДОР. Не ёрничай! Пошли.

Оба уходят.

Сцена четвертая

Михаил и Фёдор возвращаются в своё купе, где их ждёт Алёна.

АЛЁНА. Я на ваших песнях выросла.

МИХАИЛ (*шутливо*). Что-то не очень заметно.

АЛЁНА (*не замечая насмешки*). Знаете, я когда в школе училась, даже к директору ходила, чтобы ваш портрет у нас в школе повесили.

МИХАИЛ. Ну, это ты хватила!

АЛЁНА. Вас там все помнят.

МИХАИЛ. Где?

АЛЁНА. Ну, в школе нашей. Вы же там учились.

МИХАИЛ. Подожди... Ты что...

АЛЁНА. Да. Мы с ребятами и к дому вашему ходили. Я письмо вам написала. Но вам и без меня столько пишут. Понятно, что вы не ответили.

МИХАИЛ. И к дому моему ходили?

АЛЁНА. Да, не один раз. Мы по вечерам там собирались. Под гитару ваши песни играли.

МИХАИЛ. А ива у дома там моего, стоит ещё? Помнишь её?

АЛЁНА. Да, разрослась так...

МИХАИЛ. Слушай, надо же! Я думал, что вообще обо всём этом забыл. А тут – перед глазами прямо. Скажи мне, чего ты сегодня вечером делаешь-то?

АЛЁНА. Да что я могу делать. Вот только автограф хотела взять.

МИХАИЛ. Будет тебе автограф. Ты одна здесь?

АЛЁНА. Да.

МИХАИЛ. И куда едешь?

АЛЁНА. На концерт.

МИХАИЛ. Так ты не случайно здесь?

АЛЁНА. Нет. Я знала, что вы тут будете ехать. У нас можно среди фанов такую информацию раздобыть, рейс там, номер вагона.

22

МИХАИЛ. Я когда пою, никого перед собой не вижу (*Достаёт чёрные очки, показывает Алёне.*) Вон, специально надеваю. Не хочу просто никого видеть, для кого пою. А в этот раз... Не получится уже не видеть. Я уже увидел тебя. Ты точно одна тут?

АЛЁНА. Да.

МИХАИЛ. Тогда пойдём.

АЛЁНА. Куда?

МИХАИЛ. В вагон-ресторан.

ФЁДОР. Давайте только без этого, а?!

МИХАИЛ. Почему?! Пойдём с нами!

Фёдор делает знак Алёне, что ему надо поговорить с Михаилом наедине, Алёна выходит.

ФЁДОР. Ты чего делаешь, а?! Ты чего творишь?!

МИХАИЛ. Ты меня сам позвал.

ФЁДОР. Я тебя позвал автограф дать, а ты!

МИХАИЛ. А что я?!

ФЁДОР. Будешь село своё вспоминать, бухать, рыдать. Хочешь с ней переспать – переспи. Я вон в тамбуре пока покурю в это время. Только не надо всего этого.

МИХАИЛ. Чего?

ФЁДОР. Ты видел, какими глазами она на тебя смотрит?

МИХАИЛ. Мы двадцать один год про любовь поём. А тебе смешно, когда я всё это пою? Тебе смешно, да?!

ФЁДОР. Я тебе уже сто раз говорил, от этого концерта всё зависит, это уже на прессе, на фанах всё завязано. Если ты бухой выйдешь или ляпнешь чего-нибудь не то, всё! Нас не пригласит больше никто. Мы ещё пару лет на сцену не выйдем.

МИХАИЛ. А у тебя ипотека, да? Без концертов никак.

ФЁДОР. И ещё двое детей. Двое! Ты знаешь, сколько ребёнка в школу только собрать, денег надо?!

МИХАИЛ. А ты всё это время со мной, потому что веришь в меня или потому что раньше мы нормально получали, и ты надеешься, что всё ещё наладится?

ФЁДОР. Скотина!

БАРМЕН. Которые в салфеточке принесли и под столом прятали. А тут только кофе взяли. У нас своё приносить не разрешается. Но думаю, ладно, старый человек.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК. Живот...живот. Умираю. Скорую!

БАРМЕН. Я знаю, на какой станции вы их купили. Ими всегда травятся. Не первый случай.

МИХАИЛ (*подозвав Официанта*). Шампанское есть у вас?

БАРМЕН. Конечно.

МИХАИЛ (*Алёне*). Шампанское пьёшь?

АЛЁНА. Конечно.

МИХАИЛ. Тогда дайте нам бутылку какого-нибудь получше. (*Алёне*). И ты закажи всё, что хочешь. Я заплачу.

АЛЁНА. Я не голодная.

МИХАИЛ. Всё равно закажи.

АЛЁНА. У нас все про вас знают. Все.

МИХАИЛ. Ну, город-то у нас с тобой маленький. Считай, деревня.

АЛЁНА. И вдруг вы! По телевизору. А вы так к нам ни разу и не приехали.

МИХАИЛ. Ну, у меня там давно уже нет никого.

АЛЁНА. Я.

МИХАИЛ. Ты?

АЛЁНА. Да! Вы только скажите, уж мы вас так встретим!

Официант приносит шампанское, разливает по бокалам.

МИХАИЛ. Давай, за тебя. Сама-то никуда не хочешь уехать? Ну, в Москву там, Питер? Ещё куда-нибудь...

АЛЁНА. Так у меня там тоже никого нет.

МИХАИЛ. Я.

АЛЁНА. Вы?!

МИХАИЛ. Да.

АЛЁНА. Представляю, как бы я свалилась вам на голову, что ваша жена бы сказала!

МИХАИЛ. Я не женат.

АЛЁНА. Нет?

МИХАИЛ. Нет, и никогда не был.

АЛЁНА. А как же, в песне вашей, про жену... это моя любимая из всех ваших. Я в школе училась, плакала просто, когда уроки под неё делала. Так красиво. Там же про жену вашу.

МИХАИЛ. Ну, я ведь не про себя пою. А так, чтобы людям нравилось. Вот, тебе понравилось.

АЛЁНА. Я тоже о своей группе мечтала. Я на гитаре играть умею. Ну, так, немного.

МИХАИЛ. Надо же!

АЛЁНА. Но мы как начали, так сразу все и перецепались. Не получилось у нас никакой группы. А я про вас вот читала, что вы двадцать лет уже вместе, одним составом. Как так у вас получается?

МИХАИЛ. Лёха с Гришкой в аварию попали.

АЛЁНА. Как?!

МИХАИЛ. Слава Богу, всё в порядке с ними. Приедут на следующем поезде. Не могу представить, как вообще буду без них. Не всё у нас ладно. Но то, что я буду с кем-то другим, а не с ними, нет, вообще не представляю.

АЛЁНА. Я вот тоже со своими думала, что мы вместе навсегда.

МИХАИЛ. И где ты нашла своих «вместе, навсегда»?

АЛЁНА. Да с одной училась вместе, с другой работала.

МИХАИЛ. А где ты работаешь?

АЛЁНА. В театре.

МИХАИЛ. В театре?! В том самом, на Калининской?!

АЛЁНА. Да.

МИХАИЛ. Надо же! На Калининской... Знаешь, я когда вообще что-то хорошее из детства вспоминаю, то всегда, в первую очередь, театр этот. Мне мать билет купила, дорогой ещё такой, на первый ряд. Ещё за день до этого поругались с ней сильно, и, не знаю, наверное, я был неправ, но сильно так поссорились, а она вдруг раз, на другой день, мне этот вот билет в театр. Я как в другом мире побывал, невероятное что-то. Это гастроли были, московского театра, он так к нам больше ни разу и не приехал. Я думал, мать мне билет один купила, потому что ещё обижается на меня, и не хочет вместе со мной никуда идти, а потом узнал, что билеты эти очень уж дорого стоили. А она

хотела, чтобы я обязательно в первом ряду сидел, на самом лучшем месте, потому что она там одного актёра московского обожала, из театра этого, с детства ещё. И мечтала увидеть этот спектакль с ним. И надо же... Ты... в этом театре... Неужели ты там играешь?

АЛЁНА. Нет. Продаю.

МИХАИЛ. Билеты?

АЛЁНА. Одежду.

МИХАИЛ. Одежду?

АЛЁНА. Театр-то уже лет семь как закрыли. Не ходит никто. А здание большое. Там теперь торговый центр.

МИХАИЛ. А садик там рядом был, с ним что? С ним что?!

АЛЁНА. Там автостоянка теперь.

МИХАИЛ (*совершенно подавленный*). Знаешь, я у одного писателя прочитал, что «тема искусства – это всегда человек и судьба. Только раньше человек спорил с великими богами, а теперь – с самим собой, с прошлым своим». Прошлое всегда нас настигает, всегда, и оно каждый раз оказывается сильнее нас. (*Подзывает официанта.*) Бутылку водки, пожалуйста.

ОФИЦИАНТ. Вам в графине?

МИХАИЛ. Всё равно.

Официант уходит.

Если не врать самому себе, то по минному полю идти легче, чем вспоминать своё прошлое.

Долгая, мучительная пауза.

МИХАИЛ. И что, как продажи?

АЛЁНА. Сейчас мало покупают. Денег ни у кого нет.

Входит Фёдор, садится за столик к Михаилу и Алёне.

ФЁДОР. Кузнецов умер.

МИХАИЛ. Кто?

ФЁДОР. Ну, Кузнецов, сейчас прочитал. Это который все эти песни придумал, музыку, «Ласковый май». «Белые розы, белые розы, беззащитны шипы»... (Алёне). С «Ласковым маем» интересно. Они знаете, как известны стали? Там продюсер их этот, Разин, с проводниками за деньги договорился, чтобы они с утра до вечера их песни во всех поездах крутили. Нам бы тоже так надо. Разин миллиарды на этих песнях сделал, а Кузнецов потом уже ни копейки не получал. Я его по телевизору недавно видел в передаче какой-то, как раз про скандалы. Он еле говорил. Так выглядел плохо, ужас.

Официант приносит водку.

Это что?

МИХАИЛ. Помянуть.

ФЁДОР. Кого?

МИХАИЛ. Кузнецова.

ФЁДОР. Какого Кузнецова?! Я тебе только сейчас сказал, что он умер, а водку ты когда заказал?!

МИХАИЛ. Я предчувствовал. Сам же говоришь, как плохо он в последнее время выглядел.

ФЁДОР. Ты чего творишь?! Хочешь всех нас похоронить?!

МИХАИЛ. Да успокойся ты.

ФЁДОР. Я тебе сто раз сказал: мы под микроскопом теперь. Если ты пьяный в хлам на сцену выйдешь, всё, ты нас похоронил. С нами никто больше возиться не будет. Сейчас безупречная репутация нужна, чтобы никто связываться не боялся, чтобы кислород не перекрыли.

МИХАИЛ. Слушай, мне в седьмом классе диплом дали за выпиливание лобзиком. Сойдёт, чтобы как-то подправить мою репутацию?

ФЁДОР. Хватит ёрничать! *(Официанту, показывая на графин с водкой.)* Унесите это!

МИХАИЛ *(Официанту)*. Не трогать! *(Фёдору.)* Давай за Лёху с Гришкой выпьем.

ФЁДОР. Нет.

МИХАИЛ. Тебе что, вообще наплевать, что они могли живыми не остаться? Что они в чужую машину врезались?

ФЁДОР. Никуда они не врезались.

МИХАИЛ. Что?!

ФЁДОР. Никуда они не врезались.

МИХАИЛ. Ты сказал, что они едут в следующем поезде. Что с ними?

ФЁДОР. Да всё в порядке с ними. Только не на поезде, а на самолёте. Тебя подводить не хотят.

МИХАИЛ. Не понял.

ФЁДОР. А ты скоро вообще ничего понимать не будешь. Очень удобно жить в каком-то своём мире. У них концерт завтра вечером.

МИХАИЛ. Какой концерт?

ФЁДОР. Они месяц уже как в другой группе играют.

МИХАИЛ. Чего?

ФЁДОР. Того! А что ты думал, что они так и будут сидеть сложа руки? Там группа очень перспективная, спонсор серьёзный, сильно вложил. Лёха – от Бога аранжировщик, Гриша – виртуоз. Им предложили, они согласились.

МИХАИЛ. А мне почему не сказали ничего?

ФЁДОР. Потому что думали: ты скажешь, что это предательство.

МИХАИЛ. Это я так скажу, или это так и есть?

ФЁДОР. Какое на фиг предательство?! Они что, тебя бросили? Нет! Нячнутся с тобой, как с ребёнком. Все мы с тобой нячимся. Со мной в детстве никто так не возился, как мы с тобой вошкаемся. Конечно, ты же у нас гений! Они на билеты на самолёт больше потратят, чем на концерте этом твоём заработают.

МИХАИЛ. И что, они думали, что завтра будут концерт играть, я не узнаю ничего?!

ФЁДОР. Там закрытый корпоратив, даже съёмка запрещена.

МИХАИЛ. Ну, да, очень удобно. А ты не с ними, потому что они музыканты от Бога, а тебе просто не предложили? Так? Так?!

ФЁДОР. Да пошёл ты на хрен! (*Резко встаёт из-за стола, уходит.*)

МИХАИЛ (*совершенно разбит*). Видишь, как оно всё получается.

АЛЁНА (*нежно касается рукой его щеки*). Не надо. Никто твоей боли не стоит. Никто.

МИХАИЛ. Какие нежные у тебя руки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сцена первая

Отдельное купе. Алёна пытается читать книгу. Волосы расстрёпаны. Михаил спит. Они похожи больше на семейную пару, чем на недавно познакомившихся людей. Михаил просыпается, смотрит на Алёну с восхищением. Потом замечает имя автора на обложке.

МИХАИЛ. Странно, что у тебя не Маяковский. Все наши фанатки всегда Маяковского с собой носили.

АЛЁНА. Я раньше тоже. Но потом все его стихи наизусть выучила. «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?». А кто для группы такое название придумал, «Водосточные трубы»? Ты?

МИХАИЛ. Я.

АЛЁНА. Ты – чудо. Вообще, поверить не могу, что я тут, с тобой. Я же с детства... Плакат твоей группы у меня дома на стене висел. И тут такое, с ума можно сойти... Даже отдельное купе. Для нас двоих.

Михаил поднимается, подходит к Алёне, нежно целует её.

МИХАИЛ (*одеваясь*). Ну, это-то как раз не чудо никакое. Такое волшебство за деньги любая проводница обеспечит, у них всегда на этот случай отдельное купе припасено. А вот то, что я тут тебя встретил, вот это волшебство! Видно, Бог всё-таки не хочет, чтобы я потерял веру в людей. Если бы не ты, я бы развернулся просто, на первой станции бы вышел, чтоб концерт этот чёртов не играть. Но теперь есть ты. Я всю жизнь пел про любовь. И, кажется, только теперь я начинаю понимать, про что я пел.

АЛЁНА. Но мы же с тобой всего два дня знакомы.

МИХАИЛ. Вот это и страшно. Представляешь, как я сильно влюблюсь в тебя потом, если уже сейчас... Алибасов любит рассказывать, как он создал группу «На-на». Не слышала?

АЛЁНА. Нет.

МИХАИЛ. У него же раньше другая была, крутая. «Интеграл». Там уровень ого-го. Он вагоны декораций возил. Симфонический оркестр просто. Шоу, каждое движение выверено. Затратно очень. И вот, они однажды в одном ДК вместе с «Ласковым маем» играли. Подряд два концерта. Алибасов там со своим вагоном декораций, репетициями с утра до вечера... Чтобы мировой уровень на сцене был. А билетов у него на пол-зала купили. А следом, после него «Ласковый май». Там вообще все билеты распродали, спекулянты втридорога толкали. Он остался посмотреть, что это за «Ласковый май» такой. А там ребята, Шатунов этот,

просто вышли на сцену, и, не стесняясь, поставили на сцену магнитофон со своими песнями. Включили, и стали просто рот под него открывать. Зал – в лёжку. Аншлаг. Все в восторге. Ну, Алибасов тогда и задумался, а на фиг вообще этот вагон декораций, репетиции, как в симфоническом оркестре, если можно вот так вот просто выйти, поставить магнитофон, и открывать рот под него... Тогда он и решил создать группу свою эту, «На-на». Потому что понял, что высокое искусство никому не нужно. Так вот и в жизни. Мы надеемся встретить что-то невероятное, найти любовь свою, а потом оказывается, как это глупо – ждать чего-то подобного... И мы довольствуемся простым кассетным магнитофоном... Так и создаются все семьи. Я думал, что и у меня так. А тут ты... *(Внезапно пугается своей откровенности.)* Чаю? Кофе принести тебе?

АЛЁНА. Кофе.

МИХАИЛ. Сейчас. Я из вагона-ресторана принесу. Там вкуснее.

Выходя, Михаил тут же сталкивается с Женщиной.

ЖЕНЩИНА. Так! Я вас предупреждаю! Не вздумайте попадаться на глаза моему ребёнку! Я думала, вы музыкант! На вас можно равняться! А вы чем занимаетесь?! Пьянствуете сначала, потом развратничаете! Это с кем вы там заперлись в отдельном купе?! Я ночью к вам, между прочим, полчаса стучалась.

МИХАИЛ. Зачем?

ЖЕНЩИНА. Хотела сказать всё, что о вас думаю. Чему у вас может научиться мой ребёнок?! Из-за вас

он ещё, чего доброго, бросит скрипку! Я вас тогда вообще на куски разорву! (*Исчезает.*)

Появляется Пассажир, на этот раз совершенно трезвый.

ПАССАЖИР. Она меня убьёт, убьёт! Она звонила. Я уже так просто не отделаюсь. Она в ярости. Только что говорил с ней. Как думаете, может записаться на какие-то курсы самообороны? Ну, там джиу-джитсу, дзюдо? (*Растерян.*)

Подходит Фёдор.

ФЁДОР (*возмущённо, Михаилу*). Да от тебя несёт! Ты так и будешь пить, не просыхая?! Можешь ты, наконец, понять, что теперь на сцену выйти, как за руль сесть, организаторы сейчас хуже ГАИ!

Михаил оставляет Пассажира и Фёдора и возвращается в купе, резко захлопнув за собой дверь.

МИХАИЛ. Так страшно туда выходить. Там одни уроды.

АЛЁНА. А ты не выходи никуда. Не надо.

МИХАИЛ. Спасибо. (*Садится рядом с Алёной, прижимается к ней.*) Знаешь, я всегда знал, что меня любили в детстве. Мама моя заботилась обо мне. Но когда я приходил домой из школы, первое, что я слышал: «почему ты без шапки, почему шарфа нет, что ты пуговицы не застегнул? Я пришла с работы, и вижу, что ты не позавтракал. Что это такое?! Почему ты не позавтракал, почему не причёсан?!» И так без конца.

Я знал, первое, что я услышу, переступив порог дома, это упрёк. Любовь бывает такой. Да, она часто такой бывает. Люди не умеют по-другому заботиться друг о друге. А так хочется, чтобы была забота, и не было бы никаких упрёков. С тобой вот именно так.

АЛЁНА. Ну, кто я такая, чтобы тебя в чём-то упрекать?!

МИХАИЛ. Ты – дом, в который я вернулся. Не тот, который у меня был, а тот, что я вспоминал. Когда вспоминаешь что-то, плохое стирается. (*Берёт в руки гитару, пробует играть.*). Я, наверное, так и не напишу больше ни одной песни.

АЛЁНА. У меня знакомая есть, она с Алексом из «Поющих деревьев» замутила, так он, когда на неё запал, вообще песни писать перестал. И она радуется ещё так, что это он из-за неё. А ты тоже из-за кого-то больше не пишешь ничего?

МИХАИЛ. Нет. Я – нет.

АЛЁНА. А почему?

МИХАИЛ. Возраст.

АЛЁНА. Возраст?! Вон Леонард Коэн в восемьдесят два года альбом выпустил.

МИХАИЛ. А ты Коэна слушаешь?

АЛЁНА. Его песня в «Шреке» играет.

МИХАИЛ. Песни я не пишу, потому что не представляю уже для кого. Думают, я на сцену в чёрных очках выхожу для имиджа. А я в этих очках не вижу никого. Не хочу никого видеть. Давно уже. Вокруг всё как пожар в сумасшедшем доме. Мы горим, а психи вместо того, чтобы тушить огонь, веселятся,

прыгают радостно. Смеются. Нет. Не хочу я видеть никого.

АЛЁНА. Дай мне.

МИХАИЛ. Что?

АЛЁНА. Очки эти. Дай мне их.

МИХАИЛ (*достаёт из сумки чёрные очки*). Держи.

АЛЁНА (*примеривая их*). Точно! Не видно ничего!
(*Приоткрывает окно.*)

МИХАИЛ. Ты что делаешь?!

Алёна выбрасывает очки в окно, Михаил пытается помешать ей, но не успевает.

АЛЁНА. Всё.

МИХАИЛ. Ты... ты...

АЛЁНА. Ты выйдешь на сцену без них.

МИХАИЛ. Нет!

АЛЁНА. Обещай мне! Посмотри за окно! Ну! Ты не видишь, красота какая?! Лес вон какой! Солнце! Посмотри! Птицы вон даже! Видишь, даже птицы! Ну, красиво же! Посмотри на мир наконец, открой глаза! Теперь ты будешь всех видеть.

МИХАИЛ (*мрачно*). Ты хочешь, чтобы я написал какую-нибудь очень грустную песню?

АЛЁНА. Зачем?! Сам ведь говорил, что я твоё счастье. Напиши про счастье. Мы ведь счастливы с тобой, да? Я вон даже не знаю, сколько сейчас времени. Счастье – это когда время само по себе, а ты сам по себе.

МИХАИЛ. Я читал, что когда Высоцкому было четыре годика, он спросил дома у мамы, а что такое

вообще счастье. Мама постаралась ему объяснить. На следующий день Володя пришёл домой из садика. «Мама, – гордо сказал он, – у меня сегодня было счастье. Манная каша без комков».

АЛЁНА (*задорно смеясь*). Ну, значит, я твоя манная каша без комков! Я твоя манная каша! Я твоя манная каша. Ненавижу эти комки! Все их ненавидят!

Михаил и Алёна обнимаются, целуются. Видно, что им хорошо, весело друг с другом. Они похожи не на страстных влюблённых, а скорее на озорных детей. Наконец, Алёна первая устает дурачиться.

Расскажи мне.

МИХАИЛ. Что?

АЛЁНА. Ну, как всё началось. Музыка.

МИХАИЛ. Не помню.

АЛЁНА. Не помнишь?

МИХАИЛ. Ну, в любви ведь тоже. Никогда не помнишь, за что полюбил человека. Хорошо помнится только за что разлюбил его.

АЛЁНА. Подожди! Ты ведь сказал, что меня любишь.

МИХАИЛ. Ещё бы!

АЛЁНА. И что, ты уже забыл за что?

МИХАИЛ. Ну, ты вошла, и как-то сразу оказалась в моей жизни. Я даже не представляю, что мы выйдем отсюда и будем как-то не вдвоём. Столько ненужных людей вокруг, какие-то концерты.

АЛЁНА. Как это – «какие-то»? Люди тебя ждут, любят. Ты должен жить ради Музыки.

МИХАИЛ. Можно я лучше буду жить ради тебя?

АЛЁНА. Можно. Но лучше – ради Музыки.

МИХАИЛ. Музыкой я уже сыт по горло. А с тобой как будто жизнь заново.

АЛЁНА. Может, ты и в группу свою меня возьмёшь?

МИХАИЛ. А что, это будет ярко. Вон Глеб Самойлов в «Матриксе», когда клавишник от него ушёл, так они девчонку взяли вместо него.

АЛЁНА. Я знаю, я была на их концерте.

МИХАИЛ. И как?

АЛЁНА. Она крутая.

МИХАИЛ. Ты тоже крутая. Давай я с Фёдором поговорю, будешь выступать вместе с нами.

АЛЁНА. Я играю плохо.

МИХАИЛ. Да наплевать.

АЛЁНА. Нет. Я не хочу так. И вы все... Вы ведь двадцать лет вместе все в вашей группе. А мы с тобой знакомы всего два дня.

МИХАИЛ. А кажется, целая жизнь прошла.

АЛЁНА. Уже?

МИХАИЛ. Что «уже»?

АЛЁНА. Уже прошла? Давай всё-таки поживём ещё немножко. Слушай, у меня когда плакат твой дома висел, я думала, ты такой неприступный. Как скала.

МИХАИЛ (*смеётся*). Я и есть скала, а ты скалолазка (*напевает песню Высоцкого*). «И с тех пор ты стала близкая и ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя!»

АЛЁНА. А ещё знаешь, девчонка одна, когда гадость сказала мне про тебя, в газете она вычитала, что ты жену бросил, алименты не платишь, с сыном не видишься, я её за косы, за косы... Так отмудохала стерву.

МИХАИЛ. Ну, теперь будет кому меня защитить.

АЛЁНА. Это же неправда, что о тебе тогда в газете писали?

МИХАИЛ. Неправда.

АЛЁНА. А то неудобно было бы перед той девчонкой, сколько она в синяках ходила. Я лет семь её уже, может, не видела, не знаю, что с ней.

МИХАИЛ. Ну, давай её на свадьбу пригласим.

АЛЁНА. Чью?

МИХАИЛ. На нашу с тобой.

АЛЁНА. Что? Ты что, жениться на мне собрался?

МИХАИЛ. Конечно.

Алёна удивлённо смотрит на него, не может сдержать смех.

Ты чего смеёшься?

АЛЁНА. Представила. Меня, прости, никто не поймёт.

МИХАИЛ. То есть, как это не поймёт... Но ты ведь сама говорила... Плакат мой... Только что про девчонку эту рассказывала.

АЛЁНА. Но это когда я подростком была. Теперь я такую музыку не слушаю.

МИХАИЛ. А зачем ты тогда на мой концерт едешь?

АЛЁНА. На твой концерт?

МИХАИЛ. Ну да.

АЛЁНА. Я не на твой концерт еду.

МИХАИЛ. Не на мой?

АЛЁНА. Нет. Мне после тебя ещё через шесть станций выходить.

МИХАИЛ. Куда ты едешь?!

АЛЁНА. Там «Зе Дигирот» на гастролях. Они ещё когда в нашу страну приедут!

МИХАИЛ. Но ты же говорила, что у кого-то там узнала, в каком я поезде.

АЛЁНА. Да.

МИХАИЛ. И что не случайно в него села.

АЛЁНА. Да. Но это по пути. Заодно.

МИХАИЛ (*ошарашенно*). По пути? То есть, я для тебя просто заодно? Ты ведь говорила, что мечтала, в детстве ещё...

АЛЁНА. Ну да. Но это была мечта детства. И она исполнилась. Я не думала, что ты так западёшь на меня.

МИХАИЛ. Западёшь... И что ты едешь на их концерт?! Что тебе нравится в них?!

АЛЁНА. Они крутые.

МИХАИЛ. А я уже нет?

АЛЁНА. Ты... ты...

МИХАИЛ. А если они там с тобой тоже... то ты и с ними, как со мной?

АЛЁНА. Ну, о чём ты говоришь! К ним близко не подступишься!

МИХАИЛ. А ко мне запросто. Да! Ты же мой автограф хотела! Будет тебе автограф!

Михаил грубо поворачивает Алёну спиной к себе, срывает с неё кофту, заламывает ей руку, и вдруг совершенно теряет.

Это что? Что это? Татуировка? Их имена? Сразу всех четверых?!

АЛЁНА. Да. А ты что, ночью не видел ничего?

МИХАИЛ. Нет. Я вообще плохо вижу.

АЛЁНА. Ты пьёшь много. Вот зрение и садится.

МИХАИЛ. Ты ещё будешь меня учить! Даже татуировку сделала! А в койку со мной. Потому что к ним не подступиться, а со мной запросто.

АЛЁНА. Не ори на меня. Что я тебе сделала?!

МИХАИЛ. Ты? Ничего. А в группе со мной играть... ты...

АЛЁНА. Ну, это шутка.

МИХАИЛ. Шутка?!

АЛЁНА. Чтобы на сцене выступать, талант нужен. А у меня его нет.

МИХАИЛ. Есть у тебя талант.

АЛЁНА. С чего вдруг?

МИХАИЛ. Играть я тебя научу.

АЛЁНА. Ну-ну.

МИХАИЛ. Будем выступать вместе.

АЛЁНА. Да, да.

МИХАИЛ (*очень зло, требовательно*). Дай мне билет на этот их чёртов концерт!

АЛЁНА. Зачем?

МИХАИЛ. Ты мои очки выбросила?! Дай мне билет, будем квиты.

АЛЁНА. Квиты? Ты научись, наконец, хорошее вокруг себя видеть, а не чужое рвать.

МИХАИЛ. Убирайся!

АЛЁНА. Уже? Всё, расстаёмся, выгоняешь, разлюби? У нас с тобой экспресс-отношения.

МИХАИЛ. Я раньше кофе везде заказывал, всегда просил эспрессо. Смотрели на меня как на дурака, я не понимал. Потом, оказалось, что кофе – эспрессо. А я почему-то думал, что эспрессо. А я не знал. Таким же вот дураком и сейчас себя чувствую.

АЛЁНА. Кофе я бы сейчас выпила.

МИХАИЛ. Я принесу. Принесу тебе кофе.

Выходит. Возвращаясь, у двери купе встречает Фёдора.

ФЁДОР. Эй! Ты чего там заперся, с этой, а?! Мне сейчас звонили. Там городское начальство будет. Оказывается, там кому-то в молодости нравились наши песни.

МИХАИЛ. И что?

ФЁДОР. И что?! То есть, ты в идеальной форме должен быть! Если хоть малейший запах от тебя учуют, всё, нам кислород перекроют!

МИХАИЛ. Мне и без того что-то воздуха не хватает.

ФЁДОР. А так его совсем не будет.

Михаил возвращается к Алёне.

МИХАИЛ. Твой кофе. Прости, не из вагона-ресторана.

АЛЁНА. Почему?

МИХАИЛ. Потому что до него долго идти. А я хочу ещё побыть с тобой.

АЛЁНА. Ну что, мир?

МИХАИЛ. Мир и покой. Вечный покой. *(Взрывается.)* Они играть не умеют, они поют хреново!

АЛЁНА. Ты всё-таки настоящий музыкант. Тебя больше всего это интересует.

44

МИХАИЛ. И наколку ещё сделала! С моим-то именем татуировку не набила.

АЛЁНА. Ну, я тогда ещё маленькая была. Родители бы не дали.

МИХАИЛ. Хорошо, на хрен этот мой концерт, без меня пусть выступают! Я с тобой поеду.

АЛЁНА. Со мной?

МИХАИЛ. Да. Хорошо! Пойдём с тобой на чёртов твой концерт! Я буду отплясывать с тобой на танцполе. Билет куплю. Что? Что ты на меня так смотришь?

АЛЁНА. Ты что, действительно так в меня влюбился?

МИХАИЛ. А ты не видишь?

АЛЁНА. Но что во мне такого особенного... Ты взрослый мужик. У тебя таких, как я, сотни же было... А тут... Да ты меня не знаешь совсем. Такое в фильмах только показывают. Мы два дня знакомы.

МИХАИЛ. Не знаю. Меня давно от всего тошнит. В петлю хоть лезь. Вдруг встречаешь человека, и как-то внезапно по-другому всё... Это как зубная боль стихает. Руки у тебя нежные. Почему у тебя такие руки...

АЛЁНА. Кофе тут невкусный у них.

Михаил берёт гитару, пытается что-то сыграть на ней, но у него ничего не получается. В отчаянии он сжимает гитару, с явным намерением что-то сделать с ней...

Что ты делаешь?

МИХАИЛ. Ничего. Я же не великий музыкант. Это они на сцене гитары за полторы штуки баксов курочат. У них шоу. А я ничтожество, мелкая сошка, вчерашний день. По Сеньке и шапка. *(Вдруг смотрит на Алёну с явной надеждой.)* Я в детстве книжку читал. Про Боксёра Билли. Там девушку он одну любил. Очень сильно. И всё хорошо у них было. И вдруг она узнала, что скоро умрёт. И она специально стала делать всё для того, чтобы он её разлюбил прежде чем это случится. И чтобы ты сейчас ни сказала, чтобы ни сделала, мне всё равно будет казаться, что ты это делаешь только для того, чтобы я тебя разлюбил. И что ты скоро умрёшь.

АЛЁНА. Иди ты к чёрту. Смерть пока не входит в мои планы.

МИХАИЛ. Я тоже в твои планы не вхожу, да?

АЛЁНА. Тебе было плохо со мной?

МИХАИЛ. Мне было слишком хорошо. Это и страшно. Я же сказал, давай поедем на этот твой концерт вместе. Я там в гостинице номер нам сниму.

АЛЁНА. Нет.

МИХАИЛ. Нет?

АЛЁНА. Нет.

МИХАИЛ. Потому что ты скоро умрёшь?

АЛЁНА. Потому что дальше нам не по пути.

МИХАИЛ. Ну, конечно. Вдруг кто-нибудь из этих обратит на тебя внимание. А тут я, путаюсь под ногами. Так в постель сразу и не запрыгнешь.

АЛЁНА. Ты писал такие красивые песни про любовь.

МИХАИЛ. Пока не встретил тебя.

46

Михаил совершенно потерян. Он как ребёнок, который больно ударился и которого надо утешить.

АЛЁНА (*прижимая Михаила к себе, гладит его*). Я же не со зла. Я нечаянно. Ну, прости меня. Это жизнь. Я не знала, что ты так... Я думала, тебе просто будет приятно... Ну, прости.

МИХАИЛ. Всё, как в детстве... Манная каша... Ты моя манная каша...

Сцена вторая.

Ярко освещённый концертный зал. У микрофона Представитель Администрации Города, который добродушно общается со зрителями.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА. Добрый день! Я рад приветствовать вас. Я вот видите, вместе с вами. Мне тоже нравится эта музыка. Я помню, в молодости ещё... И мне очень приятно, что именно в нашем городе...

Спускается в зал, радостно предвкушая выступление любимой группы. На сцене появляются три музыканта. Они переглядываются друг с другом. Раздаются крики из зала: «Просим! Просим! Bravo!»). На сцену выходит Михаил, он сильно пьян. Тут же задевает ногой шнур от микрофона, подходит к краю сцены.

МИХАИЛ. Я... Я.. девушку... в... встре... встретил... Она чу... чу... чудесная.

Крик из зала: «Он что, пьяный, что ли?»).

Я... вот дру... друзья мои... Двадцать лет... А они... за спиной... у меня... А она нео... нео... необыкновенная. Всё равно... Я с ней... Я хочу быть с ней. С ней. Она необык... *(изо всех сил старается произнести это слово, не сбившись, и ценой невероятных усилий, ему всё-таки удаётся это)* необыкновенная!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА *(встаёт, возмущённо)*. Это что такое?! Это что такое,

я вас спрашиваю?! Кто допустил?! Это компрометирует наш город! Это скандал!

Крики из зала: «Прекратите это безобразие!», «Кто его на сцену такого вывел?», «Да пусть! Он смешной!».

МИХАИЛ. Манная каша... Манная каша. Опять с комками.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА. Что происходит тут у вас?! Дайте занавес! Занавес!

КОНЕЦ

Алексей Зайцев
СОЖЖЁННЫЕ ПИСЬМА

Монопьеса

КТО-ТО ДРУГОЙ, 20 лет.

*Ночь. Комната в старом деревянном доме.
Огромный камин. Треск Поленьев. Глеющие угли.
У камина сидит Кто-то другой.*

КТО-ТО ДРУГОЙ. (достаёт из кармана смартфон, устанавливает напротив себя, включает). Привет! Был вопрос: «куда я пропал?» Рассказываю. Уехал в деревню. Гулял. Увидел старый дом. Зашёл погреться. Хозяев нет. А вот камин горит. Странно, да? Я заглянул в него и увидел в огне связку писем. (Поднимает с пола французскую треуголку и надевает на голову.) Огонь пожирал их. Я сунул руку в пламя, чтобы их вытащить. Но не успел. Письма сторели. Все до единого. Остался лишь пепел. Но я могу прочитать их и так. Это совсем не трудно. Я знаю их наизусть. Но написал их, понятное дело, не я. Написал их кто-то другой. Кто именно? Да без разницы. Хоть граф де Ла Фер!

49

Письмо 1

Дорогая Миледи!

Сегодня снова прилетали твои птицы. Клевали левую половину груди. Это было очень смешно, поскольку там давно уже ничего не осталось, и они улели голодными. Видела бы ты их удивлённо-несчастные морды!

Давно о тебе ничего не слышал. С кем ты сейчас? Ходят слухи, что всё ещё со мной. Это правда? Если да, то мне не поздоровится. Ведь я настолько ревнив, что не позволю тебе быть даже с собой. Впрочем, я, конечно, шучу. Иногда. Но сейчас предельно серьёзен.

Вчера всю ночь напролёт беседовал с луной. Похоже, мне так и не удастся убедить эту упрямицу, светить после двух. Вечно она огрызается. И, по-моему, на этот раз даже на меня обиделась. Кошмар! Она не желает со мной целоваться, когда я небрит. Говорит, моя щетина слишком царапается. По-моему, это несправедливо, я ведь не жалуясь, что каждый раз, когда мы целуемся, я съедаю по килограмму помады. После двух луна отказывается выходить за меня замуж. А я каждый день покупаю новое обручальное кольцо.

Думаешь, снова выдумываю? Ну и что с того? Твои птицы окончательно меня доконали! Особенно та, что умеет играть в шахматы. Вечно она жульничает. И не спорь! Всегда берёт себе белые фигуры и, что особенно обидно, чёрного короля. А потом, заливаясь смехом, кричит: «Мат!» А я затыкаю уши. Ты же знаешь, я не выношу нецензурную лексику.

Хорошо хоть она предупреждает, что будет ругаться, иначе даже не знаю, что б со мной случилось.

Кто-то бросил в почтовый ящик письмо на твоё имя. Смешно, да? Я час сидел перед ним, представляя того ловеласа, что мог сострять такие строки. Я чуть вышел из себя. А когда я выхожу из себя, ты знаешь, что со мной лучше не спорить. Ведь тогда я проигрываю в спорах, и тебе приходится меня утешать.

Всё, хватит! С завтрашнего дня начинаю новую жизнь! Начну пить и курить. Вчера долго думал. К сожалению, не помню о чём. Но подозреваю, что о тебе. Теперь даже не могу вспомнить, кто ты такая. Шучу. Не сердись! Альцгеймер совсем меня доконал. Я пью лекарство для улучшения памяти. Только не помню, как называется.

Ну, всё. Целую. Пора бежать. Пришёл пингвин в форме портье. Или портье, похожий на пингвина. Это уж как тебе будет угодно. Требует у меня чаевые. За чай. Я одолжил у него чашку чая. Что ещё? Ещё чашку кофе, но кофевых он с меня не требует.

Смеёшься? Вечно ты так! Я тут тебе душу изливаю, а ты... Всё, больше не напишу тебе ни слова!

Впрочем, шучу. Ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю. Той частью сердца, которую твои птицы ещё не выклевали.

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне ваш: Граф де Ла Фер.

P.S. Прошу вас выслать мне пару марок, что бы я мог отправить это письмо!

Письмо 2

Любезная леди Винтер!

В моём саду, ланфрен-ланфра, поселились кроты. Они ничего не видят, и мне приходится переводить их через дорогу. Они всегда норовят наступить мне на ногу. Всегда на правую. Не знаю почему. Даже когда держу крота за левую лапу, он всё равно наступает мне на правую ногу. Странная вещь...

Иногда кроты учат меня копать тоннели. Я учусь с усердием. Когда-нибудь я прокопаю к тебе огромный тоннель, вылезу у твоего порога с огромным букетом прекрасных цветов, и ты сразу же меня полюбишь. Я буду уса́тый и счастливый. То есть, усталый, но счастливый.

В моих карманах живёт моль. Она поселилась там надолго и всерьёз. Не знаю, что ей надо, но улетать она не желает. Порой мы с ней беседуем. Моль читает мне свежую прессу, а я качаю головой и говорю: «Бог мой, куда катится этот мир?» Моль не отвечает.

52

А ещё я поставил кипятиться чайник и стал ждать, когда ты придёшь. Но ты не пришла, чайник остыл, а я стал кипятиться.

У меня в парке есть чёрный пруд. Там лилии цветут. Я дьявольски их боюсь. По ночам они переговариваются между собой и истошно кричат: «А подать-ка сюда этого графа, а подать-ка сюда этого де Ла Фера». Я знаю, ты очень любишь эти цветы, но я слишком их боюсь, чтобы нарвать для тебя букет. Мы с Зябликом стараемся держаться от них подальше.

Я когда-нибудь говорил тебе о Зяблике? О, это не-

Сюжет

обычайное создание! Единственная птица на свете, с которой у нас полное взаимопонимание. Он мёрзнет от внешнего холода, а я от внутреннего.

Вчера Зяблик нарубил дров, и мы пытались разжечь камин. Но камыши плохо горят, а нарубить что-то ещё у Зяблика не хватает сил. Поэтому ничего у нас не вышло. Чем занимаюсь я? Пишу тебе письмо. А ты хочешь, чтобы я рубил дрова? Не смогу. Мне слишком жалко деревья. Они так стонут, когда на них замахи-ваешься. И топор тоже жалко. Он боится затупиться и потерять своё остроумие.

Пью чай с мёдом. Мёд сидит напротив и смотрит в свою чашку. Что смеёшься? С тех пор как ты уехала, мне больше не с кем пить чай по утрам. Думаешь, я заливаю? Неправда. Вот Зяблик, да! Этот заливает, и я бы даже сказал, закладывает за воротник. Но... бедняга совсем спился. Клюв порос щетиной, ни с кем не разговаривает, почти не ест. Вот мы с мёдом и сидим одни. Пьём чай. Точнее я пью, а мёд лишь делает вид. Ты меня понимаешь? Такое ощущение, что я говорю впустую. Ради тебя одной я навывдумывал столько слов, а ты до сих пор не желаешь влюбиться в меня с первого взгляда.

Вчера висящие на стене Оленьи Рога, ни с того ни с сего, со мной заговорили. Мы отлично поболтали о Гегеле и Гоголе. О Бабеле и Бебеле. О королях и капусте. Рога оказались очень хорошим собеседником. Единственное, я обиделся на них, когда они намекнули, что между нами с некоторых пор есть нечто общее. Я сразу вспомнил о тебе. Надеюсь, ты там не...ну... в общем, ты меня поняла.

Не обижайся, если я тебя задел. Я не со зла.

Вообще, у меня всё хорошо. В графстве открываются доселе неизведанные возможности. У меня много новых друзей: Зяблик, Рога...но ты знаешь, я всё ещё продолжаю надеяться, что ты вернёшься...

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне Ваш: Граф де Ла Фер.

P.S. Нашёл марки, теперь пытаюсь вспомнить твой адрес...

Письмо 3

Милая леди Кларик!

Есть в графском парке...абсолютно нечего. Сегодня я собрал последний урожай тыкв с грушевого дерева, и теперь совершенно не знаю, чем кормиться дальше. Когда-то у меня во дворе росла репка, но стоило мне её вытащить, как она тут же упрыгала прочь. Говорят, репка отправилась в город и сделала там карьеру Санта Клауса. Но точно сказать не могу. Всё это слухи.

Не так давно мне приснилось, что ты снова со мной. Это было так здорово! Я бежал за тобой по изумрудной траве и пытался тебя поцеловать, а ты смеялась и специально замедлила шаг, чтобы мне проще было тебя нагнать. Но вдруг, откуда ни возьмись, налетел сильный ветер, с неба начали падать белые лилии, и ты превратилась в бабочку. В очень красивую бабочку. И всё бы ничего, но ты уже больше не захотела быть со мной и, взмахнув лёгкими крыльями, полетела прочь. У меня в руках неизвестно откуда взялся са-

чок, и я побежал тебя ловить, но сачок был дырявый, и ты улетела. Ведь ты улетела только поэтому, правда?

Кстати, о лилиях... Эти твари окружили мою хижину и пытаются вломиться внутрь. Они очень сильные и коварные, но мы с Зябликом держим оборону. Иногда лилии врут мне, что ты приехала и стоишь за дверью. Мне всегда хочется им верить.

Значит о чём это я? Ах, да о лилиях. Они кладают зубами и хотят меня растерзать. Однако мы с Зябликом заперли все двери и окна. Сидим в хижине, никого не пуская. Держим осаду. Нам очень помогают Оленьи Рога. Помнишь о них? Я рассказывал о них в прошлом письме. Рога очень мудрые и дают нам массу советов.

Я схватываю всё на лету, и уже почти научился никому не верить. Единственный раз я допустил ошибку, когда пошёл открывать дверь. Лилии снова сказали, что ты приехала. Мне так хотелось, чтобы это было правдой... Зяблик вовремя успел меня остановить. А Рога потом долго бранили.

Осада длится уже несколько дней. Мы с Зябликом играем в покер. Рога рассказывают нам анекдоты. Иногда смешные. Иногда я даже улыбаюсь.

Зяблик курит большую гаванскую сигару и всё время жульничает, но я делаю вид, что ничего не замечаю. Хорошие друзья гораздо дороже, чем пара крекеров, которые я могу проиграть. Впрочем, ты всегда считала иначе... возможно, поэтому ты и улетела из моего дырявого сачка.

А ещё... ещё я хочу построить для тебя огромный дворец с видом на море, радугу и синее небо, чтобы

ты навсегда позабыла о наших размолвках и зажила там весело и счастливо. Однако Зяблик говорит, что даже если ты это и сделаешь, то всё равно без меня. Я отчаянно стараюсь ему не верить, но в последнее время у меня ничего не выходит. Пожалуйста, приезжай и разубеди меня. То есть его. То есть нас обоих.

Ночь. Рога спят. Зяблик стоит на карауле. Я пишу тебе очередное письмо. Интересно хоть в одном из этих действий есть какой-то смысл?

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне Ваш: Граф де Ла Фер.

P.S. У меня есть марки, и я помню твой адрес... осталось найти почтовый ящик.

Письмо 4

Прелестная Шарлотта Баксон!

Сегодня у меня весь день на душе скребут кошки. Одна персидская, а другая – сиамская. Персидская рыжая и пухлая. Круглая будто шар. А сиамская нежно-кофейного цвета с подпалинами. Худенькая, как твоя верность. У сиамской когти острее. Зато персидская скребёт старательнее. При каждом движении я слышу пронзительный скрип. Так что теперь я знаю, что такое душевная музыка.

Помню раньше мы с тобой часто спорили. Ты говорила, что никакой души нет. Есть только функция мозга. Но теперь-то уж очевидно, что ты была не права. Если бы кошки скребли мне функцию мозга, едва ли им удалось бы вырезать там узор. А так, только погляди, какую лилию они выскребли!

Что у меня ещё нового? Получил письмо от сбегавшей репки. Она бросила работу Санты и решила открыть тренинги для Снегурочек. Не знаю в чём тут суть, но только ей нужны деньги. Говорит, отдаст, как только разбогатеет. Есть даже фото: репка в костюме Санта-Клауса сидит в обнимку со Снегурочками. Честно сказать, я немного разочарован. Ведь я возлагал на неё такие надежды. А теперь, кстати, теперь она просит, чтобы я называл её Рауль.

Знаешь ли ты, что на свете нет ничего хуже снов? Допустим, я выпил бокал коньяку, послушал джаз в исполнении моих кошек и лёг спать. И что же я вижу? Я снова вижу тебя. Снова держу тебя за руку. Ты улыбаешься. Мы болтаем об эклерах и кофе. Какой твой любимый фильм? А песня? Мы слушаем её вместе. Любимый писатель? Да, мне тоже он очень нравится. Как и цвет твоих новых туфель. Отлично подходят к платью. Да, и маникюр у тебя тоже сегодня очень хорош. Я обнимаю тебя за талию и тут... «Я думаю нам нужно расстаться. Я думаю, нам нужно расстаться. Я думаю, нам нужно расстаться». И так снова и снова. До бесконечности. Пока не зазвенит будильник. Будь они прокляты эти сны!

Лилии. Они вторгаются в дом. Ломают дверь. Пролезают в окна. Оплетают любимые диски, рвут любимые книги, пьют чернила из моих ручек. Выдвигают ящики столов и вытряхивают содержимое на пол. Копаются в моих вещах. Оставляют грязные следы огромных ботинок. Они заполняют собой всё. Я смотрю в потолок и вижу, как на люстре качается лилия. Гляжу в чашку и вижу, как в чае плавает лилия. Смотрю в зеркало и... там небритая лилия с поседевшей щетиной.

Всё, пора доставать гнев! Иначе не справиться. Я достаю ключ, подхожу к сейфу и гремлю ржавым замком. Скрип. Скрежет. Сейф открыт, и гнев вырывается наружу. У моего гнева очень острые зубы. И пасть будто у крокодила. Гнев рвёт лилии на части. Уничтожает их одну за другой. Сначала те, что приносят больше всего боли, потом остальные.

Зяблик расстреливает лилии из винчестера. Только гильзы летят. Оленьи Рога спрыгнули со стены и схватили два кремневых пистолета. Секунда, другая и вот уже упали ещё несколько лилий. Я сажу у камина и сжигаю твои рисунки, сжигаю свои письма, сжигаю твои смс-сообщения, сжигаю свои сны, сжигаю твои социальные сети, сжигаю всё, до чего могу дотянуться.

Какой напряжённый момент! На секунду зрителям начинает казаться, что мы побеждаем. Один за всех и все за одного! Мы делаем из лилий овощной салат. Заливаем его соевым соусом. Посыпаем кунжутом и жрём! Едим. Вкушаем. Соизволяем кушать. Грызём салат для похудения. Наполняем витаминами наши растущие организмы. Зрители улыбаются. Ну, правда, чем не хэппи-энд? Все довольны, враги повержены. Можно смело жить дальше. Но в любой истории про любовь непременно есть он. Тот самый негодяй, к которому ты ушла. Назовём его Рафаэль.

Как он выглядит? А чёрт его знает? На мой взгляд, он выглядит, как мерзкий горбатый тролль из бутылки. Уродливый, морщинистый, туповатый. Всё время улыбается. Иногда смеётся. А смех у него противный как геркулесовая каша. И руки. Тонкие и волосатые.

Неприменно горбатый нос. И мерзопакостная щетина. И ещё он любит фильмы про супер-героев и русскую попсу. А читать вообще не умеет. Ну, если только меню в ресторане. Или комиксы. Ну, может, номера автомобилей.

Но это только на мой взгляд. Ты-то, конечно, скажешь, что он прекрасен, как Аполлон. И что в бутылках, между прочим, живут не тролли, а джинны. Так что уж постеснялся бы... А он...ну, тут ты будешь совсем неоригинальна. Просто станешь подбирать дурацкие антонимы к каждому моему прилагательному. Тоже мне задачка! И вот он у тебя уже остроумный и привлекательный. Стройный и т.д. и т.п.

Но этого мы и слушать не желаем! Мы все. Я, Зяблик, Оленьи Рога и даже две мои кошки сразу же затыкаем уши. Кто пальцами, кто лапами, кто когтями.

Зря мы так поступаем. Бежим от реальности. Прячемся. Роняем оружие. И вот мы уже беззащитны. А Рафаэль, именно так выглядит сейчас наша реальность, врывается в дом и разбивает жизнь вдребезги. Только перья летят! И нет уже никакого хэпи-энда.

Морской бриз развеивает кудри подлого злодея. Тот выхватывает шпагу и под твои аплодисменты пронзает Оленьи Рога. Или нет. Он заражает их страшной болезнью. Бросает в них порошок. Рога чернеют и падают на пол. А потом он делает пасс рукой, и Зяблик оказывается, запертым в клетку.

И вот я один на один с мерзавцем. Даже мои кошки свернулись клубками и тихо дрожат.

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне Ваш: Граф де Ла Фер.

P.S. Теперь у меня есть всё для отправки письма.
Но некому его отправить.

Письмо 5

Ненаглядная Анна де Бейль!

Нет ничего проще, чем игнорировать мир, когда он сводит с ума. Достаточно просто придумать другой. И вот в нём уже вместо солнца светит арбуз, а вместо месяца блестит кусок пикантного сыра, слегка обгрызанный мышкой. И мышка, между прочим, особенная, в судейской мантии и парике эпохи Людовика Четырнадцатого. Мышка держит в лапах какую-то книгу. А мы с тобой живём в замке на берегу моря. Или посреди леса. Как тебе больше нравится. У замка высокие прочные стены и ни одна сволочь к нам сюда не пролезет. Но это если придумать, а так...

60

А так придётся смотреть в эту мерзкую морду незнакомого мне Рафаэля. Главная сцена любого голливудского фильма – финальная битва. Мы оба выхватили шпаги и готовы биться. Вот-вот заиграет тревожная музыка. Зритель в первом ряду захрустит попкорном. Сзади нервно засмеётся какая-то девочка. Кто-то громко шикнет: Ш-Ш-Ш! И вот уже началось!

Но что я знаю о своём противнике? Что знаю о том, кто разбил вдребезги всю мою жизнь? В том то и дело, что ничего! Ни черта не знаю! Только то, что он появился на горизонте ещё полтора года назад. Да, а уз-

Сюжет

нал я об этом только сейчас. Поздновато, что ещё скажешь?

Но разве это может помешать нам достать перьевую ручку, блокнот и за две минуты превратить его в мерзкого сгорбленного Квазимодо? Ну, конечно же, нет! И вот этот Квазимодо уже стоит перед нами и мерзко дышит в лицо. Ворует наш кислород. Заставляет хвататься за сердце. Искать обезболивающее.

Однако начнём по порядку. Если мы не хотим съехать с катушек совсем. Не хотим слететь с них полностью, то...то нужно взять себя в руки. Проявить волю. Насмешливо посмотреть на всё как бы сверху. Ну или хотя бы со стороны. Взвесить все «за» и «против». Подсчитать выгоды и убытки. Увидеть новые перспективы. Написать план будущей жизни. Легко и просто забыть о прошлом. Снова запереть гнев. Нарисовать улыбку. И потом всё равно слететь с катушек. А иначе и быть не может.

Рафаэль взмахивает шпагой, но я легко парирую его удар. В сущности для меня это чепуха. По-хорошему я вообще могу с ним справиться голыми руками. Но нужна интрига. Зрители должны нервничать. Волноваться. Но что, если зрителей нет? Что, если я единственный зритель? А все остальные – только мои галлюцинации. Альтер-эго моих альтер-эго.

Драка идёт не на жизнь, а на смерть. Но я побеждаю. Рафаэль уже пятится к двери. Дыхание его сбилось. Я же лёгок, словно пёрышко феникса. Он тихо стонет под градом моих ударов. Звучит красивая музыка. Такая, чтобы брала всех за душу. Прямо нутро выворачивала. И слёзы на глазах.

Однако не будем отвлекаться. Я побеждаю. Рафаэль отступает. И тут появляешься ты. Одеты довольно буднично. Словно на календаре самый обычный вторник. Та же самая кофточка, те же джинсы. Никаких тебе бальных платьев и роскошных шляп с павлиньими перьями. Но в руке у тебя кремневый пистолет. Или же... автомат Калашникова? Базука? Ракетница? Водородная бомба? Нет. В руке у тебя самый обычный смартфон. Ты пишешь мне эсэмэску. Нажимаешь кнопку «отправить». Твоя эсэмэска взлетает и бьёт меня в спину.

Рафаэль делает выпад шпагой, но глаза мои уже ничего не видят. Кругом темнота. Поэтому я так и не знаю, кто именно отправляет меня в нокаут. Ты или он? Письмо выпадает из лап моих встревоженных кошек, и нервно кружась на ветру, падает тебе в руки. Или нет. Лучше сразу в камин. Что там написано? Чёрт его знает!

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне Ваш: Граф де Ла Фер.

P.S. Надо бы уже перестать себя обманывать и признать существование электронной почты.

62

Письмо 6

Чудесная баронесса Шеффилд!

Со мной происходит что-то страшное. После того, как Рафаэль вонзил в меня шпагу, я провалился в чёрную дыру и до сих пор падаю, не в силах достичь дна. Вокруг летят осколки прежней жизни. Какие-то проносятся мимо, какие-то вонзаются в тело и причиняют боль.

Сюжет

Всё это очень странно. Признаться, даже не мог предположить, что дом стоит на такой глубокой яме. Всегда считал его очень прочным и был уверен, тут мне ничего не грозит. Мой дом – моя крепость и всё такое. Думал почва твёрже алмаза. И вот паркет превратился в водоворот. Засосал меня внутрь, и я лечу всё ниже и ниже. В самый ад. Черти уже готовят сковороду, чтобы сделать из меня бизнес-ланч.

Если верить карманным часам, я лечу уже восемнадцать суток. Но верить им трудно. На них нет ни стрелок, ни цифр. Есть только дата. Девятое июня. Эту дату написала какая-то сволочь.

Падая вниз, я решил делать вид, будто всё ещё под контролем. Поэтому, когда я пролетал мимо наших общих знакомых, никто из них не посмел усмехнуться или сказать какую-то гадость. Но если бы такой всё же выискался, клянусь, он бы сильно об этом пожалел! Ведь я захватил с собой кнут. Как раз для таких знакомых.

А потом я упал в старое кресло. Оно стояло в доме ещё до того, как я родился. И до того как родился мой дед. И прадед. Пробило себе дорогу сквозь землю. Уходя корнями куда-то глубоко-глубоко. И вот теперь кресло тащит меня обратно вниз. Туда, откуда оно явилось.

Не так уж плохо я и устроился, чёрт возьми! Сажу в кресле, пью чай из фарфора, бью кнутом слишком любопытных людишек. Щёлкаю по лбу всех, кому не хватает такта и деликатности.

Но вот из карманных часов выпрыгивает кукушка. Чашка выпадает у меня из рук и летит вверх.

Кресло разваливается на кучу опилок и завершает свою историю. Я падаю на пол и бьюсь лицом прямо об люстру.

На пару минут я теряю сознание. Потом кто-то подносит к лицу нашатырный спирт. Огромную банку. Литров на двадцать. Я мигом прихожу в себя. Но всё изменилось. Люстра теперь лежит на полу, а холодильник висит на потолке. Из книг выпали все буквы. Они валяются возле книжного шкафа. Я беру флягу с кофе и делаю глубокий глоток. Но кто-то насыпал туда соли. Пробую на вкус козий сыр, но кто-то посыпал его сахаром.

Итак, я у себя дома. Но этот дом не настоящий. Это тень моего прошлого дома. Она чёрная и холодная. В ней совершенно невозможно согреться. Тут неуютно. Тут жутко и страшно. Мне тут не нравится. Тут нечем дышать. Но хуже всего то, что я здесь живу.

Оленьи Рога приросли к моей голове. Теперь мы враги. Отравленные ядовитым порошком Рафаэля, они почернели и обозлились. Каждую минуту они шепчут мне на уши какие-то гадости. Смеются надо мной. Задают издевательские вопросы. «Ты правда думал, что она смотрит кино с подружкой?» – спрашивают Рога. «Ты правда думал, что она ночует у родителей?» – вторяют они снова и снова.

Я хватаю пилу и начинаю пилить их. Стараюсь спилить их к чёртовой матери. Но чёртова мать возражает. Чёртова мать говорит, что рога ей не нужны. Места у неё и так немного. Куда же ещё деть рога? Чёртова мать обращается в суд и требует, чтобы рога остались со мной.

Но я пилю. Пилю изо всех сил. Летят стружки. Опилки. Ключки. Перья. Всё, что только может лететь! Летит весь необъятный мир, если хочешь. Летит космос и антиматерия. Летит гиперболоид инженера Гарина и школьная гипотенуза. Летит евклидова геометрия и эволюция Дарвина. Я спиливаю рога. Я топчу их ногами. Я их уничтожаю.

Рогов больше нет. Их нет. И быть не может. А лучше всего считать, что их и вообще не было. Но есть проблема. Я их чувствую. Я чувствую эти чёртовы рога! Я подхожу к зеркалу, и их там нет. Берусь за голову, и их там нет. Но стоит мне выйти на свет и взглянуть на пол, как я тут же вижу тень этих мерзких рогов. И чувствую, как они пульсируют, разрастаясь в моих висках. Разрывая мой тесный череп.

Этот мир очень страшный. Мне тут неуютно. Зяблик почему-то сидит в клетке и молчит. Он выглядит как обычная птица. Куда-то пропали его нарядные брюки и камзол. Куда-то делась его роскошная треуголка а-ля Бонапарт. Сам он стал совсем крошечным. А раньше был ростом с меня. Что происходит?

Я беру паспорт и вижу в нём своё фото. Но имя там чьё-то чужое. Совсе не графское. Кто-то другой присвоил себе меня. Кто другой стал мною. Кто-то другой живёт теперь моей жизнью. А я стал лишь его тенью. Да! Так и есть! Я стал чьей-то тенью! Возможно даже, я стал тенью своей тени.

Весь этот мир – сон. Страшный и долгий сон, который тянется много суток. А всё, что я вижу вокруг, это галлюцинации! Ведь Зяблик не мог стать таким маленьким и лишиться речи. А Рога не могли стать

мне врагом. И ты, ты не могла нанести тот удар, что отправил меня в нокаут. Значит всё это бред. Лихорадка. Высокая температура. Мне просто нужно её перетерпеть. И всё пройдёт. Я вылечусь. Исцелюсь. И всё станет как раньше. Даже ещё лучше. Ведь теперь я постиг боль и знаю цену счастью.

Но у меня из груди льётся кровь. Это какое-то безумие. Это уже совсем не смешно. И в этом уже нет ни капли юмора. И то, что так хорошо начиналось, уже кажется чем-то совсем дурным. Да. Поэтому я просто отвернусь. Или закрою глаза. Я просто не буду замечать того, что из меня льётся. Но я слышу стук капель. Они падают на пол и звенят. Будто стекло, чёрт возьми!

Да, в груди рана. Если открыть глаза и всё же взглянуть, то, наверно, её выклевали твои птицы. А я прозевал. Но рана теперь очень глубокая. И не замечать её очень трудно. К тому же оттуда льётся. Красное, словно вино.

Но вот я беру нитку. Иголку. И зашиваю эту прореху. Рана зашита. Словно её и не было. Я подхожу к зеркалу и улыбаюсь. Улыбаюсь до тех пор, пока швы не расходятся и кровь опять не начинает струиться.

Тогда я закрываю глаза и говорю себе, что ничего этого не было и нет!

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне Ваш: Граф де Ла Фер.

P.S. Я посылаю тебе это письмо из кошмарного мира снов. Мира, который не существует. Скоро я выберусь отсюда, и мы опять будем счастливы.

Письмо 7

Прекрасная графиня де Ла Фер!

Меня чрезвычайно всё бесит. Выводит из себя. Действует на нервы. Доводит до белого каления. Заставляет скрежетать зубами. Всё отвратительно. Отвратительна еда, отвратительно солнце, отвратителен дождь, но более всего отвратителен твой Рафаэль.

Гнусный мерзавец, сотканный из лилий, вызывает во мне дикую ярость. Прямо сейчас мне хочется взять дубину и съездить ему по башке. Рафаэль. До чего слащавое и гадкое имя. Разве так могут звать настоящего... Нет, погоди... ведь Рафаэль – это великий художник. Архитектор. Гений. И ещё так звали одну черепашку-ниндзя. Так что имя то само по себе хорошее. Просто досталось сволочи.

Да. Именно так. Прекрасное, красивое имя досталось подонку и идиоту. Да. Такому негодяю следовало бы дать имя попроще и попротивнее. Например Квазиморда. И не путай, пожалуйста, с Квазимодо! Ведь Квазимодо был добрым, а этот сукин сын разрушил мою жизнь.

Итак, Рафаэль. Интересно, есть ли у него фамилия? Ну уж точно не Сабатини. Пусть фамилия этого мерзавца будет Свинорылов. Или... Грязнопузов. Рафаэль Грязнопузов. Да, годится. Окажись он сейчас тут, я взял бы со стола книгу. Потолще. «Войну и мир». Все тома. И ударил бы его дубиной народной войны прямо в морду.

Но! Как он вообще сумел пролезть в наш мир? Этого я не понимаю. Вот есть мы. Есть я. И есть ты.

Нас двое. Мы живём. Смотрим фильмы. Обсуждаем книги. Слушаем музыку. Едим шоколад и мороженое. И тут появляется он. Как, чёрт возьми, он вполз в нашу жизнь? Откуда он тут взялся? Какие черти принесли его в наш дом? Мне этого не понять.

Мне нужен детектив. Хороший детектив. Мисс Холмс. Которая беспристрастно отыскала бы все следы. Нашла улики. Обнаружила отпечатки... Что, собственно, такое этот Рафаэль? Давай разберёмся! В сущности, это огромная двухметровая лилия, в мужских брюках и кружевной белой рубашке с жабо. У него длинные чёрные волосы, которые он красит в белый цвет. И сам себя зовёт белокурым. И эти волосы завиваются огромными кудрями. И ещё у него обязательно должна быть петлица, из которой торчит крошечная лилия. И запах...ну только не французского одеколona. Все мы знаем, где растут лилии. Так что от этого мерзавца воняет болотом.

И вот он влезает в мою жизнь и рушит её. Прямо сейчас я хочу вызвать его на дуэль. Хочу взять кремневый пистолет и пойти с ним стреляться. Или драться на шпагах. Рапирах. Зяблик будет моим секундантом. А ещё лучше снести ему башку самурайским мечом. Катаной. Если бы я только знал, как до него добраться! Я позвонил бы ему. Или отправил письмо. Или просто встретил его у порога. И пристрелил бы мерзавца. Заколол бы. Дуэль. Турнир. Но...

Но надо признать, что я сам виноват. Да. В конечном счёте, если бы я был умнее, если бы я был внимательней, этот поганец никогда не пролез бы в наш дом. Его бы пришибло первой же ловушкой, расставленной

в ста километрах от входной двери. И мы бы с тобой о нём даже не узнали. Но... я сплеховал. Я сваял дурака. И вот теперь расхлёбываю эту кашу. Расхлёбываю этот геркулес. Который ненавижу ещё с детского сада. Что может быть противней? Разве что Рафаэль. Но надо признать, в последнее время, я слишком от тебя отдался. Всё же жить в разных городах, в разных странах, на разных планетах, это чересчур. Кто там сказал, что расстояние укрепляет чувства? Не знаю. Но обязательно найду в интернете. И тогда уж ему не сдобровать. Он тоже повинен в том, что я на это повёлся.

Когда живёшь на разных планетах, отношения рушатся. Такова правда. И не нужно себя обманывать. Я виноват, конечно. Да. Я ведь совсем не стремился с тобой увидеться. Я ни разу не сел в карету, запряжённую тыквой, и не завёл двигателя ракеты. Я не погнал тройку вороных, чтобы встретиться с тобой рассвет, и не сидел в колеснице, преодолевая расстояние. Собственно, я не сделал ни одного шага, чтобы стать к тебе ближе. Да, я виноват.

Но зато сколько раз я обещал это сделать? Сотню? Две? Трудно сказать. Обещать я умею. На словах я могу оказаться у тебя хоть сегодня. Или даже вчера. Не веришь? Это проще простого! Смотри: «И вот я сел в машину времени и оказался перед её домом ровно за день до того, как она должна была познакомиться с Рафаэлем. Я протянул ей огромный букет бордовых роз и крепко прижал к груди. Мы целовались. Я нежно поцеловал её в шею. Или нет. Страстно. Да. Сорвал с неё лёгкий оливковый шарф и страстно поцеловал её в шею». Видишь, как просто, когда имеешь дело только со словами?

Наверно, ты перестала верить. Да? И устала ждать. Что ж, вполне логично и закономерно. Я не виню. А впрочем, никаких «но». Если бы я захотел, если бы я старался, то...чёртов Рафаэль вообще никогда не появился бы в нашей жизни. Для него просто не осталось бы места. Но я оплошал. И вот этот гадкий мерзавец заполнил собой те часы и пространства, в которых меня не было.

Да. Можно рассуждать и таким образом. И тогда во всём виноват только я. И мой приговор – пуля. В лоб или в висок. На ваше усмотрение. Но, милая, чёрт возьми, тебя ведь никто не толкал к нему в объятия, верно? Никто не заставлял тебя ходить с ним на свидания и обниматься при луне. Никто не заставлял тебя лгать и лицемерить. Никто не заставлял тебя выдавать его за подругу.

Я мог бы сколько угодно винить себя или его, но если бы ты не открыла дверь, не повернула в замочной скважине ключ, лилии никогда не пролезли бы в дом. Не опутали его своими корнями. Но ты позволила им это сделать. Именно ты их впустила.

70

И теперь, когда всё вокруг рушится, когда стены крошатся в чёрный песок, а паркет под ногами становится болотом, я знаю, кто это сделал. Я знаю, почему по моей комнате скачет торнадо и разрывает меня на части. Я знаю...

И всё что я могу, это принять участие в разрушении. Стать его частью. Ускорить его. Смотри: я рву все твои фотографии. Я сжигаю твои портреты и делаю самолётики из твоих писем. Я строю бумажные кораблики из твоих признаний в любви и посылаю их по

Сюжет

грязным весенним ручьям в канаву. Я удаляю каждое твоё пожелание «доброй ночи и сладких снов». Тем более, что сны мне снятся давно уже очень горькие. Такие, что перец чили кажется в сравнении с ними изысканным пирожным.

Я превращаю в конфетти праздничные открытки, ломаю мебель, прыгаю на письменном столе, пинаю портфель, швыряю стакан в экран телевизора. Я пробиваю компьютер и вытаскиваю из него провода. Жую электронные схемы. Я разрушаю всё, что ещё не разрушено. Я хочу, чтобы всё это кончилось, как можно быстрее.

С любовью и т.д. и т.п.

Искренне не Ваш: не Граф, не де Ла Фер.

P.S.: Ты никогда не получишь этого чёртова письма! Так и знай! Прямо сейчас я возьму и разорву его в клочья.

Письмо 8

Дивная Лилия!

Я совершенно сбит с толку происходящим. Я заблудился в этом лабиринте и никак не найду выход. Всё, что я знал, обесценилось. Мой опыт теперь ничего не стоит. Я всегда был уверен в том, что витаю в облаках, но, оказывается, прозябал в болоте. Я думал, я некоронованный принц, а оказалось, простой оборванец. Я был убеждён, в небе есть особенная звезда, которая горит лишь для меня одного, но теперь я вижу лишь бездонную чёрную дыру.

Однако пойдём по порядку. Пора вернуть в этот мир щепотку логики.

Вот, допустим, этот поганец Рафаэль. Я бы хотел, чтобы его вообще не существовало на свете. Хотел бы ничего и никогда о нём не знать. Но так уж получается, что я знаю. И он существует. И ты существуешь рядом с ним. И я уверен, что всему виной какая-то чёрная магия. Какой-то Верховный Маг решил посмеяться надо мной и создал этого Рафаэля. А потом вообще превратил мою жизнь чёрт знает во что.

Да. Верховный Маг. Кто ты? Не знаю. Но согласись, это как-то уж слишком жестоко, что ты со мной сделал. Я понимаю, что для тебя я обыкновенный муравей и всё такое, но ты ведь мог обойтись со мной и немного помягче. Хотя бы чуть-чуть.

Ну, взять хотя бы этого мерзкого Рафаэля. Раз уж ты решил создать его – я не протестую. Мне это не нравится, но я готов немного потерпеть. Но зачем тебе надо было совать его в мою жизнь? А тем более так настырно. Ну, ладно бы он мелькнул там на пару дней, как ничего не значащий персонаж, как тень и этого было бы достаточно.

Ну, пусть он показался ей привлекательным. В такое, конечно, трудно поверить. Но я готов это допустить. На секунду. Ну, пусть даже у неё возникли к нему чувства. Пусть даже она им увлеклась. Но то, что ты вытворяешь переходит уже всякие границы!

И этот хаос вокруг. Я никак не могу привыкнуть. Всё живёт по другим законам. Всё вышло из-под контроля. А я так уже не могу. Ты понимаешь? Не могу

так! У меня под ногами земля расплзается! Я в нору скатываюсь. Меня носит из стороны в сторону. Так не годится. Меня это не устраивает!

Пусть хоть что-то образуется. Не всё, но хоть что-то... Например, Зяблик. Пусть он останется маленьким, как сейчас, и больше никогда не сможет носить человеческой одежды. Пусть не сможет курить и стрелять из винчестера. Пусть даже не сможет играть со мной в покер. Но верни ему хотя бы речь, чтобы я мог с ним поговорить. Мне ведь кроме него вообще поговорить не с кем!

Пусть Оленьи Рога не оживают, но и не предают меня. А мои кошки? Куда они делись? Я никак не могу их найти. Да, безусловно, мне было больно, когда они скребли у меня на душе, но я хотя бы был не один. А теперь? Верни моих кошек! Они так сладко мурлыкали. Ну, хотя бы одну!

Пусть хоть что-то станет как раньше. Не всё. Но хоть что-то! Пусть люстра останется на полу, а холодильник будет на потолке, чёрт с ним! Но верни хотя бы буквы в книги. Сделай так, чтобы сахар был сладким, а не солёным. И чтобы чашка билась на осколки, а не на перья. Иначе к этому трудно привыкнуть...

Ну да чёрт с ним, с этим Верховным Магом! Дивная Лилия, ты-то разумней, чем он? Ну, уж во всяком случае, точно роднее. Ты ведь вполне можешь сказать, что всё это было шуткой. Или мсть? Мне трудно поверить в то, что ты такая злопамятная, но допустим. Допустим, ты решила мне отомстить и заставила меня ревновать. Так, чуть-чуть. Просто, чтобы я уделил тебе больше внимания.

Или вот, например. Допустим, он произвел на тебя впечатление. Зацепил, так сказать. Пока я сидел в замке. Пока играл в покер с Зябликом и собирал урожай лунных персиков. Он стал для тебя мимолётным увлечением. Но не более!

С любовью и т.д. и т.п.

Не Ваш: не знаю кто.

P.S. Я готов переписать это письмо, если ты пойдёшь мне навстречу.

Письмо 9

Моя сладкая N!

Вот уже семь месяцев я лежу на полу и смотрю на свисающий с потолка холодильник. Мне уже глубоко наплевать на то, что он вверху, а я внизу. Мне уже наплевать на то, что соль стала сладкой, а сахар солёным. И в принципе, я вообще не чувствую никакого вкуса. Если закрыть глаза и что-нибудь выпить или съесть, я ни за что не пойму, что это было. Да мне и неважно.

Я уже прекрасно понял, что эта грязная ободранная квартирка никогда не сможет снова стать замком. Что мне уже никогда не быть графом и что все репки-санта-клаусы давно мертвы. Я уже не смогу запрыгнуть на облако и прокатиться к башням огромного дворца, где можно было бы ходить с тобой по бесчисленным комнатам. Помнишь, сколько их у нас было?

Мне ясно, что Зяблик уже никогда не заговорит человеческим голосом, а так и будет чирикать на своём птичьём языке, совершенно мне непонятном. Разде-

лѐнные решѐткой клетки, мы смотрим друг на друга, и тщетно пытаемся друг друга понять.

Я знаю, что мои кошки ушли туда, где их лучше кормят. Где им наливают больше молока и дают больше сметаны. Наверно, они сладко мурлычат, и в глазах у них светятся маленькие сердечки. Как знак признательности. Знак любви. Они ласковы и когти их спрятааны, чтобы никого не поранить.

Рафаэля не существует. Мне даже смешно, что я когда-то мог такое произнести. Понятное дело, что существует. Да ещё как! Скорее уж я не существую. Или существую только в твоей памяти. Как несколько телефонных звонков, утренних эсэмэсок и глупеньких писем.

Рафаэль. Что ж, очевидно, он оказался успешней меня, и видимо, смог дать тебе что-то, чего тебе не доставало. Смог дать то, в чём ты нуждалась. И вероятно, он был более решителен. Более активен. Действовал. Рисковал. Носился к тебе на край света, в то время, пока я сидел в графстве и писал эти письма.

Ты выпорхнула из моего сачка навсегда. И ты уже никогда не вернёшься. Мне уже не заманить тебя обещаниями. Ты не приедешь, чтобы кататься на радуге и летать наперегонки с луной. Не станешь слушать ночных сказок и проходить дурацкие тесты на совместимость. Мне не увлечь тебя свежесваренным кофе и запеченной с яблоками уткой. Не заинтриговать загадочным фильмом, идущим три часа кряду, и мультиком с длинным названием.

Ты уже не вернёшься. И эти чёртовы письма так и будут лежать нераспечатанными у твоего порога, прямо в снегу.

С любовью и т.д. и т.п.

P.S. Ты никогда не сможешь прочесть это письмо, потому что я его не писал.

Письмо 10

Здравствуй, Настя.

Как там кошки? Не скучают ли по старой квартире? Квартира по ним скучает, если что. Как и старый хозяин.

Вчера я разбираю комнату и нашёл синий мячик, тот который любила Таська. Помнишь, он потерялся, и мы никак не могли его найти? Короче, оказалось, он закатился за кровать. И лежал там всё это время. Медитировал.

Я выбросил все старые цветы. Они засохли и стали похожи на тень отца Гамлета. Ну, или на какие-то другие тени. Те, что исчезают в полдень, например. Или те, что под глазами у нашей бывшей соседки. Теперь у меня весь подоконник заставлен нарциссами. Что-то я проникся особой любовью к этому цветку.

Я выпустил зяблика из клетки, и теперь он чаще всего спит на столе. Иногда на диване. А порой засыпает прямо у меня на голове. Мне кажется, он доволен. Свободой. А чтобы ему не казалось, что это временное явление, я вышел на улицу и выбросил клетку на помойку. Там ей самое место. Как и всем клеткам в мире.

И ещё я решил дать зяблику имя. Всё же глупо его называть просто Зяблик. Сначала я хотел назвать его Атосом, но в свете текущих событий, назвал просто Сартр.

Вообще, я очень рад, что выкупил его у того пройдохи возле метро. Мы с ним отлично проводим время. Он помог выкарабкаться мне, а я ему. Птицы очень благодарные существа. Ну, по крайней мере, некоторые из них. В общем, у нас с Сартром полное взаимопонимание.

Наверное, можно было бы ещё много чего написать, но иногда слова кажутся чем-то лишним. Поэтому, у меня всё.

Если захочешь, пиши мне на: graf_atos@bk.ru

P.S. Настя, надеюсь, у тебя всё хорошо. Желаю тебе счастья и всяческих успехов. Передавай привет Лунному Котику и Бордовому Платью.

Удачи тебе и т.д. и т.п.

Саша (ну, или Кто-то другой).

ВАШЕ ПИСЬМО ОТПРАВЛЕНО.

User not found, No such user.

КОНЕЦ

Дмитрий Ретих ПЛОЩАДЬ ЗАЩИТНИКОВ НЕБА

*Маше Ананенко
Благодаря тебе и для тебя*

Пьеса

Действующие лица:

МАРАТ, 19 лет, парень с печальными глазами

ЗОЯ, 19 лет, девушка с горящими глазами

ТАКСИСТ, 57 лет, мужчина с горящими глазами

МУЖЧИНА, 38 лет, мужчина с печальными глазами

ПАССАЖИРКА, 57 лет, женщина с печальными глазами

ЖЕНЩИНА, 38 лет, женщина с печальными глазами

ДРУГОЙ, 43 года

АЛЬБЕРТ, 29 лет

78

Сцена 1

Квартира Марата. Марат выходит из ванной, идёт на кухню, садится за стол. Марат сидит какое-то время, поглядывая на настенные часы. Звонок в дверь. Марат идёт в прихожую, открывает дверь. На пороге стоит Зоя, тяжело дышит.

© Ретих Дмитрий Александрович, 2023

ЗОЯ. Привет. Я Зоя. Лифт не работает, я по лестнице.

МАРАТ. Пешком на девятнадцатый?.. Здесь такое часто бывает. Я Марат. Проходи.

Зоя входит, осматривается, снимает обувь.

Не снимай.

ЗОЯ. Я уже.

МАРАТ. Ну ладно, как хочешь. Проходи.

Зоя идёт на кухню, подходит к окну.

Хочешь чего-нибудь? Кофе там, чай.

ЗОЯ. Не особо... Не передумал?

МАРАТ. Да нет, всё в силе.

ЗОЯ. А с башкой у тебя не того?

МАРАТ. С башкой?

ЗОЯ. Дай посмотрю на тебя.

Зоя осматривает Марата с разных ракурсов.

МАРАТ. Да нет, вроде бы. Вроде бы нормально было.

ЗОЯ. Это хорошо... А где твоя, ну эта?..

МАРАТ. Мама? Она у подруги. У тётки Вари. Они там соленья какие-то... До понедельника не вернётся. Наверное.

ЗОЯ. Это хорошо... В первый раз будешь?

МАРАТ. Ну да.

ЗОЯ. Боишься?

МАРАТ. Не особо... Сейчас не особо. Когда тебя ждал, немного дёргался. Думал: нормальная или нет?

ЗОЯ. И что, нормальная?

МАРАТ. Вроде норм.

ЗОЯ. А тебе разве уже не всё равно?

МАРАТ. Не знаю даже... Нет, наверное. Хотел бы, наверное, чтобы человек был... такой...

ЗОЯ. Какой?

МАРАТ. Ну, как ты.

ЗОЯ. Это какой?

МАРАТ. Ну, в целом... Типа приятный такой... Симпатичный...

ЗОЯ. Я приятная?

МАРАТ. Вроде бы.

ЗОЯ. И симпатичная?

МАРАТ. Ну да, в целом.

ЗОЯ (*усмехается*). Ты всегда такой?

МАРАТ. Какой?

ЗОЯ. Весь какой-то зажатый.

МАРАТ (*пауза*). Я вообще-то тут собрался это...

ЗОЯ. Точно, я забыла. (*Пауза.*) Скажешь, когда будешь готов?

МАРАТ. В принципе, я готов.

ЗОЯ. Так сразу прям готов?

МАРАТ. Ну, не совсем сразу так прям. Я это давно планировал. Морально готовился.

ЗОЯ. Ну да, да, ты писал чего-то такое... Моральное... Хочешь накачаться для храбрости?

МАРАТ. В смысле?

ЗОЯ. Ну, так делают, чтобы посмелее стать. Бухнуть там или, может, закинуться.

МАРАТ. А! Нет, спасибо. Хочу на чистую голову.

ЗОЯ (*пауза*). Или подрочить может?

МАРАТ. Нет, не надо. Спасибо.

ЗОЯ. Да не на меня же, а просто... Чтобы снять напряжение. Или тоже не любишь?

МАРАТ. Слушай, давай уже перейдем к делу, а потом ты уйдёшь и... уйдёшь.

ЗОЯ. Давай. Мне всё равно. Я просто хотела...

МАРАТ. А давай ты просто хотела... Просто сейчас я хочу, а ты как бы... Короче, я устал от этого разговора.

ЗОЯ. Я могу вообще прямо сейчас уйти.

МАРАТ. Я не держу.

ЗОЯ. И что ты будешь делать?

МАРАТ. Найду кого-нибудь другого.

ЗОЯ. Тебе же не всё равно кто будет? Типа приятного, симпатичного...

МАРАТ. Не всё равно. Но ты первая согласилась, поэтому я... не выбирал.

ЗОЯ. Если честно, я думала, что это прикол.

МАРАТ. Да? А когда поняла, что это не прикол?

ЗОЯ. Да вот только что. Когда тебя увидела.

МАРАТ. А что, по мне так видно?

ЗОЯ. Ну да... У тебя прям на лице написано: «всё».

МАРАТ. Да? *(Пауза.)* То есть, ты пришла по при-
колу?

ЗОЯ. Не так что бы прям поржать... А что, нельзя?

МАРАТ. Да нет, можно, смейся на здоровье.

ЗОЯ. Да что-то уже не хочется. А ты точно сдела-
ешь это?

МАРАТ. Ты во мне сомневаешься?

ЗОЯ *(улыбается)*. Смешно.

МАРАТ. Я рад. *(Пауза.)* А ты точно готова?..

ЗОЯ. А мне-то что готовиться?.. А зачем тебе во-
обще свидетель? Чтобы не дать заднюю?

МАРАТ. Не знаю. Я об этом не думал. Просто не
хочу быть один.

ЗОЯ. Или ты хочешь, чтобы тебя отговорили?

МАРАТ. Не пытайся даже, я тебя выгоню.

ЗОЯ. Как скажешь.

МАРАТ. Пошли?

ЗОЯ. Как скажешь.

Марат идёт в ванную, Зоя идёт следом.

МАРАТ. Ещё горячая.

*Марат садится на край ванны, Зоя садится на
крышку унитаза.*

Ты куда не торопишься?

ЗОЯ. Не особо. *(Достает телефон, смотрит на
экран.)*

МАРАТ (*пауза*). Если хочешь, можешь заснять.

ЗОЯ. Что?

МАРАТ. Ну, всё это.

ЗОЯ. Зачем?

МАРАТ. Выложишь где-нибудь.

ЗОЯ. Нет уж, спасибо. Кто на такое захочет смотреть?

МАРАТ. Есть любители. Вампиры, некрофилы. В даркнете. Можно денег приподнять.

ЗОЯ. А лучше другим способом приподниму.

МАРАТ. Да, у меня к тебе одна просьба... Не бери ничего. Из маминых вещей особенно. Деньги можешь забрать.

ЗОЯ. Я не собиралась ничего брать.

МАРАТ. Ну, вдруг. Я не наезжаю.

ЗОЯ. Я же не вор. Ты меня сам позвал. Хочешь, паспорт покажу?

МАРАТ. Нет, не хочу о тебе знать. Зачем эти привязки.

ЗОЯ. Как хочешь... Раздеваться будешь?

МАРАТ. Нет, я так. Пусть в одежде достают.

ЗОЯ. Ну и правильно. (*Пауза.*) Ты девственник?

МАРАТ. А что?

ЗОЯ. Просто похож немного на девственника.

МАРАТ. И что если девственник?

ЗОЯ. Ты так и не узнаешь, что такое секс. Если, конечно, ты девственник.

МАРАТ. И что? Мне это неинтересно.

ЗОЯ. А что тебе интересно?

МАРАТ. По-настоящему – ничего.

ЗОЯ. Что, никогда ничего не интересовало?

МАРАТ. Не особо.

ЗОЯ. Жесть. Это всё объясняет.

МАРАТ. Что объясняет?

ЗОЯ. Ну, то, что ты собрался это...

МАРАТ. Думаю, ничего это не объясняет.

ЗОЯ. Не знаю... А почему именно так, в ванной?

МАРАТ. Не знаю. Так дольше. Лёг, расслабился, подумал о чём-то приятном.

ЗОЯ. Вот. Значит, есть что-то приятное.

МАРАТ. О смерти, например.

ЗОЯ. *(улыбается)*. Может пенку добавишь – приятноенько.

Марат улыбается, пробует воду.

84

Если хочешь, я могу помолчать.

МАРАТ. Пока можешь говорить. Потом лучше помолчать... Почему ты согласилась?

ЗОЯ. Не знаю. Стало интересно. Я в медакадемии учусь. Но дело не в этом. Просто стало интересно.

МАРАТ. Ты же не верила. Думала, что это прикол... Не боишься за себя?

ЗОЯ. Почему?

МАРАТ. Ну, что крыша может поехать.

ЗОЯ. Не знаю. А что, может?

МАРАТ. Наверное. Жуткое зрелище.

ЗОЯ. Посмотрим... Хочешь меня испугать?

МАРАТ. Нет. Просто подумал, что ты несерьёзно относишься.

ЗОЯ. Я? А мне-то что? Это не моя жизнь. А ты будь серьёзным. Самое время.

МАРАТ. Просто я вёл бы себя по-другому на твоём месте. Нервничал бы. Хотел бы свалить.

ЗОЯ. Эй, мы так не договаривались. Не говори мне как себя вести. Я сейчас реально уйду.

МАРАТ. Да делай, что хочешь. Сама решай. Можешь уйти, можешь остаться.

ЗОЯ. Короче, не надо так, ладно.

МАРАТ. Ладно. Видимо надо поменьше болтать.
(Снова пробует воду, затем залезает в ванну прямо в одежде.)

ЗОЯ (пауза). Горячая?

МАРАТ. Немного.

ЗОЯ. А чего залез?

МАРАТ. Надоело ждать.

ЗОЯ. Ясно. Я не спешу. Делай в своём ритме.

МАРАТ. Я тоже не тороплюсь. У меня просто такой ритм... Дёрганный.

ЗОЯ (пауза). Ну и как давно ты планировал?

МАРАТ. Давно.

ЗОЯ. Поэтому спешишь?

МАРАТ. Я не спешу, я всегда такой. Говорю же, дёрганный. Дай, пожалуйста, лезвие. У зеркала.

Зоя берёт бритвенное лезвие, протягивает Марату. Марат опускает лезвие в ванну, готовится резать вены. Зоя отводит глаза в сторону, Марат замечает это.

Что такое? Что-то случилось?

ЗОЯ (*хихикает*). Нет, всё норм. Сейчас. Погоди.

МАРАТ (*улыбается*). Нет, серьёзно, в чём дело?

ЗОЯ. Просто подумала. Вспомнила.

МАРАТ. Что?

ЗОЯ. Неважно. Там личное. Ты не знаешь. Долго объяснять.

МАРАТ. Расскажи, мы же не торопимся.

ЗОЯ. Нет, там полный бред. Там надо знать мою подругу, а то непонятно будет.

МАРАТ. На самом деле мне даже неинтересно... И давай с этого момента ты не будешь меня отвлекать.

ЗОЯ. Хорошо, не буду.

МАРАТ. Нет, серьёзно. Просто смотри и всё. Как договаривались.

ЗОЯ. Хорошо.

МАРАТ. Просто ты мне сначала понравилась, а потом как-то у нас не очень пошло...

ЗОЯ. Да? Вроде нормально всё.

МАРАТ. Нет, я тебе с моей позиции говорю, что что-то пошло не так. Не знаю в какой момент.

ЗОЯ. Может, когда я про девственность спросила?

МАРАТ. Нет, ну ты правда не врубаешься?

ЗОЯ. Я просто хотела разрядить обстановку. Тебя не парит напряжение какое-то?

МАРАТ. Меня пока только ты напрягаешь. Я вообще спокойный человек. А сейчас ты меня прям очень напрягла.

ЗОЯ. Ну, блин, я не хотела. Я думала, мы с тобой как друзья поговорим.

МАРАТ. А мы друзья?

ЗОЯ. Я не говорю: друзья. Я говорю: как друзья. Это разные вещи.

МАРАТ. Нафига прикидываться друзьями?

ЗОЯ. Ну, вот как раз чтобы ты не напрягался.

МАРАТ. Я вообще не понимаю, как у тебя мозг работает. Мы бы с тобой никогда не стали друзьями. Пять минут разговора с тобой и у меня кукуха начинает свистеть.

ЗОЯ. Ну, не знаю... Я бы смогла с тобой дружить. Ты так забавно психуешь. Такой злюка.

МАРАТ. Нет, это точно фейл. Надо было сначала познакомиться, встретиться, поговорить. А так это бред какой-то.

ЗОЯ. Познакомиться, встретиться – это вообще-то свидание называется.

МАРАТ. Не знаю, как это называется, но то, что сейчас происходит – это полная хрень называется. Очень плохо.

ЗОЯ. Постой, ты даже на свидания не ходил?

МАРАТ. Какое тебе дело? Ты будешь как-то по-другому смотреть?

ЗОЯ. Нет, просто... А чего ещё у тебя в жизни не было?

МАРАТ. У меня ни хера в жизни не было и не будет! Всё, закрыли тему. (*Готовится резать вены.*)

ЗОЯ (*пауза*). Извини, что отвлекаю, но я в туалет захотела.

МАРАТ. Ты издеваешься?

ЗОЯ. Мне очень стыдно. Очень-очень.

МАРАТ. Я вылезать не буду. Делай свои дела, я отворюсь.

ЗОЯ. Я так не могу. Я стесняюсь.

МАРАТ. Ты серьёзно? А я никому не расскажу, я заберу это с собой в могилу.

ЗОЯ (*улыбается*). Смешно... Ладно, я потерплю. Умрёшь, а потом я сделаю свои дела.

МАРАТ (*ухмыляется*). Смешно.

ЗОЯ. Что конкретно?

МАРАТ. Представил, как ты писаешь, а рядом мой труп плавает.

ЗОЯ. Ну да, это будет очень... странно.

МАРАТ. Да, забавно... Типа зашла чисто пописать.

Зоя хихикает.

Просто мимо проходила.

ЗОЯ (*хихикает*). Я стеснительная, при живых людях не писаю. (*Пауза.*) Эй, ну хватит уже, а то я сейчас реально опишусь.

МАРАТ. Ты серьёзно? Тебя это так беспокоит? Хочешь, я нырну, ты всё сделаешь, и я вынырну?

ЗОЯ. Ну, хватит угорать уже надо мной. Я понимаю, это так и выглядит. Ты такой сидишь типа, вены собрался резать, серьёзным делом занят. А всё, что я хочу от жизни, это тупо пописать.

МАРАТ. Не знаю, может пописать сейчас – это самое важное, что может быть.

ЗОЯ. Ладно, пусть будет так. *(Пауза.)* Ты будешь резать вены или вылезешь? Вода остывает.

МАРАТ. Я бы давно порезал, но ты меня отвлекаешь.

ЗОЯ. Всё, прости, я больше не буду. *(Хихикает.)* Прости. Всё. Давай.

МАРАТ. Спасибо.

ЗОЯ. Не за что.

Пауза. Марат режет вены. Зоя отворачивается.

МАРАТ. Ты чего?

ЗОЯ. Погоди. Сейчас. *(Закрывает рот ладонью, встаёт с унитаза, поднимает крышку, её тошнит.)*

МАРАТ. Ты серьёзно? Блин, ну как так? Тебе нужно было просто сидеть рядом и смотреть на меня.

ЗОЯ *(вытирает рот)*. Да ты псих, что ли?

МАРАТ. Бля, ты же на медика учишься. Кровь, что ли, не видела?

ЗОЯ. Я хотела идти в психотерапию.

МАРАТ. Серьёзно, Зоя? Я вскрыл себе вены, а ты блюёшь.

ЗОЯ. Ты псих... *(Снова тошнит.)*

МАРАТ. Я псих? Мы же договорились, блин. Ты сказала, что всё норм. Ты посидишь и посмотришь...

ЗОЯ. Я не хочу смотреть. Я думала, смогу.

МАРАТ. Да ты дура какая-то! Ты не понимаешь, что тут происходит? Ты ведёшь себя как пятилетний ребёнок, блин!.. Это полная хрень. Это просто какое-то неуважение... Ну, что мне сейчас вены обратно зашивать?

Зоя смывает воду в унитазе. Поднимается, не глядя на Марата, умывается в раковине.

ЗОЯ. Я пойду, наверное.

МАРАТ. Ты всё испортила.

ЗОЯ. Прости, я всё испортила.

МАРАТ. Ты очень облажалась. Я на тебя надеялся.

ЗОЯ. Да, я протупила. Прости. *(Пауза.)* Тебе скору вызвать?

МАРАТ. Не надо. Просто уходи.

ЗОЯ. Точно? Могу вызвать.

МАРАТ. Иди давай.

ЗОЯ. Точно?

МАРАТ. Точно.

ЗОЯ. Справишься?

МАРАТ. Не сомневайся.

ЗОЯ. Тогда я пойду... *(Пауза. Садится на крышку унитаза.)* Я не верила.

МАРАТ. Люди слабо в это верят. Как будто все бессмертные.

ЗОЯ. Можно я останусь и буду смотреть?

МАРАТ. Как хочешь. *(Начинает медленно погружаться в предсмертный сон, поэтому говорит соответственным образом.)*

ЗОЯ *(пауза)*. А ты смелый.

МАРАТ. Да? Я так не думаю. Смелые не умирают. Смелые живут вечно.

Зоя, наконец, смотрит на Марата, на то, как кровь заполняет ванну.

ЗОЯ. Хочешь жить вечно?

МАРАТ *(улыбается)*. Ага, посмотри на меня.

ЗОЯ. Я смотрю.

МАРАТ. Спасибо. Мне правда так спокойнее. Не знаю почему. *(Пауза.)* Ничего не могу вспомнить. Думал, буду вспоминать жизнь.

ЗОЯ. Ну и не надо. Раз там ничего интересного не было. Давай просто поговорим о всяком.

МАРАТ *(пауза)*. Ты красивая.

ЗОЯ. Ладно, давай поговорим об этом.

МАРАТ. Правда, красивая. Мне сейчас незачем врать. Глаза, волосы, губы, попа...

ЗОЯ. Ты что, хочешь меня склеить?

МАРАТ. Ага... Ты могла бы со мной встречаться?

ЗОЯ. Думаю, да. Ты умный, обаятельный. Придумываешь разные штуки необычные.

Зоя кивает на ванну. Марат улыбается.

МАРАТ. Да, со мной не соскучишься.

ЗОЯ. Это уж точно.

МАРАТ. Давай погуляем завтра.

ЗОЯ. Завтра? Завтра я не могу.

МАРАТ. Тогда послезавтра.

ЗОЯ. Договорились.

МАРАТ. Но я пока не готов к серьёзным отношениям.

ЗОЯ. Ничего страшного. Я тоже не готова.

МАРАТ. Может быть, потом как-нибудь, со временем... Начнём жить вместе. Только не здесь, а то здесь труп в ванной... А потом поженимся и детей заведём...

ЗОЯ. Круто. Мне нравится твой план.

МАРАТ. А потом мы вместе состаримся и умрём в один день.

ЗОЯ. Мы ещё даже не пожили, а уже состарились.

МАРАТ. Ну, давай тогда куда-нибудь съездим, что-нибудь там поделаем...

ЗОЯ. Я очень хочу куда-нибудь поехать с тобой и что-нибудь там поделать.

МАРАТ. Вот. А потом в другое место поедем и будем там вообще другими вещами заниматься...

ЗОЯ. В другое место мне тоже нравится.

МАРАТ. А потом мы будем спать в постели. Будем разное делать. Штуки всякие вытворять.

ЗОЯ. Обожаю с тобой разное делать и вытворять. Ты прекрасен в постели.

МАРАТ. Не смущай меня... А потом мы заведём собаку.

ЗОЯ. А можно мы в постель вернёмся разное делать.

МАРАТ. Конечно, вернёмся... Но в постель запрыгнет большая мокрая собака и помешает нам.

ЗОЯ. Противная собака.

МАРАТ. Но мы её любим.

ЗОЯ. И никому не отдадим.

МАРАТ. Хорошо, что мы с тобой нашли друг друга... Ты сделала меня счастливым человеком.

Марат закрывает глаза. Так и остаётся.

ЗОЯ (улыбается). Да уж.

МАРАТ. Не смейся, это правда.

ЗОЯ. Я знаю... Жалко, что так мало были вместе.

МАРАТ. Мало? Тебе мало? Столько лет прожили вдвоём, а тебе всё мало. Ненасытная.

ЗОЯ. На самом деле нет. На самом деле очень мало... Это всё у тебя в голове.

МАРАТ. Неважно. В голове или нет – неважно... У нас же дети замечательные, вспомни.

ЗОЯ. Я помню. Они лучше всех.

МАРАТ. Такие же красивые, как ты, и такие же умные, как я.

ЗОЯ. Ты перепутал. Всё наоборот.

МАРАТ. Ты хорошая мама.

ЗОЯ. Я стараюсь.

МАРАТ. А я тяжёлый человек, но ты всё равно меня любишь.

ЗОЯ. Ты прекрасный человек. Таких, как ты, я не встречала.

МАРАТ. Как мы нашли друг друга?

ЗОЯ. Мы же идеально подходим.

МАРАТ. Мы как одно целое.

ЗОЯ. Так и есть.

МАРАТ. Только ты всё равно стесняешься писать при мне.

ЗОЯ. Я такая. Ты знаешь.

МАРАТ. За это я тебя и полюбил.

ЗОЯ. Как приятно слышать это от тебя.

МАРАТ. Ты всегда была рядом, когда мне было плохо... Не уходи, пожалуйста.

ЗОЯ. Я не уйду.

МАРАТ. Не плачь, когда меня не станет.

ЗОЯ. Я постараюсь не плакать.

МАРАТ. Ты сильная, ты справишься... Продолжай жить.

ЗОЯ. Хорошо.

МАРАТ. Начни всё заново. Полюби какого-нибудь мужика.

ЗОЯ. Не могу обещать.

МАРАТ. Время пройдёт и полюбишь. Заведёшь с ним новых детей, а старых выкинешь.

ЗОЯ. Я не хочу новых.

МАРАТ. Полетите в медовый месяц на Луну.

ЗОЯ. Ага.

МАРАТ. Будете прыгать в скафандрах и целоваться.

ЗОЯ. Ага.

МАРАТ. А потом его унесёт в открытый космос,
гондона такого.

ЗОЯ. Ага.

МАРАТ. И разорвёт его там, как петарду.

ЗОЯ. Ага.

МАРАТ. А ты вспомнишь обо мне.

ЗОЯ. Ага.

МАРАТ. И умрёшь от горя.

ЗОЯ. Ага.

МАРАТ. Почему ты умрёшь?

ЗОЯ. Потому, что у меня горе.

МАРАТ. Нет, просто ты меня любила.

ЗОЯ. Ясно.

МАРАТ. Но ты постарайся не умирать.

ЗОЯ. Хорошо.

МАРАТ. Умирать плохо. Я знаю. *(Пауза.)* Спой песню.

ЗОЯ. Я плохо пою.

МАРАТ. Мне нравится. Я люблю тебя слушать.
Спой мне.

Пауза. Зоя поёт песню.

Ты поёшь лучше всех... Только дверь не закрывай...

Продолжительное молчание. Зоя хочет прикоснуться к лицу Марата, но останавливает себя. Зоя быстро выходит из ванной комнаты в прихожую, обувается, покидает квартиру, оставляя дверь незапертой.

Сцена 2

Зоя сидит в такси на заднем. Таксист поправляет кепку, внимательно смотрит в зеркало на Зою. Звучит голос навигатора: «Маршрут построен». Такси трогается с места.

ЗОЯ. У вас там это... Видели? Вмятина на крыше.

ТАКСИСТ. Это точно.

ЗОЯ. Авария?

ТАКСИСТ. Да нет, ерунда... Не бойся, я хороший водитель. Девятнадцать лет как таксистом работаю.

ЗОЯ. Я не боюсь... Там, кажется, кровь на этой вмятине...

ТАКСИСТ. Краска.

ЗОЯ. Я так и подумала.

ТАКСИСТ (*пауза*). Что-то беспокоит?

ЗОЯ. Есть одно...

ТАКСИСТ. Расскажешь?

ЗОЯ. Нет, не могу.

Таксист улыбается, поглядывает на Зою в зеркало. Зоя смотрит в окно.

ТАКСИСТ. Сколько тебе?

ЗОЯ. А вы что, педофил?

ТАКСИСТ. Нет, я таксист.

ЗОЯ. Я уже не мелкая. Выгляжу как мелкая просто.

ТАКСИСТ. Ясно.

ЗОЯ (*пауза*). Нравится?

ТАКСИСТ. Что?

ЗОЯ. Моя задница.

ТАКСИСТ. В смысле?

ЗОЯ. Работа, говорю, таксистом нравится?

ТАКСИСТ. Дорога однообразная. Одно и то же...
А люди интересные встречаются.

ЗОЯ. Я неинтересная.

ТАКСИСТ. Все по-своему интересны и ты тоже.

ЗОЯ. Я ничем не интересуюсь, ничем не занимаюсь. Только делаю вид. Типа разносторонняя личность. А на самом деле большую часть времени хернёй страдаю... Тошнит.

ТАКСИСТ. Съела не то?

ЗОЯ. Увидела.

ТАКСИСТ. Расскажешь?

Голос навигатора: «Маршрут изменён».

ЗОЯ. Я же сказала, нет... Мы как-то странно едем.

ТАКСИСТ. Так короче... Какой хернёй страдаешь?

ЗОЯ. Никакой... Достают людей в интернете. Пишу им письма. Отвечаю на их просьбы.

ТАКСИСТ. Люди это не херня. Ты уделяешь им время. Что в этом плохого?

ЗОЯ. Вы чё, психолог?

ТАКСИСТ. Нет, много людей вижу разных. Мелочи, нюансы.

ЗОЯ. Меня беспокоит как бы не блевануть в такси. Как вам такой нюанс?

ТАКСИСТ. Остановимся?

ЗОЯ. Я могу и здесь.

Таксист тормозит у обочины. Зоя выходит, её тошнит. Зоя возвращается в такси.

ТАКСИСТ. Полегчало?

ЗОЯ. Не очень.

Такси трогается с места.

ЗОЯ (*пауза*). Все таксисты ставят убогую музыку. Вы почему не ставите?

ТАКСИСТ. Мне нравятся радиоспектакли.

ЗОЯ. Что это вообще такое?

ТАКСИСТ. Это такие спектакли по радио.

ЗОЯ. Могла бы и сама догадаться... Вы точно какой-то маньяк.

ТАКСИСТ. В каком-то смысле все немного маньяки. У всех есть странности. Просто не все показывают.

ЗОЯ (*пауза*). Долго едем.

ТАКСИСТ. Везде «красный». Бывает такое. Светофоры сговорились... Можешь поспать, я разбужу.

ЗОЯ. Нет, не хочу. (*Зевает.*) Поставьте эти ваши радиоспектакли, что ли.

Таксист улыбается, включает радио.

Голос читает ремарку из первой сцены: «Марат пробует воду, затем залезает в ванну прямо в одежде. Пауза».

Звучит диалог Марата и Зои из сцены 1.

– ЗОЯ. Не горячая?

– МАРАТ. Немного.

– ЗОЯ. А чего залез?

– МАРАТ. Надоело ждать.

– ЗОЯ. Ясно... Я не спешу, если что. Делай в своём ритме.

Зоя прислушивается, ёрзает, распахивает глаза.

ЗОЯ. Это что?

ТАКСИСТ. Что?

ЗОЯ. Как это?

ТАКСИСТ. Как?

– МАРАТ. Я тоже не тороплюсь. У меня просто такой ритм... Дёрганый.

– ЗОЯ. Ну и как давно ты планировал?

– МАРАТ. Давно.

– ЗОЯ. Поэтому спешишь?

– МАРАТ. Я не спешу, я всегда такой. Говорю же – дёрганый... Дай, пожалуйста, лезвие. У зеркала.

ЗОЯ. Выключите это!

ТАКСИСТ (*выключает радио*). Что-то не так?

ЗОЯ. Кто вы такой? Остановите! Я буду кричать!

ТАКСИСТ. Здесь нельзя выходить. Лесопарк. Не-
безопасно.

ЗОЯ. Какой лесопарк? Куда вы меня везёте?

ТАКСИСТ. О, человек голосует. Подхватим?

ЗОЯ. Остановите, я выйду!

*Такси останавливается на обочине. Зоя пыта-
ется открыть дверцу, не получается. К машине
подходит человек.*

Сцена 3

*Квартира Мужчины и Женщины. Прихожая.
Мужчина и Женщина сидят на диванчике.
На полу лежит мёртвый золотистый ретривер.
Фоном звучит мультфильм «Смешарики».*

100

ЖЕНЩИНА. Куда понесёшь?

МУЖЧИНА. Не знаю. В лесопарк, наверное...
В мусорный бак бросить – это же будет как-то непра-
вильно.

ЖЕНЩИНА. Неправильно.

МУЖЧИНА. Поэтому лучше похоронить.

ЖЕНЩИНА. Член семьи.

МУЖЧИНА (*пауза*). У тебя всё-таки есть другой?

ЖЕНЩИНА. Не надо опять.

МУЖЧИНА. Ладно, извини.

ЖЕНЩИНА. Хватит извиняться... Это изначально было ошибкой.

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Вспомни. У нормальных людей по-другому происходит.

МУЖЧИНА. Не знаю как у нормальных.

ЖЕНЩИНА. Поверь, у нормальных по-другому.

МУЖЧИНА. Может быть.

ЖЕНЩИНА (*пауза*). Может, пойдёшь. Темнеет.

МУЖЧИНА. Телефоном подсвечу.

ЖЕНЩИНА. А чем копать будешь?

МУЖЧИНА. А что есть?

ЖЕНЩИНА. Лопаты у тебя точно нет.

МУЖЧИНА. Лопаты нет.

ЖЕНЩИНА. Детскую возьми... Только верни. Расстроятся.

МУЖЧИНА. Хорошо.

ЖЕНЩИНА. А лучше новую купи. Но такую же.

МУЖЧИНА. Куплю... Можно тебя обнять?

ЖЕНЩИНА. Не надо.

МУЖЧИНА (*пауза*). Мешок есть?

ЖЕНЩИНА. Сумка из Икеи где-то была.

МУЖЧИНА. Идеально подойдёт. Можно я с детьми побуду...

ЖЕНЩИНА. Не спрашивай, это же твои дети... Но недолго.

МУЖЧИНА. Хорошо. Мне только обнять.

ЖЕНЩИНА. И про... *(кивает в сторону собаки)*
не напоминай.

МУЖЧИНА. Само собой.

ЖЕНЩИНА. Они только успокоились.

Мужчина кивает, а затем начинает гладить мёртвую собаку.

Сцена 4

Такси стоит всё там же, на обочине у лесопарка. Зоя спит. На пассажирском, рядом с Таксистом, сидит Мужчина, поглядывает на Зою.

МУЖЧИНА. Спасибо, что подобрали. Думал, никто не остановится. Телефон разрядился.

ТАКСИСТ. Пожалуйста. Вам куда?

МУЖЧИНА. На Площадь Защитников Неба.

ТАКСИСТ. Хорошо, это по пути. Сначала вас подбросим, а потом девочку.

МУЖЧИНА. Спасибо...

Такси трогается с места, от этого Зоя, вскрикнув, просыпается, осматривается.

ТАКСИСТ. Кошмар приснился?

ЗОЯ. Куда мы едем?

ТАКСИСТ. По адресу. Мужчину сначала на Площадь Защитников Неба. Это по пути. Не против?

ЗОЯ. Мне всё равно.

ТАКСИСТ. Вот и ладненько... *(Мужчине.)* Ничего, если я радиоспектакль поставлю?

ЗОЯ. Не надо!

ТАКСИСТ. Как скажете. *(Поглядывает на Мужчину, замечает у него в руках детскую лопатку.)* Можно вопрос? А чем вы занимались в лесопарке с детской лопаткой?

МУЖЧИНА. Лучшего друга хоронил.

ТАКСИСТ. Собаку?

МУЖЧИНА. Именно.

ТАКСИСТ. Собака это член семьи.

МУЖЧИНА. Нет больше семьи. Развелись.

ТАКСИСТ. Это была изначально ошибка?

МУЖЧИНА. Не знаю. Мы познакомились, когда нам было по девятнадцать, совсем ещё глупые были.

ЗОЯ. Мне девятнадцать.

МУЖЧИНА. Не все в девятнадцать глупые. Мы вот, видимо, глупые были... Вообще это странная история. Я хотел покончить с собой, а она меня спасла.

ЗОЯ *(встрепенувшись)*. Серьёзно?

МУЖЧИНА *(улыбается)*. Да, я прямо настроился, всё подготовил. А потом подумал, что не могу один. Страшно, наверное, было. Хотел, чтобы рядом кто-то находился... Познакомился с ней в интернете.

ЗОЯ. Вены хотели порезать?

МУЖЧИНА. Да.

ТАКСИСТ. А что подвигло?

МУЖЧИНА. Не знаю. Как-то в целом всё. Жизнь казалась беспросветной. Тошно было от самого себя.

ЗОЯ. А она?

МУЖЧИНА (*улыбается*). Она согласилась побыть со мной, пока я умираю.

ЗОЯ. Что?

МУЖЧИНА. Понимаю, как это звучит нелепо. Но тогда это было даже как-то романтично.

ЗОЯ. Вы что, псих?

МУЖЧИНА. Да нет, вроде бы.

ТАКСИСТ. Как она спасла вас?

МУЖЧИНА. Вернулась, вызвала скорую, слила воду из ванной... Потом пришла ко мне в больницу.

ЗОЯ (*закрывает ладонями лицо*). Какой же он идиот.

МУЖЧИНА. А потом мы поженились... А теперь развелись. И от этого опять тошно.

ЗОЯ. Какой же ты идиот... (*Таксисту.*) Разворачивайте, поехали обратно...

ТАКСИСТ. Почему вы расстались? Это же самое главное. Послушай, Зоя.

ЗОЯ. Да похрен, поехали назад!

МУЖЧИНА. Она вдруг поняла, что не любит меня. То есть, она наконец-то решила признаться в этом. В том, что никогда меня не любила, а просто жалела. Спасла, потому что пожалела. Вышла замуж, потому что пожалела. И жила со мной все эти годы, потому что ей было меня жалко. Думала, что если уйдет, то я опять что-нибудь с собой сделаю. А я не сделал... (*Улыбается.*) Пока не сделал.

ЗОЯ. Поехали обратно!

ТАКСИСТ. Сейчас, только мужчину высажу и поедем.

ЗОЯ. Быстрее только, там реально человек умирает.

ТАКСИСТ. Успеем. Не умрёт.

ЗОЯ. Какой же он придурок, господи, конченный идиот...

Сцена 5

Зоя и Марат лежат в постели. Между ними валяется щенок золотистого ретривера.

ЗОЯ. Всё как ты говорил. Мы не вылезаем из постели и у нас противный пёс, который нам мешает.

МАРАТ. Но мы его любим.

ЗОЯ. Как его не любить?

МАРАТ. Это всё благодаря тебе.

ЗОЯ. Ты этого хотел?

МАРАТ. Я представлял себе всё именно так. А ты?

ЗОЯ. Я представляла себе именно так, когда ты об этом говорил.

МАРАТ. Я сразу тебя полюбил.

ЗОЯ. Да?.. Почему тогда не остановился?

МАРАТ. Думал, что у меня нет шансов с такой как ты.

ЗОЯ. Почему?

МАРАТ. Ты была идеальна, а я нет.

ЗОЯ. Даже когда меня стошнило?

МАРАТ. Ещё больше полюбил.

ЗОЯ. Даже когда я захотела писать?

МАРАТ. Полюбил окончательно и бесповоротно.
На всю жизнь.

ЗОЯ. А мой скверный характер?

МАРАТ. От него я просто с ума сошёл.

ЗОЯ. Ты действительно с ума сошёл, если всё это не оттолкнуло тебя.

МАРАТ *(пауза)*. А ты?

ЗОЯ. Что я?

МАРАТ. В какой момент ты влюбилась в меня?

ЗОЯ *(пауза)*. Станный вопрос.

МАРАТ. Почему?

ЗОЯ. Потому что я не помню, ты устроил мне стресс.

МАРАТ *(с улыбкой)*. Врёшь.

ЗОЯ. Нисколечко. Сначала я подумала, что ты псих. Потом я думала, спасти тебя или нет.

МАРАТ. Так ты меня спасла, потому что влюбилась?

ЗОЯ. Нет, спасла я тебя потому... *(Начинает щекотать Марата под одеялом.)* Отстань со своими глупыми вопросами.

Оба смеются, щекочут друг друга. Щенок скачет, повизгивает и машет хвостом. Марат и Зоя устают резвиться. Щенок успокаивается.

МАРАТ. Признайся, ты же всегда меня любила. Тысячи лет до нашего знакомства. Это было всегда. И будет всегда.

ЗОЯ. У тебя бурная фантазия, Марат.

МАРАТ. Но это правда. Разве ты не видишь? Я сказал тебе, как будет. Посмотри. Теперь всё так, как я сказал. Слово в слово. Это не фантазии.

ЗОЯ. Раз твои фантазии сбываются, то нафантазируй нам похавать.

МАРАТ. Чего бы ты хотела?

ЗОЯ. Пиццу с ананасами.

МАРАТ. Только не это. Это очень нездоровое увлечение ананасами.

ЗОЯ. Ну, нафантазируй, пожалуйста.

МАРАТ. Нет, только не с ананасами.

ЗОЯ. Я достану все ананасы из твоих кусочков.

МАРАТ. Давай лучше возьмём обычную человеческую пиццу, отдельно возьмём ананас, и порежем его на твою половину пиццы.

ЗОЯ. Нет, я хочу, чтобы ананас был тёпленький.

МАРАТ. Сейчас меня стошнит.

ЗОЯ. Ну, пожаааалуйста...

Зоя и Марат, они вновь начинают щекотать друг друга. Щенок скачет, повизгивает и машет хвостом.

Сцена 6

Такси въезжает в крошечную тьму. Мужчины в салоне нет. Только Таксист и Зоя. Голос навигатора: «Маршрут изменён».

ЗОЯ. Почему так долго?

ТАКСИСТ. Я выбрал самый кратчайший путь.

ЗОЯ. И темно как-то.

ТАКСИСТ. Здесь всегда так.

ЗОЯ. Это какой-то лес?

ТАКСИСТ. Не совсем, но место глухое.

ЗОЯ (*долго всматривается в окно*). Блин, что это?.. Это что, космос?.. Остановите! Вы чего?.. Это что, глюки? Вы мне что-то подсыпали?

ТАКСИСТ. Не волнуйся, этой дорогой на самом деле быстрее.

ЗОЯ. Выпустите меня...

ТАКСИСТ. Выйти здесь никак нельзя. Вакуум. Дышать нечем.

ЗОЯ. Какой вакуум? Меня что, плющит?.. Такого же не бывает! Такси не летают в космосе!.. Всё, я выхожу.

ТАКСИСТ. Я бы на твоём месте этого не делал на скорости десять тысяч километров в час.

ЗОЯ. Короче, это сон. Это просто сон...

ТАКСИСТ. Если тебя это успокоит, то считай, что ты спишь. Закрой глаза и наслаждайся поездкой.

ЗОЯ (*закрывает глаза и откидывается на спинку*). Сон, просто сон... Кто вы такой на самом деле?

ТАКСИСТ (*усмехается*). Этот Мужчина. Он сказал, что ты очень похожа на его бывшую жену...

ЗОЯ. Короче, сон...

ТАКСИСТ. Он долго смотрел на тебя, а потом завыл. Никогда я такого не видел. Слёзы ручьём, всего трясёт... Плохо ему стало.

ЗОЯ. Или меня накачали наркотой... И сейчас я на чьей-то даче. И меня насилуют. Ну, лишь бы не убили...

ТАКСИСТ. Ни за что я бы так не поступил, и никому бы не позволил... Он ведь опять что-нибудь с собой сделает. И по-другому никак.

ЗОЯ. Зачем? (*Пауза.*) Может, вернёмся, спасём?

ТАКСИСТ. Кого из них?

ЗОЯ (*открывает глаза*). Не знаю... Мужчину... Его... Я запуталась... Может быть, он ещё жив?.. Вы же помните, где он вышел?

ТАКСИСТ. Не помню. Я адреса не запоминаю. Я людей запоминаю.

ЗОЯ. Он же говорил. Сейчас... Странное такое название... Площадь Небесных Защитников, что-то такое...

ТАКСИСТ. Площадь Защитников Неба.

ЗОЯ. Да-да, давайте вернёмся, пожалуйста. Давайте назад на эту площадь. Я вас очень прошу. Может ещё не поздно.

ТАКСИСТ (*пауза*). Зачем?.. Ты же его не любишь.

ЗОЯ. Что за..? О чём вы говорите вообще?

ТАКСИСТ. Ты его не любишь.

ЗОЯ. Конечно, нет. Но при чём здесь?.. Он же может убить себя...

ТАКСИСТ (*бросает руль, поворачивается к Зое*). А что если так и должно быть? Не думала? Зачем ему твоё спасение, если ты его не любишь?

ЗОЯ. Что вообще происходит?! Смотрите на дороге, в космос!.. Чё вы ко мне прикопались со своей любовью? В чём я виновата?! Я не могу полюбить, если не люблю!

ТАКСИСТ (*пауза*). Хорошо. Поехали на Площадь Защитников Неба.

Таксист поворачивается к рулю. Зоя прячет лицо в ладонях.

ЗОЯ. Это кошмар... Кошмар...

ТАКСИСТ (*разворачивает машину*). Я надеюсь, ты отдаёшь себе отчёт в том, что делаешь?

ЗОЯ. Не говорите со мной, пожалуйста. Рулите свою машину. Я хочу проснуться или спасти этого идиота, или фиг его знает, чего я хочу и кого там спасти или нет...

ТАКСИСТ. Хорошо, только подберём для начала вон ту женщину.

ЗОЯ. Какую ещё женщину?

ТАКСИСТ. Вон она болтается в космосе. Голосует.

ЗОЯ. Вы издеваетесь, что ли?

ТАКСИСТ. Если мы принялись спасти людей, то давай спасать всех.

Таксист останавливает машину. На пассажирское сиденье рядом с ним садится Пассажирка. Машина трогается с места.

ПАССАЖИРКА. Спасибо вам большое. Думала, что навсегда тут застряну... Как же тяжело не дышать, вы бы знали.

ЗОЯ. Ну, это точно сон. (*Смеётся, Пассажирке.*) Тётенька, а что вы в космосе потеряли?

ПАССАЖИРКА. Я? Лично я здесь оплакиваю своего мужа. Второго мужа... Хотя началось это с того, что не стало моего первого мужа.

ТАКСИСТ. Не стало?

ПАССАЖИРКА. Не стало... Но ничего страшного. Мы были в разводе.

ТАКСИСТ. И как же его не стало?

ПАССАЖИРКА (*пауза*). Вылетел из окна.

ТАКСИСТ. Печально.

ПАССАЖИРКА. Думаете?... А я вот даже не удивилась. Это было слишком предсказуемо. В его стиле... Мне даже как-то легче стало на душе. Он меня освободил ...

ЗОЯ. Вы сказали, что были в разводе.

ПАССАЖИРКА. Это не имеет значения. Он жил только мной, а без меня не жил. Это тяжелый груз, большая ответственность... В нём не было жизни, поэтому он вытягивал жизнь из меня.

ТАКСИСТ. Разве он ничего не давал взамен?

ПАССАЖИРКА. Только свою странную болезненную любовь. И всё.

ТАКСИСТ. Разве этого мало?

ПАССАЖИРКА. Этого не мало. Но что мне было с этим делать?.. Поэтому я выдохнула, когда он умер.

ТАКСИСТ. А что он должен был делать со своей любовью?

ПАССАЖИРКА. Не знаю. А что в таких случаях делают? Забывают, наверное. Или встречают новую любовь...

ЗОЯ. А что со вторым? Упал в космос?

ПАССАЖИРКА. После первого я встретила другого. Мы поженились и отправились в медовый месяц на Луну. Прыгали в скафандрах и целовались...

ЗОЯ (*улыбается*). А потом его унесло в открытый космос?

ПАССАЖИРКА. Да, потом его унесло в открытый космос. А откуда вы знаете?

ЗОЯ. Это вы откуда знаете?

ПАССАЖИРКА. Я видела это собственными глазами.

ЗОЯ. Этого не может быть. Никто не летает на Луну просто так.

ПАССАЖИРКА. Но у нас был медовый месяц. Это особый случай... Тем более он был обеспеченным человеком, не то что мой первый.

ЗОЯ. А потом что?

ПАССАЖИРКА. Его унесло в открытый космос. Я бросилась спасать его, но не успела... Его разорвало.

ТАКСИСТ. Как петарду.

ЗОЯ. Как петарду.

ПАССАЖИРКА. Как петарду. *(Достаёт платок и утирает слезу, которой нет.)*

ТАКСИСТ. Вы его любили?

ПАССАЖИРКА. Да... Кого?

ТАКСИСТ. Почему вы спрашиваете?.. Конечно же, второго.

ПАССАЖИРКА. Странный вопрос.

ТАКСИСТ. Почему?

ПАССАЖИРКА. Потому что я не помню, это было давно...

ЗОЯ *(смеётся)*. Ладно, ладно. Давайте играть по вашим правилам. Один фиг я потом проснусь. Везите на Площадь Защитников Неба...

Сцена 7

Такси останавливается на Площади Защитников Неба. Зоя выскакивает. Таксист и Пассажирка молча смотрят перед собой. Затем Таксист смотрит на Пассажирку, та не отвечает ему взглядом.

ПАССАЖИРКА. Где ты пропал?

ТАКСИСТ. Узнала?

ПАССАЖИРКА. Конечно... Кепка дурацкая. Я думала, ты умер.

ТАКСИСТ. Живой, как видишь. Вот, кручу баранку... Не могу сидеть дома. Не могу долго смотреть на

лица. Пусть проносятся как слайды. Не хочу останавливаться ни на секунду.

ПАССАЖИРКА. Я, кажется, тебя не спасала.

ТАКСИСТ. Не помнишь?

ПАССАЖИРКА. Нет. У меня же был стресс...

ТАКСИСТ (*пауза*). Зачем ты это делаешь?

ПАССАЖИРКА. Что?

ТАКСИСТ. Спасает. Дай мне спокойно уйти.

ПАССАЖИРКА. Сейчас ты меня сам подобрал. Мог и не останавливаться... Хочешь, чтобы я опять тебя спасла?

ТАКСИСТ. Больше не хочу... Он любил тебя?

ПАССАЖИРКА. Кто, второй муж?.. Не знаю. Он не успел сказать.

ТАКСИСТ. Ни разу не говорил?

ПАССАЖИРКА. Говорил. Но не так, как ты это делал.

ТАКСИСТ. Ты пыталась его спасти?

ПАССАЖИРКА. На самом деле нет. Я соврала. Его просто утянуло в космос, а я просто смотрела... Ничего не ёкнуло.

ТАКСИСТ. Тебе нравится, что кто-то в этом мире любит тебя так сильно?

ПАССАЖИРКА. Почему это именно ты, а не кто-нибудь другой? Не понимаю. Это какое-то наказание. Может в прошлой жизни я что-то сделала не так?

ТАКСИСТ. Любить тебя – это тоже наказание...

ПАССАЖИРКА. Раньше ты говорил, что это великое счастье.

ТАКСИСТ. Наверное, я не был готов к такому великому счастью. Поэтому оно для меня всё равно, что наказание.

На крышу такси что-то с грохотом падает. Пассажирка вздрагивает, Таксист не реагирует никак.

ПАССАЖИРКА. Что это было?

ТАКСИСТ. Так, ничего особенного. На этой площади такое случается... Куда тебя отвезти?

ПАССАЖИРКА. Не знаю. Мне уже всё равно. (Пауза.) Тут у тебя кто-то лопатку детскую забыл...

Голос навигатора: «Маршрут перестроен».

Сцена 8

Квартира Марата. Мужчина стоит у открытого окна. На кухню вбегает Зоя. Замирает.

ЗОЯ. Не делайте этого, не надо!

МУЖЧИНА. Зачем ты опять пришла?

ЗОЯ. Чего вы добьётесь? Начните всё заново. Столько женщин вокруг красивых, умных. Такое разнообразие. Хотите, я вам помогу найти?

МУЖЧИНА (улыбается). Не надо... Я не смогу.

ЗОЯ. Но вы же даже не пробовали... Просто представьте, что живёте первый день. Забудьте всё, что было. Это же такая свобода опупительная.

МУЖЧИНА. Почему ты не даёшь мне умереть и не даёшь мне жить?

ЗОЯ. Я? Это не я. Я никому не хочу делать больно.

МУЖЧИНА. Мы все делаем больно кому-то. Мы вроде как делаем выбор, выбираем меньшую боль. Но никто наверняка не знает, какая боль меньшая.

ЗОЯ. Я просто хочу, чтобы все были счастливы. Я знаю, что это невозможно, но...

МУЖЧИНА. Ты имеешь полное право сделать кого-нибудь несчастным.

ЗОЯ. Почему я должна чувствовать себя виноватой в вашей смерти?

МУЖЧИНА. Ты не должна... Можешь уходить.

ЗОЯ. Я уйду, если вы закроете окно.

МУЖЧИНА. Сейчас она придёт, и я закрою... Она всегда приходит.

В квартиру забегают Женщина.

ЖЕНЩИНА. Девку уже какую-то нашёл. Надеюсь, что она тебя спасёт?

МУЖЧИНА. Не знаю откуда она. Увязалась.

ЗОЯ. Я наверное пойду.

ЖЕНЩИНА. Отчего же? Остайся, посмотришь, как он выпрыгнет.

МУЖЧИНА. Уходите обе.

Зоя выбегает из квартиры.

Она похожа на тебя.

ЖЕНЩИНА. Иди, догони. Ты теперь свободный человек.

МУЖЧИНА. Тогда почему ты здесь?

ЖЕНЩИНА. Почуяла неладное. Слишком хорошо тебя знаю... А что в этот раз в окошко решил сигануть? Чем старый способ не угодил?

МУЖЧИНА. Ванная занята.

ЖЕНЩИНА. Ещё одна девка?

МУЖЧИНА. Зачем ты приехала? Чтобы гадостей наговорить?

ЖЕНЩИНА. А ты окошко прикрой, и я уеду. Мне больше ничего от тебя не надо.

МУЖЧИНА. И это всё?

ЖЕНЩИНА. А что ты ещё хочешь? Мы вроде как теперь посторонние люди.

МУЖЧИНА. Хорошо. *(Закрывает окно.)*

ЖЕНЩИНА. За что мне это?

МУЖЧИНА. Поговорим?

ЖЕНЩИНА *(тяжело выдыхает)*. Так не хочется... Но надо.

МУЖЧИНА. Надо.

ЖЕНЩИНА. А потом я уйду.

117

Сцена 9

Площадь Защитников Неба. Такси. Таксист и Пассажирка по-прежнему в салоне. Зоя садится в такси.

ЗОЯ. Отвезите меня назад.

ТАКСИСТ. Куда?

ЗОЯ. Туда, откуда вы меня забрали! В самое начало верните меня!

ТАКСИСТ. Зачем? Ты уже не успеешь.

ЗОЯ. Как же вы меня достали... Поехали уже!

ПАССАЖИРКА. Заводи.

ТАКСИСТ. Она не успеет.

ПАССАЖИРКА. Она так хочет, поэтому заводи мотор.

ЗОЯ. Ну не тупите же...

ТАКСИСТ. Она же не знает, чего хочет.

ПАССАЖИРКА. А тебе какое до этого дело? Ты ей никто... Заводи немедленно.

ТАКСИСТ. Нет. Я не поеду.

ЗОЯ. Заколебал. Надо было сразу другое такси вызывать. *(Достаёт телефон.)* Блин, ты ещё разрядился!..

ПАССАЖИРКА. Заводи машину!

ТАКСИСТ. Я не сдвинусь с места... Она ребёнок, она ещё ничего не понимает, но ты, ты же мудрая женщина, ты должна понимать. *(Закатывает рукав, показывает шрамы.)* Ты должна всё это понимать. *(Снимает кепку. Его череп иссечён шрамами.)* Я с этим живу. Как вы не понимаете?..

На крышу что-то с грохотом падает.

ЗОЯ *(вскрикивает)*. Что это?

ПАССАЖИРКА *(Таксисту)*. Это же опять ты. Верно?.. Заводи мотор.

Таксист медлит. Голос навигатора: «Маршрут построен».

Сцена 10

*Марат лежит в кровати. Зоя сидит на краю.
У её ног сидит щенок и кланчивается.*

ЗОЯ. Умри.

Щенок не шевелится.

Умри.

Не шевелится.

Умри.

Нет.

Марат, он не хочет умирать.

МАРАТ. Вырастет и научится.

ЗОЯ. Пока слишком сложно для него.

МАРАТ. Может он тоже не любит ананасы, поэтому и не умирает.

ЗОЯ. А с чего ты взял, что у него твой характер?

МАРАТ. Потому что это я его придумал.

ЗОЯ. То, что ты предложил завести собаку, ещё не значит, что ты её придумал. Лучше бы придумал ему кличку.

МАРАТ. Рано. Он ещё не проявил свой характер.

ЗОЯ. Если бы так давали имена, то меня бы назвали Заноза.

МАРАТ. А что, красиво звучит. И правдиво.

ЗОЯ (*пихает Марата*). Эй, я могу себя так называть, а ты нет.

МАРАТ (*садится, обнимает Зою со спины*). Я же люблю.

ЗОЯ. Тогда тебя должны были назвать Зануда.

МАРАТ. Зануда и Заноза – идеальное сочетание.

ЗОЯ. Ну, не знаю, не знаю.

МАРАТ. Ты так и не сказала, что ты ко мне испытываешь.

ЗОЯ. Ну ты и реально зануда, Марат. Эй, у нас с тобой одна собака на двоих вообще-то. Это ни о чём тебе не говорит?

МАРАТ. Я хочу услышать это от тебя.

ЗОЯ (*закатывает глаза*). Я сложная натура и я не знаю, что я к тебе чувствую. Сойдёт?

МАРАТ. Один поцелуй, и тебе всё станет ясно.

Марат целует Зою.

ЗОЯ. Не-а, не сработало.

МАРАТ. Странно. Тогда одна ночь, и ты всё поймёшь... Нет, лучше несколько дней и ночей...

ЗОЯ. Пока непонятно.

Марат заваливает Зою на кровать, целует.

МАРАТ. Тогда несколько лет, много лет... А ещё лучше вся жизнь, и тебе точно станет ясно.

Марат запускает руку в трусики Зое.

ЗОЯ. Стоп!

Зоя останавливает руку Марата, оба замирают.

МАРАТ. Что случилось?

ЗОЯ. Кажется, я придумала кличку для собаки.

МАРАТ. Блин, я-то думал... Ну, говори.

ЗОЯ. Тебе она не понравится.

МАРАТ. Ничего, как-нибудь переживу. Говори...

Сцена 11

*Площадь Защитников Неба, подъезжает такси.
В салоне по-прежнему Таксист, Пассажирка
и Зоя.*

ТАКСИСТ. Всё. На месте. Площадь Защитников Неба.

ЗОЯ. А он точно там?

ТАКСИСТ. Точно. Я хорошо себя знаю.

Зоя выскакивает из такси.

ТАКСИСТ. Ну что, довольна?

ПАССАЖИРКА. Ты не имеешь право принимать решения за неё и за меня...

*В стекло со стороны Таксиста стучит Жен-
щина. Таксист опускает стекло.*

ЖЕНЩИНА. Вы свободны?

ТАКСИСТ. В общем-то, да.

ЖЕНЩИНА. Отвезите меня отсюда куда-нибудь подальше.

ТАКСИСТ. Садитесь.

Женщина садится в такси, в этот момент на крышу с грохотом падает что-то. Женщина вскрикивает, выходит и видит, что на крыше такси лежит тело Мужчины. Женщина смотрит на него без эмоций, а затем садится в салон.

ЖЕНЩИНА. Поехали.

ТАКСИСТ. Вас не смущает, что над нами...

ЖЕНЩИНА. Мне теперь всё равно. *(Кричит.)* Поедем уже скорее! Его надо спасти!

ТАКСИСТ. Куда едем?

ЖЕНЩИНА. На Площадь Защитников Неба!

ПАССАЖИРКА *(Таксисту)*. Ты же знаешь куда.

ЖЕНЩИНА. Только скорее, умоляю!

ПАССАЖИРКА. Мы успеем, не волнуйся. *(Таксисту.)* Успеем?

Таксист молча заводит машину. Голос навигатора: «Маршрут построен».

122

Сцена 12

Мужчина и Женщина сидят на диванчике. В ногах у них старый пёс.

МАРАТ. Совсем уже дряхлый. Скоро умрёт.

ЖЕНЩИНА. Он и так долгожитель.

МУЖЧИНА. Заведём новую собаку?

ЖЕНЩИНА. Ты что меня совсем не слышал?

МУЖЧИНА. Слышал.

ЖЕНЩИНА. Я хочу всё это закончить.

МУЖЧИНА. Я слышал.

ЖЕНЩИНА. Ты ничего не ответил.

МУЖЧИНА. Ты полюбила другого?

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. Тогда почему?

ЖЕНЩИНА. Потому что я тебя не люблю.

МУЖЧИНА *(улыбается)*. Просто проснулась в один день и поняла это?

ЖЕНЩИНА. Именно так и было.

МУЖЧИНА. Но мы же вместе.

ЖЕНЩИНА. Уже нет.

МУЖЧИНА. У нас дети, собака.

ЖЕНЩИНА. Да, но мы не вместе.

МУЖЧИНА *(ухмыляется)*. Не понимаю.

ЖЕНЩИНА. Ты просто не хочешь понять.

МУЖЧИНА. Я не хочу в это верить. Пусть это будет сон.

ЖЕНЩИНА. Это не сон. Прими это.

МУЖЧИНА. И что дальше? Это конец?

ЖЕНЩИНА. Это конец нашей с тобой истории. Но жизнь на этом не заканчивается.

МУЖЧИНА. Не понимаю... Но я же люблю тебя.

ЖЕНЩИНА. Я знаю.

МУЖЧИНА. А ты, значит, нет?

ЖЕНЩИНА. А я – нет.

МУЖЧИНА. А ты – нет.

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНЩИНА. Потому что так бывает.

МУЖЧИНА. Но так не должно быть.

ЖЕНЩИНА. Но так бывает.

Мужчина склоняется и начинает гладить собаку.

Сцена 13

Квартира Марата. В ванную комнату входит Мужчина. Марат лежит в ванной без сознания. Мужчина садится на крышку унитаза, гладит Марата по голове.

МУЖЧИНА. Привет, Марат... Я знаю, ты меня ещё слышишь. Я – это ты через девятнадцать лет. Послушай... Я лучше всех знаю, почему ты это сделал. В твоей жизни не было ничего. Пустота. Такая пустота, что ты сам себя начал ощущать пустотой... Но потом появилась она. Мир начал обретать очертания, смысл, краски... Но тебе было страшно признаться себе в этом. Страшно повернуть и продолжить жить. Ты боялся, что она тебя отвергнет, что она наполнит пустоту невыносимой болью... И ты знаешь, Марат, так и случится. Так случилось со мной... Ты будешь жить только своей любовью, и больше ничего у тебя не будет. Она будет рядом, но на самом деле её не будет рядом никогда... А в один прекрасный момент она устанет и скажет тебе всю правду. Объяснит подроб-

но, как именно ты ей безразличен. Во всех очертаниях и красках. Она вернёт тебе пустоту и наполнит её болью. И вот тогда ты поймёшь, что хуже этого ничего не может быть. Поймёшь, что даже смерть лучше, чем вот эта боль. Поэтому, послушай меня, Марат... Послушай себя, Марат. После того, как она тебя спасёт, сделай всё, чтобы она ушла и больше никогда не возвращалась. Отпусти её. Поверь мне, так надо... Поверь себе... Попробуй выключить свою фантазию. Откажись от неё рассудительно и смело. Не бойся этого. Она свободный человек, не отнимай эту свободу... Я не знаю, что будет с нами после того, как она исчезнет. Но будет другое. Будет по-другому... Хорошо, Марат?.. Хорошо. Я на тебя очень надеюсь. Может быть, это самый важный шаг в нашей жизни...

Мужчина выходит из ванной комнаты, уходит на кухню.

Сцена 14

В квартиру Марата вбегает Зоя, спешит в ванную. Марат лежит без сознания. Зоя выдёргивает пробку в ванной, хлещет по щекам Марата. Марат не реагирует. Зоя бежит на кухню. На кухне у открытого окна стоит Мужчина. Зоя, не обращая на него внимания, открывает ящики, находит аптечку, переворачивает аптечку на пол, находит бинт, спешит в ванную. Одной рукой при помощи зубов вскрывает упаковку с бинтом, второй рукой набирает номер телефона. В это время Женщина вбегает в квартиру, торопится на кухню.

МУЖЧИНА. Уходи, пожалуйста.

ЖЕНЩИНА. Я в последний раз это делаю. Сейчас я уйду и больше не вернусь.

МУЖЧИНА. Ты хочешь, чтобы я закрыл окно?

ЖЕНЩИНА. Как догадался?

МУЖЧИНА (*глубоко вдыхает уличный воздух и закрывает окно*). Всё. Я сделал, как ты хотела.

ЖЕНЩИНА. Спасибо.

МУЖЧИНА. Зачем?

ЖЕНЩИНА. Не знаю.

МУЖЧИНА. Это уже ничего не изменит в твоей жизни.

ЖЕНЩИНА. Я знаю.

МУЖЧИНА (*пауза*). Дверь не закрывай, когда будешь уходить.

ЖЕНЩИНА. Я помню.

МУЖЧИНА. Поговорим?

ЖЕНЩИНА. Нет.

Мужчина и Женщина молча смотрят друг на друга. Из ванной выходит Зоя.

ЗОЯ (*в трубку телефона*). Здравствуйте, мой... знакомый порезал вены... Да... Да, он ещё живой, кажется. Приезжайте поскорее... Адрес?.. Сейчас...

Женщина идёт к выходу, сталкивается с Зоей.

ЗОЯ. Какой здесь адрес?

ЖЕНЩИНА. Здесь один адрес, другого нет. Предупреди, что лифт не работает. (*Выходит из квартиры и захлопывает дверь.*)

ЗОЯ (*в трубку*). Площадь Защитников Неба... Я вас встречу. Хорошо...

Зоя сбрасывает вызов, смотрит на Мужчину, тот открывает окно.

Эй! Вот только не надо сейчас прыгать. Одного с меня хватит.

МУЖЧИНА. Я – это не твоя работа.

ЗОЯ. Ну это не вам решать? Лучше помогите мне.

МУЖЧИНА. Всё с ним будет хорошо. Ты же рядом.

ЗОЯ. И что мне теперь, нянчиться с ним?

МУЖЧИНА. А разве ты можешь иначе?.. Посмотри на него. Посмотри, как он жалок, какой он ничтожный. Какой унылый. Одним словом, зануда... Не советую тебе иметь с ним дело. Сразу видно – проблемный.

ЗОЯ. Да я и не собиралась.

МУЖЧИНА. Я это так, на будущее.

Мужчина забирается на подоконник.

ЗОЯ. Блин, ну не надо. Ну, вы же взрослый, умный человек.

МУЖЧИНА. Я такой же ничтожный и жалкий.

Мужчина выходит в окно.

Сцена 15

*Женщина спускается по лестничному пролёту.
В это время Мужчина падает.*

ЖЕНЩИНА (*спускается*). Чёртов дом, чёртов лифт, чёртовы защитники чёртова неба. И этот ещё придурок всё никак себя не убьёт. Ты никого никогда не любил. Ты просто хотел к себе внимания, как маленький ребёнок...

МУЖЧИНА (*падает*). Нет, Марат, не надо. Я ошибался, Марат. Не отпускай её. Держись за неё. Держись пока хватает сил...

ЖЕНЩИНА (*спускается*). Когда человек любит, он так никогда не поступит. Любовь – это такая штука, когда всем хорошо. Всё остальное это чушь какая-то, выдумка, заблуждение...

МУЖЧИНА (*падает*). Не прогоняй её, Марат. Она всё, что у тебя есть. Не отпускай, умоляю...

128

ЖЕНЩИНА (*садится на ступеньки, плачет*). За что мне такое наказание? Ничего получше не было, Зоя?.. Лёха на стоматолога учился, хороший был парень... Зачем ты мне? Ты же меня всю выворачиваешь. Я хочу спокойной жизни и нормальных отношений... Всю молодость я на тебя угробила... Разбейся уже в лепёшку, и дело с концом...

МУЖЧИНА. Не отпускай...

Сцена 16

Площадь Защитников Неба. Таксист и Пассажирка выходят из такси, поднимают глаза, смотрят в небо.

ТАКСИСТ. Опять падает. Отойди подальше, кровью забрызгает.

ПАССАЖИРКА. Постой... Смотри...

ТАКСИСТ. Не может быть... Как он это?

ПАССАЖИРКА. Взлетел.

ТАКСИСТ. Взлетел.

Сцена 17

Больничный коридор. Марат в пижаме сидит на кушетке, рядом садится Зоя.

ЗОЯ. Привет, ты как?

МАРАТ. Живой.

ЗОЯ. Это круто.

МАРАТ. Ты довольна?

ЗОЯ. Очень... Надеюсь, тебя в психушку не положат.

МАРАТ. Суицид, дурдом... Что дальше?

ЗОЯ. Станешь поэтом...

МАРАТ. Только не это.

ЗОЯ. Что-нибудь видел?

МАРАТ. Где?

ЗОЯ. Когда умирал.

МАРАТ. Да. Я шёл по белому коридору, а в конце увидел яркую фигуру...

ЗОЯ. Кто это был?

МАРАТ. Уборщица. Она меня прогнала.

ЗОЯ. Засранец. Я же серьёзно спрашиваю.

МАРАТ. Не помню. Что-то видел.

ЗОЯ. Долго ещё тебе здесь?

МАРАТ. Пару дней, наверное.

ЗОЯ. Отлично. Приду встречать тебя.

МАРАТ. С цветами.

ЗОЯ. Обойдёшься.

МАРАТ. А потом куда?

ЗОЯ. А потом по домам.

МАРАТ. К тебе или ко мне?

ЗОЯ. Я к себе, ты к себе...

МАРАТ. Может, сходим куда-нибудь?

ЗОЯ. Давай, когда выйдешь отсюда, мы это обсудим.

МАРАТ. Зачем так серьёзно? Просто сходим куда-нибудь...

ЗОЯ. Не знаю даже...

МАРАТ. Вспомнил. Себя видел. Взрослого.

ЗОЯ. Где?

МАРАТ. Ну там, в конце коридора.

ЗОЯ. Ну и как тебе Ты?

МАРАТ. Ничего особенного... Он что-то говорил мне. Про тебя, кажется.

ЗОЯ. И что говорил?

МАРАТ. Пытаюсь вспомнить.

ЗОЯ. Вспомнишь, расскажи. *(Пауза.)* Не знала, что ты любишь. Вот. Ананасы в сиропе. *(Достаёт из пакета банку ананасов.)*

МАРАТ. Не люблю ананасы.

ЗОЯ. А я люблю... Себе тогда оставлю.

МАРАТ. Забирай.

ЗОЯ. Ты помнишь, что говорил мне перед тем, как выключился?

МАРАТ. Не уверен.

ЗОЯ. Это же был просто бред, глюки, да?

МАРАТ *(Пожимает плечами)*. Вспомнил.

ЗОЯ. Вспомнил?

МАРАТ. Я вспомнил, что говорил мне взрослый Я.

ЗОЯ. В конце коридора?.. А то, что ты говорил мне, не помнишь?

МАРАТ. Этого я не забывал.

ЗОЯ. Как ты мог говорить, что любишь, если видел меня в первый раз?

МАРАТ *(пауза)*. Я не люблю тебя. Уходи.

ЗОЯ. Что?.. Я вообще-то тоже тебя не люблю, рас-слабься.

МАРАТ. Я знаю, что не любишь.

ЗОЯ. Я просто тебе помогаю. Так все нормальные люди делают.

МАРАТ. Знаю. Мне не нужна твоя помощь, уходи.

ЗОЯ. Как хочешь.

МАРАТ. Уходи и не возвращайся больше.

ЗОЯ. Хоть бы спасибо сказал, что ли.

МАРАТ. Спасибо, что ли. Проваливай давай.

ЗОЯ. Зачем так грубо?

МАРАТ. По-другому ты не поймёшь.

ЗОЯ. Да пошёл ты.

МАРАТ. И ты тоже пошла.

ЗОЯ. Лучше бы ты сдох. Ты и так не живёшь и ни хрена не чувствуешь. Как робот... Это не жизнь.

МАРАТ. А ты чувствуешь?.. Уходи, пожалуйста.

ЗОЯ. Я пела тебе песню.

МАРАТ. Ты плохо поёшь.

ЗОЯ. Ненавижу тебя.

МАРАТ. Я знаю.

*Зоя уходит. Марат сидит, глядя в одну точку.
Задирает рукав, смотрит на перебинтованную
руку.*

Я сделал то, что ты просил, Марат...

Сцена 18

Женщина и Другой сидят за столиком в ресторане. Женщина не слушает, что говорит ей Другой, но для вида кивает.

ДРУГОЙ. В общем, сделки, сделки, сделки. Акции, договора, совещания. Смешная история с партнёром по бизнесу. Ещё одна смешная история с другим партнёром по бизнесу. Я даже не понимаю, насколько тебе невыносимо скучно со мной, и ты даже не скрываешь это. Просто молчишь, киваешь и смотришь по сторонам. А я уверен, что ты простая как три рубля и не понимаешь, как тебе повезло со мной. Ведь ты уже не молода, да к тому же с прицепом. Ровно через три месяца я сделаю тебе предложение в ресторане получше этого. Ровно через пять месяцев мы поженимся в миниатюрном европейском государстве. А потом мы отправимся с тобой в медовый месяц на Луну...

ЖЕНЩИНА (*вздрагивает*). Что ты сказал?

ДРУГОЙ. Я сказал, он купил себе яхту пять лет назад и так ни разу не спустил её на воду. Сделал из неё хранилище для вина.

ЖЕНЩИНА. Нет, ты что-то сказал про Луну.

ДРУГОЙ. Это секрет. Потом узнаешь.

ЖЕНЩИНА (*пауза*). Ты когда-нибудь хотел умереть?

ДРУГОЙ. В смысле?

ЖЕНЩИНА. По-настоящему. Хотел умереть?

ДРУГОЙ. Зачем? Жизнь удивительна. Столько всего прекрасного вокруг.

ЖЕНЩИНА. Например?

ДРУГОЙ. Красивые места, хорошие качественные предметы...

ЖЕНЩИНА. А ещё?

ДРУГОЙ. Много чего... Прекрасные напитки, еда...

ЖЕНЩИНА. Это всё?

ДРУГОЙ. А что, собственно, ты хочешь услышать?

ЖЕНЩИНА (*пауза*). А тебе нравятся ананасы?

ДРУГОЙ. А кому они не нравятся? Все любят ананасы.

ЖЕНЩИНА. Все любят?

ДРУГОЙ. Конечно, это же вкус детства... Ты хочешь ананас?

ЖЕНЩИНА. Нет.

ДРУГОЙ. Официант!

ЖЕНЩИНА. Нет, пожалуйста. Не надо...

ДРУГОЙ. Ананас принесите.

ЖЕНЩИНА. Нет, не надо, я не хочу. Я пошутила... Я это про собаку.

ДРУГОЙ. Да, свежий несите.

ЖЕНЩИНА. Остановись, пожалуйста. Ананас – это собака. Слышишь? Это кличка собаки...

ДРУГОЙ. Да, кубиками нарежьте.

ЖЕНЩИНА. Слышишь? Ананас – это наша собака, он умер. Умер. Слышишь? Не надо резать собаку кубиками!

ДРУГОЙ. Какая собака? Ты о чём?

ЖЕНЩИНА (*начинает плакать*). Это наша собака, понимаешь.

ДРУГОЙ. Так ты хочешь собаку? Ананас отменяется?

ЖЕНЩИНА. Не надо нам другой собаки. Я не хочу другую. Верни мне Ананаса.

ДРУГОЙ. Ничего не понимаю. Возьми салфетку, люди смотрят.

ЖЕНЩИНА. Какой же ты невыносимо тупой.

ДРУГОЙ. Так, давай без грубостей. Я понимаю, собака умерла, но это ещё не повод.

ЖЕНЩИНА. Верни мне собаку. Это ты можешь? Нашу собаку...

ДРУГОЙ. Так, пойдем отсюда...

Другой встаёт. Женищина продолжает сидеть, рыдает.

Сцена 19

Квартира Марата. Марат выходит из ванной, идёт на кухню, садится на стул. Марат сидит какое-то время, поглядывая на настенные часы. Марат задирает рукав рубашки, смотрит на шрамы.

Звонок в дверь. Марат быстро опускает рукав, идёт в прихожую, открывает дверь. На пороге стоит Альберт. Невысокий, полный мужчина с залысиной и в очках. На лице редкая бородёнка и акне. Голос у Альберта очень высокий.

МАРАТ. Здравствуйте.

Альберт молча входит в квартиру, не касаясь Марата, он будто бы вдавливая его в квартиру. Альберт вяло протягивает Марату свою расслабленную мягкую кисть. Марат пожимает руку.

АЛЬБЕРТ. Я Альберт.

МАРАТ. Очень приятно. Марат... Можно не разуваться. Проходите.

Марат пропускает Альберта первым на кухню, тот идёт неспеша, всё осматривая. На кухне Альберт будет без остановки прикасаться, брать и поглаживать все кухонные предметы, попадающиеся под руку (за исключением колющих и режущих). За это время он ни разу не посмотрит на Марата.

АЛЬБЕРТ. Значит, тебе нравится, когда за тобой наблюдают?

МАРАТ. Не совсем. Просто я хочу, чтобы кто-то был рядом, когда я...

АЛЬБЕРТ. Прекрасно...

МАРАТ. Думаете?

АЛЬБЕРТ. Конечно... Голым?

МАРАТ. Не понял... Нет, я буду в одежде.

АЛЬБЕРТ. Нет-нет, ты хочешь, чтобы я был голым?

МАРАТ (*пауза*). Нет, конечно, не надо быть голым. Лучше так, как есть. Как сейчас. В этой одежде.

АЛЬБЕРТ. Хочешь, чтобы я к тебе прикасался?

МАРАТ. Нет, этого тоже не надо. Просто сидите рядом и всё... Можете говорить о чём-нибудь. Неважно. Можно о чём угодно.

Альберт подходит к окну, за окном космос.

АЛЬБЕРТ. Красивый вид. *(Пауза.)* Хочешь, чтобы я себя трогал?

МАРАТ. В каком смысле?

АЛЬБЕРТ. Ну, чтобы я себя за разные места трогал. Хочешь?

МАРАТ. За какие места?... Нет, я не совсем...

АЛЬБЕРТ. Например, за левый сосок. А потом за правый... И за разные другие места.

МАРАТ. Нет, я не знаю, если честно. Я не думаю. Я не буду смотреть на вас, я в это время умирать буду... Вы ведь знаете? Вы ведь на это согласились?

АЛЬБЕРТ. Секс – это маленькая смерть.

МАРАТ. Что?

АЛЬБЕРТ. Секс – это маленькая смерть. Такая фраза.

МАРАТ. Никогда не слышал.

АЛЬБЕРТ. Потому что у тебя не было секса. Не было этой прекрасной маленькой смерти. *(Пауза.)* Значит, я могу себя трогать?

МАРАТ. Я не знаю... Зачем вам это?

АЛЬБЕРТ. Как зачем? Чтобы всем было приятно.

МАРАТ. Мне не будет приятно, я же буду умирать. И потом... то есть, мне будет, конечно, всё равно. Но я не хотел бы, чтобы перед моей смертью кто-то рядом трогал свои соски.

АЛЬБЕРТ. Почему?

МАРАТ. Это очень странно.

АЛЬБЕРТ. Думаешь, странно?

МАРАТ. Думаю, да.

АЛЬБЕРТ (*пауза*). И не только соски.

МАРАТ. Да, и не только соски. Тем более.

АЛЬБЕРТ. Странно.

МАРАТ. Ага.

АЛЬБЕРТ (*пауза*). Но это ни на что не повлияет. В это время ты будешь умирать.

МАРАТ. В общем, да, но... Мы не настолько близки, чтобы делать такие вещи.

АЛЬБЕРТ. Ты собрался умирать при мне. Разве это не близость?

МАРАТ. Думаю, это другое...

АЛЬБЕРТ. Так давай познакомимся поближе.

МАРАТ. Я бы не... Это всё очень странно.

АЛЬБЕРТ. Не бойся. Я тебя не укушу.

МАРАТ (*пауза*). Знаете, я передумал. Я решил, что не буду убивать себя. Я понял, что это была ошибка... Теперь за мной не надо наблюдать.

АЛЬБЕРТ. Так даже лучше. Не люблю, когда кровь... Можем просто полежать в ванной.

МАРАТ. Вместе?

АЛЬБЕРТ. Верно.

МАРАТ. Нет, нет, нет, это точно нет. Никак. Вообще никак... Хотите, примите ванну без меня. Но лучше не надо... Извините, что отнял у вас время... На самом деле это была шутка. Пранк. Я хотел узнать, поведётся кто-нибудь или нет. Извините, если обидел вас.

АЛЬБЕРТ (*пауза*). Очень жаль.

МАРАТ. Да, это очень тупая шутка. Мне очень неловко и стыдно. Честно. Я не хотел никого обидеть.

АЛЬБЕРТ (*пауза*). Я не укушу.

МАРАТ. У меня сейчас мама придёт, кстати. Она не оставляет меня надолго после того, как я уже резал вены...

АЛЬБЕРТ. Покажешь?

МАРАТ. Нет... Что показать?

АЛЬБЕРТ. Шрамы.

Пару секунд Марат раздумывает, затем подворачивает рукав рубашки. Альберт подходит ближе, смотрит на руку, легонько прикасается к шрамам. Марат отдёргивает руку. Альберт замирает, а потом быстро выходит в прихожую. Марат идёт следом. Альберт оборачивается и впервые смотрит прямо в глаза Марату.

АЛЬБЕРТ. Ты многое теряешь... Но если захочешь, напиши.

МАРАТ. Хорошо. Я напишу. Если захочу... Извините ещё раз.

Альберт внимательно смотрит на Марата. Марат смущённо отводит глаза.

АЛЬБЕРТ. А любовь?

МАРАТ. В каком смысле?

АЛЬБЕРТ. А любовь – это вечная жизнь.

МАРАТ (*пауза*). Наверное, да.

АЛЬБЕРТ. Не «наверное», а точно. Ты знаешь это, потому что уже любил...

Альберт прикасается пальцем к груди Марата, где сердце, выдерживает паузу, и потом уходит. Марат сначала хлопывает дверь, но потом слегка приоткрывает её. Марат некоторое время сдерживает смех, а затем начинает истерично хохотать. Смейтся долго, в слезах падает на колени и опрокидывается на спину. Смеясь, он входит в ванную. Марат прямо в одежде запрыгивает в ванну, подняв фонтан брызг. Потом перестаёт смеяться, но всё ещё улыбается. Он ныряет и выныривает несколько раз подряд. Выныривает в последний раз и видит, как в ванную тихо заходит Зоя.

ЗОЯ. У тебя дверь не заперта...

Эпилог

Космос. Такси на полном ходу мчит по направлению к Солнцу. В машине Таксист и Пассажирка. Голос навигатора: «До места назначения сто сорок миллионов километров, продолжайте движение прямо».

ПАССАЖИРКА. Что ты делаешь?

ТАКСИСТ. Земля находится на идеальном расстоянии от Солнца. Чуть дальше, и Земля бы замерзла. Ближе – и Земля бы сгорела. Это идеальное расстояние для того, чтобы Земля чувствовала любовь Солнца.

ПАССАЖИРКА. Мы слишком близко, Марат. Разворачивайся.

ТАКСИСТ. Знаешь, большую часть жизни мы не находимся в состоянии любви. Это было бы, как если вести машину на повышенных оборотах постоянно. Это невозможно делать долго. Либо не справишься с управлением и разобьешься, либо движок заглохнет и встанешь. И может быть навсегда... Любовь – это идея. И кто-то готов жертвовать всем во имя этой идеи, а кто-то нет.

ПАССАЖИРКА. Ты не чувствуешь какой жар?..

ТАКСИСТ. Да? Не чувствую. Надо ближе...

ПАССАЖИРКА. Останови машину!..

ТАКСИСТ. Она сама остановится, когда надо...

ПАССАЖИРКА. Ты псих!

Голос навигатора: «Продолжайте движение прямо».

ТАКСИСТ. Любовь – это не то, когда всё ясно. Разве тебе не ясно? Любовь – это когда вообще невозможно понять, как этот человек существует на белом свете. Будто бы этот человек с Луны, и его надо оберегать без сна и отдыха. Понимаешь? Это когда дышать на него страшно, иначе испарится. Когда прикасаться страшно, иначе рассыплется. Страшно, но больше всего хочется именно этого. Именно дышать, именно прикасаться.

ПАССАЖИРКА. Прекрати!

О крышу такси ударяется что-то. Таксист пытается разглядеть.

ТАКСИСТ. Опять это он. Всю машину раскурочил своей безумной башкой...

ПАССАЖИРКА. Остановись, Марат, я прошу!

ТАКСИСТ. Он тоже летит к Солнцу. Понимаешь?

ПАССАЖИРКА. Если не остановишь, я выпрыгну!

ТАКСИСТ. Я не остановлю. Ты не умрёшь от горя. Это единственное, в чём я ошибся.

ПАССАЖИРКА. Хорошо, хорошо! Постой! Постой, Марат! Теперь меня послушай! Слышишь меня? Это ты самый важный человек в своей жизни! Слышишь меня? Не я! И никто другой! Ты – самый важный человек! В тебе эта безумная любовь, только в тебе! Без тебя её не станет. Не дай ей умереть. Она нужна, она меняет мир. Она лучшее, что есть в этом мире. Она самое ценное, что ты в себе несёшь... Меня не станет, а она здесь будет всегда... Скажи мне это ещё раз.

Таксист бросает руль. Голос навигатора: «Продолжайте движение прямо».

ТАКСИСТ. Я люблю тебя.

ПАССАЖИРКА (улыбается). Вот видишь. Она на месте, и ничего с ней не случится. Никогда.

Перед такси возникает золотистый ретривер Ананас, он изо всех сил мчится к Солнцу, будто бы пробивая путь для такси. Пассажирка смотрит на собаку и плачет. Таксист неотрывно смотрит на Пассажирку, включает радиоспектакль. Звучат реплики Марата и Зои из Сцены 1. Таксист и Пассажирка повторяют их слова.

– МАРАТ. А потом мы вместе состаримся и умрём в один день.

– ЗОЯ. Мы ещё даже не пожили, а уже состарились.

– МАРАТ. Ну давай тогда куда-нибудь съездим, что-нибудь там поделаем...

– ЗОЯ. Я очень хочу куда-нибудь поехать с тобой что-нибудь там поделать.

– МАРАТ. Вот. А потом в другое место поедем и будем там вообще другими вещами заниматься...

– ЗОЯ. В другое место мне тоже нравится.

– МАРАТ. А потом мы будем спать в постели. Будем разное делать. Штуки всякие вытворять.

– ЗОЯ. Обожаю с тобой разное делать и вытворять. Ты прекрасен в постели.

– МАРАТ. Не смущай меня... А потом мы заведём собаку.

– ЗОЯ. А можно мы в постель вернёмся разное делать.

– МАРАТ. Конечно, вернёмся... Но в постель запрыгнет большая мокрая собака и помешает нам.

– ЗОЯ. Противная собака.

– МАРАТ. Но мы её любим.

– ЗОЯ. И никому не отдадим.

– МАРАТ. Хорошо, что мы с тобой нашли друг друга... Ты сделала меня счастливым человеком.

Таксист и Пассажирка закрывают глаза. Такси сливается со слепящим солнечным светом. Голос навигатора: «Вы прибыли на место назначения».

Евгения Скирда
**РОЗА В НАВОЗНОЙ
КУЧЕ**

Пьеса

Действующие лица:

ЛЮДА, женщина, работает на работе, 29 лет
СЕВА, её жених, учится в аспирантуре, 27 лет
РИММА ПАВЛОВНА, мать Севы, 50 лет
ЮРА, косплеер, брат Люды, 16 лет,
ИГОРЬ МИХАЛЫЧ, начальник Люды, 34 года
ДИЛЯ, коллега Люды, 25 лет
СВЕТА, кассирша
КОЛЛЕКТОРКА
КОЛЛЕКТОР
МЕДСЕСТРА
ОФИЦИАНТ
ПРОВОДНИЦА
СОТРУДНИК КОЛЛ-ЦЕНТРА

144

«Любви никто не учит».
Старая японская пословица.

1

Ресторан. Столик накрыт на троих, за столом и сидят трое. Люда напротив Севы, посередине Римма Павловна. На столе много разных блюд. И всё дорогое. Много разных столовых приборов. Римма Павловна и Сева едят морепродукты. Люда замешкалась, не понимая, какую вилку ей взять. Заглядывает в рот то Севе, то Римме Павловне.

РИММА ПАВЛОВНА. Да вы берите любую. Вы же не виноваты, что не знаете. Очень вкусные тигровые креветки. Вы должны их попробовать, пока они не остыли. Соус отменный. Руками можно.

ЛЮДА. Спасибо.

Люда хватается какую-то вилку. Римма Павловна пристально за этим наблюдает. Люда неловко накалывает явно не на ту вилку креветку. Наконец, после раздумий отправляет креветку в рот.

СЕВА. Правда, вкусные? Мама умеет выбирать блюда.

ЛЮДА. Ага.

РИММА ПАВЛОВНА. Солнце, шеф-повар здесь потрясающий. Он француз, мы лично знакомы. Я пригласила его на Севин день рождения. Солнце, помнишь, как мы выезжали ещё до этого бреда с пандемией? Ве-

черинка была просто топ! Снова хочется на природу, соприкасаться с лесами, горами, воздухом...

СЕВА. Да, мам, было хорошо.

РИММА ПАВЛОВНА. Природа так поэтична. Милочка, а вы любите поэзию? Милочка, вы любите воспевать нашу мать-природу?

ЛЮДА. Меня Люда зовут...

РИММА ПАВЛОВНА. Дорогая, я уменьшительно-ласкательно, только и всего. Людмила-Мила-Милочка.

ЛЮДА. Вообще природу люблю. Я в детстве по весне на даче картошку сажала часто. По осени выкапывала. У матери была грыжа в спине, она не могла. Вот я с отцом и ковырялась. Личинки такие жирные попадались в земле, с большой палец толщиной! Они внизу копошились, а я лопатой разрубала, чтобы картошку не пожрали. На лопате потом след от слизи оставался... Как думаете, кишки там у них или чего?

РИММА ПАВЛОВНА. Прекрасно. Вольтер сказал: «Природа всегда имела больше силы, чем воспитания». Как думаете, Милочка, это актуальное высказывание?

СЕВА. Мам, ты не могла бы попросить нам вот эти блюда с собой упаковать?

РИММА ПАВЛОВНА. Солнце, брось. Я просто дам тебе денег, закажете что-нибудь на дом. А нам сейчас принесут фуа-гра...

СЕВА. Мам, мне работать ещё всю ночь! Я бы не хотел отвлекаться. Понимаешь, вдохновение придёт, а я буду прерываться в работе над диссертацией, что-то заказывать... А это интимный момент. И Люда

будет спать, ей на работу рано вставать. Ну, ты понимаешь.

РИММА ПАВЛОВНА. Хорошо, Севка. Сейчас попрошу.

Римма Павловна выходит из-за стола. Официант приносит три порции фуа-гра, ставит на стол. Люда смотрит на тарелки, поморщившись.

СЕВА. Так, держи себя в руках!

ЛЮДА. Сука, я её сейчас ушатаю!

СЕВА. Успокойся! Ты для неё как бы тоже стресс.

ЛЮДА. Прикалываешься? Я в Питере всего два года живу! И не думала, что передо мной так быстро появятся все эти вилки, ложки и килограммы пафоса в виде твоей модненькой мамашки!

СЕВА. Ей надо адаптироваться, как и тебе. Будь как-то потерпимее, что ли?

ЛЮДА. Я к тебе год привыкала. К ней буду привыкать десять.

СЕВА. А я к тебе не привыкал: «ты мой краш»? Отношения это игра, в которую играют двое.

ЛЮДА. Ты мой кринж. Вот именно, что двое! Ты бы как-то... Посмелее, что ли с ней! А то я одна всегда говорю, а ты как в рот воды набрал. По нам вообще не скажешь, что пара! Мы даже не «Ромео и Джульетта», мы «Джулия Ломовая лошадь и Ромашка». Потому что Ромашка пишет «научные статьи, ловя вдохновение, которое несётся вперёд на стремительных, сука, крыльях, нежных, как попка младенца...»

СЕВА. Прекрати, опять посрёмся.

ЛЮДА. О! Милостивый государь, как пошло вы заговорили, фи, таким быть, фи!

СЕВА (*накрывает руку Люды, лежащую на столе, своей рукой*). Давай скажем ей про свадьбу и по домам? Завтра реально тяжёлый день.

ЛЮДА. Хорошо. Люблю тебя.

СЕВА. И я люблю.

Люда и Сева целуются. Возвращается Римма Павловна с контейнерами с едой.

РИММА ПАВЛОВНА. Дорогие, ну вы совсем не заботитесь о моём ментальном здоровье. Несите аккуратно, я думаю, протечёт, у официанта выражение лица такое...Как это? Сучье. Наверняка с браком коробку подсунул. Солнце, представляешь, не все ощущают своё зависимое положение на такой должности. Некоторым не нравится, когда на них слегка повышают голос. О, фуа-гра уже пробовали? Как вам?

СЕВА. Мама, я помню, ты в молодости любила петь, ты любила оперу. Поэтому у тебя такой громкий голос.

РИММА ПАВЛОВНА. Милочка, а вы как к опере относитесь?

ЛЮДА. Римма Павловна...Знаете, мы пойдём уже по домам. Правда, рано на работу надо, как Сева говорил.

РИММА ПАВЛОВНА. Да, Севка работает головой. С ним грубо нельзя. Только такт. Вы знаете, он с пяти лет писал стихи...

ЛЮДА. Счёт давайте пополам. Я по карте. Девушка!

К столу подходит Официант.

РИММА ПАВЛОВНА. Ну, Милочка! Брось это! Работники умственного труда никогда много не зарабатывали. Я заплачу за всех.

Официант кладёт терминал на стол, набирает сумму. Сева молчит. Люда смотрит на Римму Павловну. Римма Павловна смотрит на неё.

ЛЮДА. А я работаю в банке. Я вообще... Я тоже в состоянии заплатить за всех. Да. И такая встреча первый раз! Знакомство... Короче, мне нетрудно. И бюджет у нас общий уже. Да, Сева?

СЕВА. Она, кстати, операционистом в банке работает.

ЛЮДА. Операционисткой!

РИММА ПАВЛОВНА. Очень мило. С оперой со-звучно. Красиво.

Римма Павловна достаёт свою карточку и тянется к терминалу. Люда хищно хватается терминал к себе и платит своей картой. Официант отрывает чек.

СЕВА. Ну, пошли...

ОФИЦИНАТ (*Римме Павловне*). А вы, кстати, можете мне на чай скинуть?

ЛЮДА. Мы с Севой заявление в ЗАГС подали.

РИММА ПАВЛОВНА. Чьё?

ЛЮДА. Наше.

РИММА ПАВЛОВНА (*Официанту*). Я вам пол-суммы от заказа на чай оставлю.

Официант набирает сумму на терминале, не скрывая улыбки. Римма Павловна молча платит своей картой.

Главное, что вы вдвоём это решили. Хорошо, что не по телефону узнала. Севка, ну, я надеюсь, ты позволишь матери взять на себя хотя бы часть расходов?

СЕВА. Мы не хотели много гостей... Такой минимализм, репродукции Шиле на стенах, псевдонуар, без белого платья и смокинга, одежда из льна...

РИММА ПАВЛОВНА. Лён – это экологично.

ЛЮДА. Да, скромненько, не сильно потратимся.

РИММА ПАВЛОВНА. Солнце, ты разве Милочке не сказал, сколько стоит настоящая льняная одежда?

Сева делает вид, что его здесь нет.

ЛЮДА. И сколько?

РИММА ПАВЛОВНА. Неважно. Лён в любом случае уходит из трендов. Но вашу свадьбу город должен запомнить. Одних моих друзей, искусствоведов вон пол-Питера! Тогда я пока не буду брать проекты по дизайну в Москве. Естественно, и белое платье нужно и смокинг. Надо всё продумать. Ну, увидимся, дорогие. До свидания, Людмила. Вы мне будете как дочь скоро. Придётся и за вас брать ответственность.

ЛЮДА. Никогда никому не позволяла брать за себя ответственность.

РИММА ПАВЛОВНА. Оно и видно. Фуа-гра до-
ешьте. Оплачено. *(Направляется к выходу.)*

2. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПРОСРОЧКИ

СЕВА. Алло?

КОЛЛЕКТОРКА. Всеволод Александрович?

СЕВА. Да. Кто это?

КОЛЛЕКТОРКА. МКК «Алмаз», компания «День-
ги даём». Меня зовут Филиппова Марина, у вас вче-
ра была последняя дата платежа. Во сколько сегодня
от вас поступит оплата?

СЕВА. Вчера? А сегодня же воскресенье, вы разве
по воскресеньям принимаете?

КОЛЛЕКТОРКА. Да, бухгалтерия работает.
Во сколько оплатите?

СЕВА. Слушайте, но уже восемь вечера...Вы ещё
работаете?

КОЛЛЕКТОРКА. Да, работает бухгалтерия.
Вы располагаете сейчас нужной суммой? Компания
отсрочек не предоставляет. У вас доступна сумма
продления на тридцать дней. Полторы тысячи рублей.
Продлеваем?

СЕВА. Подождите...Это цена отсрочки? Я брал
тридцать тысяч рублей, и, если заплачу сверху полто-
ры, то могу отдать в течение тридцати дней?

КОЛЛЕКТОРКА. Нет, вы должны отдать всю сум-
му сегодня. Если не располагаете суммой, можете за-
казать услугу продления полторы тысячи рублей за
один день и потом отдать ещё сумму сверху.

СЕВА. Подождите, но я же брал тридцать тысяч, а отдать должен больше?

КОЛЛЕКТОРКА. Но вы же брали в компании, а не у родственников?

СЕВА. Подождите, я же просто на сайте кнопку нажал!

КОЛЛЕКТОРКА. Да, у вас все документы подписаны электронной подписью. Подпись имеет юридическую силу, все риски вы заранее брали на себя.

СЕВА. Слушайте, воскресенье, вечер, я девушку с работы жду, ужин ещё не готов, вот совсем нет времени сейчас идти платить...

КОЛЛЕКТОРКА. Вам доступна услуга продления. Будете продлевать? Если вы данной суммой располагаете, то две минуты зайти и оплатить. Это требование компании – оплатить сегодня. А вы незаконно удерживаете деньги компании.

СЕВА. Что? Я незаконно удерживаю ваши деньги? А если я не внесу сумму сегодня? И откажусь от продления?

КОЛЛЕКТОРКА. Тогда мы зафиксируем отказ от оплаты сегодня. Но настоятельно рекомендуем оплатить сегодня!

СЕВА. Хорошо. Фиксируйте отказ.

КОЛЛЕКТОРКА. Хорошо, зафиксировали от вас отказ от оплаты вашего долга сегодня, в воскресенье седьмого ноября. Всего доброго, Всеволод Александрович.

Гудки. Вызов сброшен.

Вечер. Квартира Люды и Севы. Сева сервирует стол на троих. Входят Люда и Юра. Люда в офисной одежде. Юра одет как персонаж Козетты из аниме «Портрет малышки Козетты»: платье в стиле готической Лолиты, чёрное, длинный белокурый парик, макияж. Юра быстро садится за стол. Сева немного в шоке от его вида.

ЛЮДА. Опять руки не помыл! «Корона» же!

ЮРА. Пох. Итак все умрём.

ЛЮДА. Значит, так. В следующий раз приезжаешь с папой. И папа водит тебя по твоим фестивалям, а ты ему объясняешь, почему ты так одет. Понял?

ЮРА *(показывает язык)*. Злючка! Ладно, помою.

СЕВА. А в родном городе у тебя аниме не любят? В смысле должен же быть какой-то фест тематический...

ЮРА. Ну, есть «Румикон». Но он только второй год проводится, и там на игры больше акцент, а не на аниме. А здесь я, знаешь, кого встретил? Лелуша из «Код Гиааса»! Себастьяна с Грелем из «Тёмного дворецкого». И ещё много кого. И все «тру». Канон. И здесь фандсаберы, «ПерсонаДевятьДевять» по озвучке лекцию читала! У нас сто косплееров максимум наберётся, а тут больше пяти тыщ! Так что, не сравнивай. *(Убегает мыть руки.)*

ЛЮДА *(Севе)*. Прости... Папе ещё неделю на грязях в Пятигорске надо полечиться. Я звонила ему се-

годня. Он эту путёвку несколько лет по квоте ждал. А Юра, он не буйный же... Просто одного оставлять боимся. Сам видишь, переходный возраст. Его надо во всём контролировать. Может, если бы мама была...

СЕВА. Ты ему сама как мама. С тобой никто не пропадёт. Но по поводу контроля, это спорно, я бы, конечно...

ЛЮДА. Ладно, проехали. Это мой брат, сама с ним разберусь.

Юра возвращается за стол. Торопливо начинает есть суп. Суп проливается на его платье.

Опять на колени ляпнул! Теперь пятно останется! Что за ребёнок такой?!

ЮРА. М-м-м...Грибной! Сева классно готовит, не то, что ты.

ЛЮДА. Я работаю! Когда мне готовить?

ЮРА. А мама как-то успевала готовить! Хотя тоже работала!

ЛЮДА. Она...половину в магазине покупала. Ты не можешь помнить, тебе тогда пять исполнилось.

ЮРА. А я помню!

ЛЮДА. Нет, не помнишь!

ЮРА. Помню! И когда она умерла, первый снег пошёл, вот!

Люда замолкает. Юра пытается оттереть пятно на ткани.

ЮРА. Блин, в чём мне на второй день феста завтра идти? Я эту Козетту год шил, на школьных обедах экономил...

ЛЮДА. Иди, кинь в стирку. Высохнет до завтра.

Юра раздевается прямо перед Людой и Севой. Остаётся в трусах и парике. Сева съёживается.

ЮРА (*хихикая*). Как я вам? Лоли-тян! «Только не на лицо, только не на лицо!» О, придумал! Я буду косплеить Адама из Библии!

ЛЮДА. Не смей, слышишь?!

ЮРА. А чё, нормальный такой фанфик. Сюжет интересный и поворотов много. Только мне надо найти Еву какую-нибудь, чтобы по канону...А можно и мальчика. И разыграем яойную историю.

Люда со злости замахивается на Юру, тот хихикает и убегает из-за стола, забирая свои шмотки. Люда и Сева остаются вдвоём.

ЛЮДА. Прости, сейчас успокоюсь. Он меня бесит!

СЕВА. Слушай, ну дай ты ему свободу на определённые гендера и ориентации. Он себя девочкой считает?

ЛЮДА. Я не знаю! Я ничего не знаю! Когда он Юра, говорит: «Он». Когда аниме-тёлкой одет, говорит: «Она!» Я ни разу его не видела ни с девочкой, ни с мальчиком...Он, по-моему, не целовался ещё даже. Только анимешки свои смотрит и тик-токи в париках записывает.

СЕВА. Ну, и оставьте ребёнка в покое! Решит, сам всё расскажет.

ЛЮДА. Главное, чтобы мне сначала рассказал, а не папе. Он же у нас бывший мент. Жалеть не будет. Ладно, как твоя диссертация?

СЕВА. Написал ещё главу сегодня. Только по «комплексам» учебка куда-то делась... Ты не видела?

ЛЮДА. Нет.

СЕВА. Ну, синяя такая книга большая...

ЛЮДА. Не иголка, найдётся. А суп очень вкусный, правда... Ты с каждым днём всё лучше готовишь.

СЕВА. Я старался. Кстати, закрой глаза.

Люда повинуется. Сева вкладывает ей в ладонь кольцо. Люда открывает глаза.

ЛЮДА. Ты прикалываешься? Сева! Это что, с бриллиантом кольцо? Врёшь! С фианитом? Или... Ты что, банк ограбил? Твоя стипуха эти расходы не покрывает. Зачем? Мы же договорились без колец.

СЕВА. Ну, как без колец?

ЛЮДА. Мама денег дала?

СЕВА. Нет. Мне долг отдали... Так что, колесо фортуны мы крутанули без особых усилий.

ЛЮДА. Эти твои метафоры... Ну, мы же договорились без колец! Я бы тогда тебе тоже купила!

СЕВА. Перестань! У тебя не супервысокая зарплата в твоём банке. И я хочу тебе сказать, что уже задолбали твои переработки, ещё и по воскресеньям. А я хочу тебя чаще видеть, слышать, ощущать. Может, что-то поспокойнее выбрать?

ЛЮДА. А меня эта работа устраивает. Коллектив хороший.

СЕВА. Кого-то будешь на свадьбу с работы приглашать?

ЛЮДА. Нет. Они там, карьеристы все и одиночки. Не любят семейных.

СЕВА. А говоришь, хороший коллектив. Наоборот, к семейным в финансах больше доверия.

ЛЮДА. А у нас вот так.

СЕВА. Ну и ладно. Значит, со стороны невесты только отец и брат. Давай, что ли, дизайн приглашений выберем? Ты какие хочешь? Мне на бархатистой бумаге нравятся, она такая мягкая на ощупь. Там отенок такой «морской волны» есть. Очень красиво и нежно смотрится.

Сева подходит к Люде, начинает делать ей массаж.

Такая напряжённая... Притормози хоть на секунду, прекрати спасать мир.

ЛЮДА. Прости... Я сегодня не могу.

СЕВА. Почему?

ЛЮДА. Месячные.

СЕВА. Враньё.

ЛЮДА. Да. Не хочу, сил нет. Работа меня достала, я на ней сученею. Ощущение, что все самые тупые клиенты мира, это мои клиенты.

СЕВА. Пойду ванну с лавандой тебе наберу.

ЛЮДА. Спасибо. Только не горячую. Ты такой хороший. А мне всё чаще кажется, что я – твоё наказание. Прилетает тебе по карме.

СЕВА. Противоположности притягиваются. Плюс на минус, минус на плюс. Физика, химия, элементарно.

ЛЮДА. Ах, ты! Нет, чтобы сказать, что я классная! Нет, чтобы пожалеть!

СЕВА (*смеётся*). Ну, какой пожалеть, Людмила? Ты видишь мои недостатки, я вижу твои. И мы согласились принять наши недостатки и идти дальше по одной дорожке. Вместе, взявшись за руки. Заметь, по одной дорожке, но, не перекрывая кислород друг другу.

ЛЮДА (*смеясь*). Что-то ты намудрил...

СЕВА. Ну, как параллельные линии, если хочешь! Я очень рад, что наши отношения не созависимые. Ну, насколько это возможно... Я не понял, почему ты смеёшься?

ЛЮДА. Потому что ты – невыносимый душнила.

СЕВА. А ты любить не умеешь.

ЛЮДА. Так ведь никто не научил. Но я пытаюсь хотя бы понять для себя, что это такое. А ты, вроде помогаешь.

158

Сева и Люда целуются.

ЮРА (*кричит из ванной*). Злючка, я твой крем для депиляции возьму! Можно?

4

В синей книге Севы подчёркнут простым карандашом следующий текст:

«Сексуальный комплекс – это обозначение группы осознаваемых и неосознаваемых личностью

Сексуальность

переживаний. Окрашиваясь отрицательными эмоциями, они существенно влияют на сексуальное поведение, образ жизни, влечения, мышление. Для переживаний характерны: чувство неудовлетворенности, элементы страха, наказания, греха, которые, оформляясь в раннем возрасте в тот или иной комплекс, определяют структуру личности...»

Несколько абзацев неподчёркнуты. Далее снова подчёркнуто:

«...комплекс Афины Паллады преимущественно женский. При его наличии женщина психологически идентифицирует себя с отцом и мужским миром. Легко устанавливает контакты с мальчиками, ей близок их психический мир, присутствует сексуальный интерес, эротизация отношений с подростками. Присущи черты греческой богини Афины Паллады: потребность в доминировании и исполнение покровительственной мужской роли. Идеальный партнёр – инфантильный мужчина, которым можно помыкать».

5

Квартира Люды и Севы. Люда, Сева и Римма Павловна на кухне обсуждают и обсуждают.

РИММА ПАВЛОВНА. Я рада, что мы пришли к согласию хотя бы по художникам. Значит, Шиле поменяли на Климта. И если теперь у нас золото, солнце

и явное лето по атмосфере, то цвет «морской волны» нам не подходит. Давайте «миндальное масло». Самый благородный среди «жёлтых».

ЛЮДА. Но мы очень хотели именно «морскую волну».

РИММА ПАВЛОВНА. Вы хотели?

ЛЮДА. Да, я хотела. И Сева хотел. Он даже больше меня хотел!

СЕВА. Ну, «морская волна» была идеальна с Шиле, с Климентом только «миндальное масло»! Мама права.

ЛЮДА. Почему мы от Шиле отказались? Это же твой любимый художник! Мне, вообще, тоже Климент нравится...

РИММА ПАВЛОВНА. Прекрасно, решили! Значит, столы закажем в «Бёрче», у меня там знакомый управляющим работает. Слушай, Милочка, я всё думала над тем, что ты не хотела платье. И поняла, что ты суперправа. Это мегапопулярная концепция, когда женщина на свадьбу надевает мужской костюм, а мужчина – свадебное платье. «Моя Мишель» клип сняли в этом же духе. «Зима в сердце» трек называется, там Матвеев такой в платьице и парике, хорошенький...

ЛЮДА. Это вроде старая песня, «Гости из будущего» пели.

РИММА ПАВЛОВНА. Тем более реабилитация старых треков это тренд! Трибьют, называется, да? Я знаю. Клип, кстати, мегаджуси! Это классный символ! Ты как бы влезаеть в шкуру возлюбленного и представляешь, как это, быть на его месте.

СЕВА. Я платье не буду надевать.

РИММА ПАВЛОВНА. Солнце, я не настаиваю. Мы не хотим, чтобы был «тумач». Боже, Милочка! А ты не хотела бы себе такой белый костюм тройку? Пиджак, рубашка и брюки «клёш»! И широкополая шляпа! Я думаю, у «Кензо» можно найти такое. А Севе в тёмной палитре. И у нас меняется концепция на «Инь и Ян», а золото в интерьере будет отождествляться с всеобщей жизнью на Земле!

ЛЮДА. Так, подождите! Я не могу на это всё сейчас согласиться...

РИММА ПАВЛОВНА. Согласна, надо обдумать. Взвесить все «за» и «против».

ЛЮДА. Нечего взвешивать. Я никогда в жизни не хотела себе публичную свадьбу! Я хотела просто расписаться в ЗАГСе! А Сева придумал Шиле и одежду из льна...

РИММА ПАВЛОВНА. Странно, все девочки планируют свои свадьбы.

ЛЮДА. А я нет! Вы нами понтануться перед своими друзьями хотите.

СЕВА. Люда, мама нам помочь хочет. Она, вообще-то, почти все расходы на себя берёт. Можешь как-то помягче?

ЛЮДА. Извини... Я просто чувствую себя очень некомфортно. Я к такому не привыкла. Я из обычной семьи, где важно было с голоду не помереть.

РИММА ПАВЛОВНА. Понимаю, дорогая, понимаю. Но я ведь тоже не всегда была такой, какая я сейчас. Я просто к этому стремилась. К счастью,

богатству, к «жить хорошо», а не как придётся. Я тоже много работала. Но и замуж вышла выгодно. И ждала, когда уже перестану бояться показать соседям снизу, что я именно хорошо живу. Что я своих денег не стыжусь. И я ждала, что мой Севка женится на понимающей девушке, которая будет ценить мир, в котором мы с ним живём. Но он, кажется, нашёл себе ту самую «соседку снизу».

СЕВА. Мама, пожалуйста!

Хлопает входная дверь. Вбегает Юра в костюме Козетты. У него разбиты коленки и синяк под глазом. Вид немного потрёпанный.

ЮРА. Мы немножко послэмались на фесте. Много народу было.

РИММА ПАВЛОВНА. Здравствуй, детка! Это твоя сестра, Милочка? Какая принцесса растёт!

Юра улыбается. Римма Павловна смотрит на его разбитые коленки. Люда вскакивает из-за стола. Юра убегает в свою комнату и закрывается. Люда бежит за ним.

ЛЮДА (у двери комнаты). Вечером опишешь мне всех, кто тебя избил! Понял? И напишем заявление в полицию.

ЮРА (из-за двери). Никто меня не избивал! Сказал же, послэмались! По-дружески! Как тяночки!

ЛЮДА. Я тебе не мама! Ко мне не подлижешься! А если обидели, надо давать отпор. И неважно какими способами!

ЮРА. «Спаси меня, Эйри! Мы заключили договор кровью! Как бы ни была сильна боль, если ты меня любишь, то останься!»

Люда возвращается на кухню.

ЛЮДА. Сева, он закрылся и меня не пускает к себе. И опять разговаривает фразами из аниме.

СЕВА. Сейчас узнаю, что случилось.

Сева уходит к Юре. Люда остаётся с Риммой Павловной.

ЛЮДА. Это мой брат, Юра. Он анимешник. Занимается косплеем, то есть, переодевается в персонажей из мультиков и играет их роли в реальной жизни.

РИММА ПАВЛОВНА. Чудесный мальчик. Честный с самим собой.

ЛЮДА. В отличии от «соседки снизу», да?

РИММА ПАВЛОВНА. Людмила. Когда солнце спускается за горизонт, свет исчезает. На его смену приходит тьма...

ЛЮДА. Что?

РИММА ПАВЛОВНА. Тьма приходит, потому что так надо. Потому что так устроен мир. Двенадцать часов на Земле день, светло, тепло, солнце. А следующие двенадцать часов ночь, луна, темно, холодно. Это две противоположности, которые нужны, чтобы существовать в балансе. Понимаете?

ЛЮДА. Хотите сказать, что мы с вами – два разных мира?

РИММА ПАВЛОВНА. Да. Так вот, вы знаете, что бывает, когда вода и огонь соприкасаются? Они взаимоуничтожаются. И жизни нет ни тому, ни другому. А вы хоть раз видели, чтобы день смешивался с ночью? Бред, согласитесь.

ЛЮДА. Есть вечер и утро...

РИММА ПАВЛОВНА. Пусть так. Вот такие промежуточные состояния возможны, когда кто-то кому-то уступает. Не всегда день ночи, а ночь дню. Периодически. Но из-за этих уступок сохраняется баланс. Миры из-за этих уступок не рушатся, а существуют. Два разных, сильных мира.

ЛЮДА. Вы думаете, что уступили достаточно, а теперь то же самое должна сделать и я? А я вот думаю, что я уже уступила достаточно!

РИММА ПАВЛОВНА. Вы мне, наверное, в своих мыслях где-то уступили, дорогая?

ЛЮДА. Я на вашу «Милочку» не обижаюсь. Хотя меня это бесит!

РИММА ПАВЛОВНА. Надо было просто мне сказать, что вам не нравится. Поймите, я люблю своего Севку. Он не выживет в нищете. Я хочу ему помогать. Хочу, чтобы ему было комфортно. Он работник умственного труда.

ЛЮДА. Я стараюсь зарабатывать и обеспечивать его...

РИММА ПАВЛОВНА. Слушайте, мы с вами хоть и в современном мире живём, но всё-таки... «Женщина, обеспечивающая своего мужчину», не очень хорошо звучит. Солнце окончит аспирантуру,

потом и докторскую защитит. Я вкладываюсь как мать, потому что должна. И вам предлагаю не надрываться лишний раз. Примите мою помощь, она бескорыстна.

ЛЮДА. Я не содержанка.

РИММА ПАВЛОВНА. Ладно. Любая мать когда-то должна передать своего сына жене. Но я прошу вот над чем подумать: «день и ночь» не только мы с вами. Вы и Севка тоже «день и ночь». И чтобы семейная жизнь была счастливой, вам придётся уступать. И придётся быть для него женщиной. Беспомощной и «хочущей на ручки». Иначе, зачем вы ему нужны? Вы его будущая жена, а не чувак, с которым можно во дворе мячик погонять. *(Кричит.)* Солнце, я ушла!

Сева возвращается, услышав крик.

СЕВА. И что у нас в итоге, всё-таки «миндальное масло»?

РИММА ПАВЛОВНА. Ничего у нас нет в итоге. Вы с Людой просто в ЗАГСе распишитесь и всё.

СЕВА. Как?

РИММА ПАВЛОВНА. Вот так. Всё-таки это ваша свадьба, а не моя. Никого «душить любовью» я не собираюсь.

СЕВА. Блин, в «Бёрче» очень вкусные миньоны...

РИММА ПАВЛОВНА. Солнце, слушай, я тебе больше деньги пока не буду перечислять. Надо начать экономить. Я думаю новый проект начинать в Москве, там громадный дом в Хамовниках. Отделать, новый дизайн, время, вложения. Ты понимаешь.

СЕВА. Да...Понимаю.

РИММА ПАВЛОВНА. У меня было отложено на вашу свадьбу. Но раз её не будет, я деньги в бизнес вложу.

СЕВА. Разумно, да...

РИММА ПАВЛОВНА. Вам же в университете подняли стипендии, да? И Люда сказала, что хорошо зарабатывает. В общем, пригласите на регистрацию хотя бы. Я вас на «айфон» щёлкну. Раз профессионального фотографа не предполагается. До свидания, дети! *(Уходит.)*

СЕВА. Что ты ей сказала?

ЛЮДА. Да ничего особенного. Как будто её деньги сильно нас спасали.

СЕВА. Нет, не сильно...

ЛЮДА. За квартиру, кстати, скоро платить. Ты в этом месяце платишь, помнишь?

СЕВА. Ага...

ЛЮДА. Юра что-нибудь сказал?

СЕВА. Да. Избили. Гопники какие-то. За внешний вид. Они еле убежали с компашкой. Но он им тоже навалял.

ЛЮДА. Фак!

СЕВА. Ну, он молодец. Не унывает. Слушай, может, отправим его погулять на часок, а сами...

ЛЮДА. Ты его не знаешь. Он никогда прямо не говорит. Он любит всех вокруг мучить. И делать вид, что у него нет проблем!

Люда и Сева идут в комнату Юры, открывают дверь. Юра записывает тик-ток в парике. Жеманничает, делает «губки», хлопает глазками, как аниме-девочки. Гримасничает: что сказать маме, если она увидела, что твои коленки в синяках? (Напевает.) «Я просто втюрилась, вкрашилась, влавилась, ой-ой-ой...». Фоном играет трек Доры «Втюрилась».

Люда и Сева наблюдают за Юрой.

6

В синей книге Севы подчёркнут простым карандашом следующий текст:

«...При Эдиповом комплексе мальчик испытывает сексуальное влечение к своей матери. Идентифицирует себя с отцом и начинает подавлять инцестуозные побуждения. Глубокая привязанность к матери у мальчиков не проходит с возрастом, они зависимы, управляемы и не женятся без материнского одобрения. Если же архитипический «Эдип» «порвал пуповину» и пустился в свободное плавание по жизни, в женищинах он будет искать прежде всего мать. Заботливую, властную, жестокую и всепрощающую. Девочки подобным образом направляют свои инцестуозные побуждения на мать. Но, обнаружив у себя отсутствие пениса, у них развивается некая «зависть к пенису». Таким образом, появляется возмущённая обида на мать. Родительница превращается в соперницу девочки, претендующую

на любовь отца. Ицестуозное желание девочки в итоге проецируется на родителя мужского пола. Комплекс носит название «Комплекса Электры»...

7

Конец рабочего дня. Некое подобие колл-центра. Люда сидит за столиком и в нерешительности пялится в монитор. На её шее висят наушники. Рядом сидит Диля, тоже с наушниками.

ДИЛЯ (*нервно*). И он на меня прямо орал, ты представляешь? Все полчаса!

ЛЮДА. Да ну, не поверю ни за что. У тебя лучшие показатели в отделе. Не мог он на тебя орать. Он тебе просто объяснял, почему жалобы от клиентов на тебя пошли. Согласись, ты жестила. А он со всеми так.

ДИЛЯ. Нет, не со всеми! А вчера, когда мимо нас проходил, он что сделал? Ты помнишь?

ЛЮДА. И что?

ДИЛЯ. Он меня по плечу похлопал! Я аж вздрогнула! Думала, всё, уволит!

ЛЮДА. Диля, ну нельзя же так бояться своего начальника... Работа должна быть в кайф.

ДИЛЯ. Работа нужна, чтобы делать бабки. Между прочим, я тринадцатый айфон себе на день рождения решила купить.

ЛЮДА. Класс! Поздравляю.

ДИЛЯ. Да, потом сфоткаюсь в инсту и подпишу фотку: «Насосала». И поверят же, сволочи! Потому

что красивая баба с губками, бровками и ноготочками, как может получить айфон в Рашке? Только «насосать».

ЛЮДА. Ладно, долго на перерыве сидим. Снимай звонки с паузы. Игорь сейчас обход начнёт.

ДИЛЯ. А ты чего такая смурная сегодня?

ЛЮДА. Да план не выполню походу за месяц.

ДИЛЯ. Один там у тебя какой-то додик телится, да? Я слышу рядом постоянно.

ЛЮДА. Да не только... Чего-то я, наверное, выгораю.

ДИЛЯ. Да я сюда устроилась изначально «выгоревшая». Мне нужны деньги и больше ничего! А что делать, зачем делать, какая разница? Я всё своё детство, знаешь, что делала? Рыбу одну жрала! Потому что мамка ею на рынке торговала, и она нам задарма почти доставалась. Меня теперь от одного вида и запаха тошнит! Я роллы халявные на корпоратах хавать не могу!

ЛЮДА. А к бреду на том конце провода ты привыкла? И нам же сильно хамить нельзя. А их поубивать хочу иногда.

ДИЛЯ. А я всегда! Было бы здорово, если бы нам разрешалось хоть раз в месяц кому-то из них коленку сломать. То «он не в городе», то «он умер», то «кокаин в Камбодже продаёт» А мы тут тоже живые люди!

ЛЮДА. Ну, вот я такого наслушаюсь, домой без сил прихожу.

ДИЛЯ. Нашла из-за чего страдать. Они для меня — куча говна, а не люди. Я к ним вообще не подключа-

юсь. Так я себе тогда в детстве поклялась, что когда вырасту, у меня будет много денег. И рыбу я жрать больше никогда в своей жизни не буду. А тут платят хорошо, я отсюда никогда не уйду, только если сами попросят. Так что «выгореть» у меня может только желание хорошо жить. А не, не может! (*Смеётся.*)

ЛЮДА. Так, за работу, Игорь идёт!

*Девушки начинают звонить своим клиентам.
Во всём колл-центре стоит невероятный шум.
Между рядов прохаживается Игорь Михалыч
и проверяет, как работают его сотрудники.*

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Эй, ты чё в телефоне залип? В тиндере в рабочее время сидишь? Ну, ты это... Ты тёлкам сразу не отвечай, ты покажи какой загадочный, помаринуй немного!

Игорь Михалыч громко смеётся. В ответ ему тишина, а потом неловкие смешки.

170

ДИЛЯ (*шёпотом, Люде*). Ненавижу, когда он так делает. Шутки у него тупые. Хоть бы он мимо нас прошёл!

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ (*подходит к Диле и Люде*). Ну, чё, девчонки, рыбка ловится? Большая и маленькая?

ДИЛЯ. Да, Игорь Михалыч! Всё хорошо, у меня почти весь план закрыт за месяц.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Молодец, Диля! Все слышали? Диля почти план закрыла! Главное, чтобы жалоб не было, а так молодец!

Сюжет

ДИЛЯ. Не будет, Игорь Михалыч. Я уже стараюсь их во все щели облизывать.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. А у тебя как дела, Люд? Чё-то не густо бабла собрала, да?

ЛЮДА. Да вот... Чего-то не получается в этом месяце.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. А чё? Клиенты – мрази? А, может, тебе помочь? Замотивировать?

ЛЮДА. Ну, не знаю. Помогите.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ну, сиди, жди. Сейчас вернусь. *(Уходит.)*

ДИЛЯ *(пугается)*. Ты что! Ты зачем ему это сказала? Он тебя теперь уволит! Типа, ты не справляешься со своими обязанностями!

ЛЮДА. Да чего ты? Он искренне хочет помочь. Чего вы все его так боитесь... Как будто он тебе голову откусит.

ДИЛЯ. Откусит! Ему в армейке голову пробрили. У тебя походу девять жизней так с ним разговаривать.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ *(возвращается с боксёрскими перчатками и деревянной доской для битья)*. Так, народ! Звонки на паузу поставили! Будем Людочку приводить в тонус. Грушу я сюда не стал притаскивать. Но есть такая вот фигня деревянная. Давай надевай.

ЛЮДА. Что надевать?

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Перчатки. А я буду доску держать. И давай колошмать доску, представляй, что это мрази на другом конце телефонного провода. Можешь даже матом поорать.

ЛЮДА. Серьёзно? Да я передумала уже...

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Чё, заднюю включила? Ну, не. Такое мы не схаваем. Ты же всегда добиваешься того, чего хочешь. Ты же броня, кремьень, Людка! Или чё, слабо? Понторезка? А как до дела, то сразу онемела?

Игорь Михалыч зычно смеётся. Сотрудники его поддерживают. Люда берёт перчатки, надевает их.

Другое дело. Давай, колошмать. И ори! Сильно ори!

Люда сжимает кулаки и слабо ударяет доску один раз. Бьёт ещё раз. Ещё раз. Начинает агрессивно и интенсивно избивать доску.

Во, круто, Людка! Кто у нас альфа-самка?

ЛЮДА. Я альфа-самка!

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Что ты сделаешь с этими тупыми мразями?

ЛЮДА. По стенке размажу!

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Кто у нас баба со стальными яйцами?

ЛЮДА. Я баба со стальными яйцами! Суки! Ненавижу! А-а-а! *(Входит в раж и выбивает деревянную доску из рук Игоря Михалыча.)*

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Так, ну хорош, всё, Людка, всё!

Люду уже не остановить. Она несколько раз бьёт Игоря Михалыча. Тот скручивает её за руки и крепко обнимает. Обездвиженная Люда злобно сопит.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Успокоилась? Рабочий день ещё не закончился. Водички попей и вперёд. Хорошо?

ЛЮДА. Да.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Давай, если есть вопросы, заходи задавай, обсудим, хорошо?

ЛЮДА. Да.

Игорь Михалыч отпускает Люду и уходит к себе в кабинет. Люда успокаивается.

ДИЛЯ. Я буду сюда до начала рабочего дня приходить. Я буду на два часа задерживаться. Я буду планы перевыполнять. Чтобы только он лишний раз со мной не говорил. Чтобы он только лишний раз меня не трогал.

ЛЮДА. Ты конченная. А реально полегчало... *(Выдыхает, взглядывается в монитор и запускает новый звонок.)*

8. ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПРОСРОЧКИ

СЕВА. Слушаю?

КОЛЛЕКТОРКА. Всеволод Александрович, добрый день. МКК «Алмаз», компания «Деньги даём». Марина Филиппова, сотрудник службы безопасности.

СЕВА. А, слушайте...

КОЛЛЕКТОРКА. У вас третий день задержки денег компании. У вас штраф семь процентов за каждый день сверху. Вы должны были оплатить три дня назад. Компания напоминает вам, что вы должны оплатить ваш долг сегодня до девятнадцати ноль-ноль.

СЕВА. Слушайте, Марина, до семи часов пятнадцать минут осталось...

КОЛЛЕКТОРКА. Вы должны были оплатить три дня назад. Вам две минуты хватит зайти и оплатить. Если у вас такие дорогие часы на аватарке, неужели сорока тысяч лишних нет?

СЕВА. Что? Зачем вы смотрите мою страничку «ВКонтакте»? Я там уже несколько месяцев не сижу!

КОЛЛЕКТОРКА. В «Одноклассниках» рожа не лучше. Очки «Кельвин Кляйн» с маркировкой, может вам их в ломбард отнести?

СЕВА. Подождите, вы почему так со мной разговариваете? Своими деньгами я могу сам распорядиться!

КОЛЛЕКТОРКА. Ничего ты не можешь, мать твою может, Римма Павловна. Сумочку «Прада» продать, например. День рождения, вижу, два месяца назад у неё был. Хороший подарок сделал ей, сынуля? Дорогой? На наши денежки? А ты знаешь, что она свои нюдсы какому-то старпёру «ВКонтакте» отправляет? Могу и тебе показать.

СЕВА. Откуда вы это всё знаете?

КОЛЛЕКТОРКА. Я всё про тебя знаю. Попроси у мамочки денег, оплати долг, и я тебе больше никогда не позвоню.

СЕВА. Я не могу у неё просить...

КОЛЛЕКТОРКА. Тогда заработай! Ты мужик и должен понимать, что свои обязательства надо выполнять! Я знаю, что твоя невеста тебе не даёт, потому что ты жалкий слабак, который даже свои долги сам закрыть не в состоянии.

СЕВА. Представьтесь ещё раз. И назовите компанию.

КОЛЛЕТОРКА. МКК «Алмаз», Филиппова Марина. Всеволод Александрович, вы оплатите долг до девятнадцати ноль-ноль сегодня? Или мы начинаем прозвон ваших близких и родственников.

СЕВА. Нет. У меня нет лишних денег.

КОЛЛЕКТОРКА. Тогда мы направляем специалистов по вашему адресу: г. Санкт-Петербург, улица Фёдора Абрамова 27, квартира...

СЕВА. Вы не имеете права никого присылать! Я на вас заявление в полицию напишу! Назовите ваш адрес! Я сам приеду!

КОЛЛЕКТОРКА. Пишите заявление и оплатите долг до девятнадцати ноль-ноль сегодня. Всего доброго.

Гудки.

9

Квартира Севы и Люды. Сева сидит на диване хмурый. Люда входит в комнату с огромным пакетом.

ЛЮДА. Привет! Ты знаешь, что сегодня будем есть? Я купила пасту с морепродуктами, том-ям и рафчик с корицей. Всё как ты любишь!

СЕВА. Там снег пошёл. Разогреть придётся.

ЛЮДА. Ну, придётся...Какая разница, вкуснотища же!

СЕВА. Если разогревать в микроволновке, еда будет как резиновая. А если на плите, ты обязательно всё спалишь. Тебя нельзя на кухню пускать.

ЛЮДА. Хочешь, можешь сам...

Молчание.

(Ставит пакет на пол.) Как диссертация?

СЕВА. Ничего не пишется. Ты точно мою книгу не видела нигде?

ЛЮДА. Не видела. Слушай, ну в электронном виде её нет? На сайте ВУЗа, например.

СЕВА. Давно бы скачал, если бы была.

ЛЮДА. А что, просто погуглить нельзя?

СЕВА. Люда, там термины! А ссылаться я на какие источники должен? На «Гугл»? Да меня комиссия пришлёт!

ЛЮДА. Ладно, я поищу завтра с утра. Хорошо поищу. Юра дома?

СЕВА. Нет, не приходил.

ЛЮДА. Фак. Надо было заставить его снять побои.

СЕВА. Взрослый человек, сам разберётся. Кстати, тебе сегодня насчёт меня никто не звонил?

ЛЮДА. Нет. А должны были?

СЕВА. Из ЗАГСa. Им, бывает, нужно подтверждение, придём или нет, там и мой и твой номера телефонов есть.

ЛЮДА. А ты же записал, во сколько нам назначено? Я просто помню, что до обеда, а во сколько...

СЕВА. То есть, я могу в ЗАГС сам с собой расписываться прийти, да?

ЛЮДА. Нет, мне просто надо понять, когда отпрашиваться. А нам весь день понадобится или я могу после обеда пойти доработать?

СЕВА. Люда, да можешь вообще не приходить, я так думаю. У тебя уже есть один муж и зовут его Работа. Ты этому товарищу всё своё время уделяешь, зачем тебе кто-то ещё?

ЛЮДА. Сева, прости, я не это хотела сказать... Конечно, я возьму целый день выходной! Фак! Прости!

СЕВА. Ты знаешь, я ещё подумал, что мы с тобой уже как будто двадцать лет женаты. Даёшь ты мне раз в квартал, едим мы нормально, только если я готовлю, и наше чадо бегаёт по квартире, то ли девочка, то ли виденье! А может, нам и правда, не расписываться? Ничего же не изменится.

В комнату вламывается Юра. Он в платье, в руках держит парик Козетты. Он шатается.

ЮРА. Злючка, набери ноль три...

Люда сдерживает вопль, а затем вызывает скорую. Сева укладывает Юру на диван.

Эйри говорил о Козетте: «Откуда у неё в глазах такая печаль?» (Теряет сознание.)

СЕВА. Что он там бормочет всё время?

ЛЮДА. Это его любимое аниме. «Портрет малышки Козетты». Там про маленькую девочку, которую убил художник. Они любили друг друга и были об-

ручены. А она стала после смерти духом и находила каждую его реинкарнацию через сотни лет. Типа мстила душе художника уже в новом теле.

СЕВА. Жесть. Я думал анимешки все смешные и добрые.

ЛЮДА. Нет, там много жанров: мистика, ужасы.... Надо его помыть, я сейчас найду его паспорт...

Люда уходит. Сева берёт марлю, смачивает спиртом, начинает аккуратно промокать ссадины Юры. Тот открывает глаза.

ЮРА. Зачем ты это делаешь? Пусть она это делает. Она моя сестра.

СЕВА. Так ты в порядке? Она вообще-то скорую вызвала.

ЮРА. Пусть приезжает скорая. Мне нехорошо. А ты классный, не как папа. Ты ранимый и чувствительный, как я.

СЕВА. А Люда говорит, что я душнила.

ЮРА. Ты – душнила, но обаятельный.

СЕВА. Э-э-э...Ты же ко мне не подкатываешь?

ЮРА. У Козетты был один единственный возлюбленный. Марчелло, художник. Он её любил, рисовал, а потом убил, чтобы сохранить её красоту. Чтобы она не постарела, а запомнилась миру вечно юной и прекрасной. А через двести пятьдесят лет Марчелло воплотился в новом человеке – Эйри. Так что подкатить я могу только к реинкарнации Марчелло. У меня такая задача по карме. Ты не он. Ты слишком добрый.

СЕВА. Фух... Так ты сейчас будешь прикидываться, что бредишь? Зачем?

ЮРА. Я хочу стать актёром. Если родная сестра поверит, значит точно задатки есть. Ты же меня не сдашь?

СЕВА. Ты только не переборщи...

ЮРА. Изи-бризи.

Возвращается Люда с паспортом Юры. Юра снова закрывает глаза.

ЛЮДА. Нашла! Ну, они три часа ехать будут.

ЮРА (*загробным голосом*). Тебе не понять, как мучается душа, убитая рукой возлюбленного...

ЛЮДА. Фак! Как-то он слишком долбануто себя ведёт. Я ему сейчас нашатыря принесу понюхать.

ЮРА. Не надо нашатыря!

ЛЮДА. Ага, попался? У него в детстве сотрясение мозга было. Так вот, пока мама его по головке гладила, папа нашатыря ему под нос. Мигом оклемался! Теперь триггерит.

ЮРА. Ты бы тоже могла по головке погладить. А вместо этого жестишь! Ты хочешь меня убить. Злая. Кажется, я нашёл реинкарнацию Марчелло.

ЛЮДА. Юра, ты доиграешься! Я прямо сейчас тебе куплю билет на поезд и поедешь домой, понял?

СЕВА. Может, сначала скорую дождёмся? Вдруг ему печень отбили!

ЮРА. Папа тоже бы так поступил, как она. Ментяра.

ЛЮДА. Вот только не надо делать из меня бесчувственную тварь! Хорошо, дожждёмся скорую.

Пауза

ЮРА. А я решил поступать на актёрский.

ЛЮДА. Прекрасные новости. Хочешь женские роли играть?

ЮРА. Я хочу все на свете роли играть! И когда-нибудь я сыграю роль мамы. И ты снова её обнимешь, как в детстве.

ЛЮДА. Фак...Кринж.

ЮРА. А это нечестно, что ты внешне на неё похожа. Дочери должны быть похожи на отцов. Я всегда хотел быть похожим на маму.

ЛЮДА. Ты похож на неё. Характером.

ЮРА. Зато у меня нос мамин! Сто процентов!

СЕВА. А у тебя же где-то альбом был? Можем посмотреть и убедитьсяся.

ЮРА. Какой альбом? Который у нас из дома исчез куда-то? А мы с папой обыскались. Хотели маме на памятник фотку поменять. На другую, где она помоложе.

ЛЮДА. Я когда сюда переезжала с собой альбом забрала. Чтобы не скучать. Я ведь в этом городе совсем никого не знала.

ЮРА. Принеси! Пожалуйста, давай посмотрим? Мне станет легче.

Люда нехотя достаёт старый фотоальбом откуда-то из комода. Садится на диван, открывает альбом. Юра и Сева сидят по бокам от неё.

ЛЮДА (*перелистывая альбом*). Вот мы на горках маленькие с Юркой. Вот папа молодой из армии вернулся. Вот они с мамой вдвоём на свадьбе... А вот...

СЕВА. Нифига себе! Один в один, даже платье!

ЛЮДА. Это папин день рождения был... Мамы уже не было. Я ему такой подарок «подарила». Одевалась в её одежду, причёску такую же сделала. Он тогда плакал. Я никогда раньше не видела, чтобы он плакал.

ЮРА. Видишь, я проиграл. Ты самая «похожая».

ЛЮДА (*смотрит в свой телефон*). Хозяйка прислала смс, что не получила оплату. Сева, мы же сегодня должны платить! Ты что ей не перевёл?

СЕВА. А ты не можешь попросить её подождать недельку...

ЛЮДА. Недельку?

СЕВА. Понимаешь, у меня нет денег.

ЛЮДА. И ты говоришь мне об этом только сейчас?

СЕВА. Я хотел сказать раньше. Но боялся, что ты меня не поймёшь.

ЛЮДА. Я тебя внимательно слушаю.

СЕВА. Ты знаешь, что я не работаю. Свою долю в бюджет я мог вносить только потому, что мама помогала. Теперь она мне не помогает. А чтобы купить кольца, я взял микрозайм. И теперь мне звонят коллекторы и требуют вернуть долг.

Молчание.

ЛЮДА. Я сейчас всё решу. Заплачу хозяйке из своих денег.

Люда утыкается в телефон. Сева не выдерживает и вскакивает с дивана. Фотография Люды в платье мамы вылетает из альбома. Юра незаметно её подбирает и убегает в комнату. Сева и Люда остаются вдвоём.

СЕВА. Вот так просто? Ты за меня заплатишь?

ЛЮДА. Ну, если у тебя нет денег? Мы же не хотим, чтобы нас выперли.

СЕВА. А с долгом мне что делать?

ЛЮДА. Ну, я не Киркоров, у меня столько денег нет, чтобы ещё и твои долги гасить. Какой раз позволили?

СЕВА. Второй.

ЛЮДА. Третий будет самый жёсткий. Я расследование смотрела. Так что, готовься.

СЕВА. Я не могу у мамы попросить... Это должна сделать ты! Она захочет тебя сломать.

ЛЮДА. А чё меня ломать, я не игрушка. У коллег из универа нельзя занять?

СЕВА. Ты что! Как я буду выглядеть в их глазах после этого?!

ЛЮДА. Тогда иди, работай.

СЕВА. Кем? Я в жизни не работал.

ЛЮДА. Иди кассиром в магазин. Они посменно набирают на подработки. Заработаешь, отдашь долг и уволишься. Понял? Что-то там Юрка затих. Пойду, гляну (*Уходит.*)

Сева остаётся один. Вид у него подавленный. Он начинает тихо плакать. Возвращается

Люда. Она крайне смущена. Видит, что Сева плачет.

ЛЮДА (*обнимает Севу*). Ты чего, дурачок? Работать это круто! У тебя же будут деньги на твоё существование. Ты же зависишь ни от кого не будешь!

СЕВА (*всхлипывая*). Только не говори мне, что мужчины не плачут.

ЛЮДА. Плачут. И это совсем не стыдно.

СЕВА. А ты когда-нибудь плакала?

ЛЮДА. Конечно. У мамы на похоронах.

СЕВА. Как Юра?

ЛЮДА. Нормально.

Слышится звонок в дверь.

Скорая приехала! Открой, пожалуйста. Я сейчас Юру приведу. Только ты их удержи немного в зале... Придумай, что-нибудь. Скажи, полис ищем.

СЕВА. Ладно.

Люда подходит к двери, ведущей в комнату Юры. Она приоткрыта. В щель Люда видит, как Юра лежит на кровати и держит её фотографию из альбома над своей головой. Его вторая рука под одеялом. Одеяло дёргается в разные стороны.

ЛЮДА (*громко*). Юра, скорая приехала! Иди в зал!
МЕДСЕСТРА (*кричит*). Ну, и кто здесь больной?

В синей книге Севы подчёркнут простым карандашом следующий текст:

«...Если брат и сестра случайно встретились вне дома на открытом месте, то они должны убежать. Если мальчик видит на песке следы ног сестры и узнаёт их, то ему нельзя идти по этим следам так же, как и ей по его следам. На полуострове Газели в Новой Британии сестра, выходя замуж, не должна разговаривать со своим братом совсем. Она не должна даже произносить его имени, а говорить о нём может только описательно. Вспомним, что первый сексуальный выбор мальчика инцестуозен и направлен на запрещённые объекты: мать и сестру. Постепенно подрастающий юноша освобождается от соблазна инцеста. Однако невротик обнаруживает постоянно некоторую долю психического инфантилизма. Таким образом, он или не мог освободиться от детских условий психо-сексуальности или он вернулся к ним. Поэтому в его бессознательной душевной жизни всё ещё продолжают или снова начинают играть главную роль инцестуозные фиксации либидо.

Несколько абзацев неподчёркнуты. Далее снова подчёркнуто:

«...Девушкам с большой потребностью в нежности, и с таким же ужасом перед реальными требованиями сексуальной жизни приходит-

ся столкнуться с непреодолимым искушением. С одной стороны появляется желание осуществить в жизни идеал сексуальной любви, а с другой стороны, скрыть свое либидо под нежностью, которую они могут проявлять без самоупреков. Такие лица в обычном смысле слова влюблены в своих кровных родственников, братьев, сестёр, отца и мать, скрывая при помощи симптомов и других проявлений болезни их бессознательные мысли и переводя их в сознание».

11

Вечер. Игорь Михалыч и Люда идут до метро после работы.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ну, чё там у тебя? Прекращай сиськи мять, а то я подумаю, что ты лесбушка (*Зычно смеётся.*)

ЛЮДА. Игорь Михалыч, у меня свадьба скоро.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Нифига! И молчала, Людка? Так мы бы тебе всем отделом последний холостяцкий вечерок устроили! С текилой, Тарзана бы пригласили в леопёрдовых трусах на девичник! (*Опять смеётся.*)

ЛЮДА. Я хотела отгул у вас попросить на один день.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Дам, конечно, о чём разговор? А как он тебе предложение сделал? На одно колено вставал с букетом роз?

ЛЮДА. Игорь Михалыч, это личное.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Да интересно мне. Не хочешь, не говори.

ЛЮДА. Я ему сама предложение сделала.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ого! А где отмечать будете?

ЛЮДА. Нигде. Мне важно просто выйти замуж и всё.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Почему? Ох, ё... Так поэтому у тебя показатели упали... Ты, значит, того... *(показывает рукой, имитируя живот беременной.)*

ЛЮДА *(хихикает)*. Не, не! Я ещё не заработала столько. Рано мне о таком думать.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Об этом думать никогда не рано. Об этом думать бывает не с кем. Так чего праздновать не хотите? Дорого?

ЛЮДА. Нет. Все хотят праздновать. Только для меня это совсем не праздник. Я этого хочу, чтобы папа больше за меня ответственность не чувствовал.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Не понял?

ЛЮДА. Я хочу быть полностью самостоятельной. Если я в другой семье, он за меня ответственность больше не несёт. И управлять мной больше не сможет.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Так он же у тебя далеко? Да наплюй ты и живи дальше!

ЛЮДА. Не могу. Я сюда на бесплатное поступила в СПбГУ. А он меня тогда не отпустил. Сказал: «Пока ты не в состоянии сама себя обеспечивать, никуда не поедешь». И я всегда его слушалась. И делала, как он хочет. И теперь я выросла и не понимаю: а я сама чего хочу?

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Хочешь полностью стать независимой, как я понял.

ЛЮДА. Да. И брак этому поможет. Муж фигурально заменит мне отца.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. М-да... Не моё, конечно, дело... Ну, ты это, тогда вискарря ребятам поставь хотя бы. А то узнают, что был повод, а ты не проставилась – загрызут.

ЛЮДА. Да, хорошо.

Молчание.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ты извини, но ты же любишь его? Нравится, хотя бы?

ЛЮДА. Конечно. Он меня полностью устраивает.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. А кем работает? Не, не хочешь, не говори.

ЛЮДА. Он не работает. Он учится в аспирантуре. Будет у студентов психологию преподавать.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. А-а-а... Так вы, как гиены.

ЛЮДА (*хмыкает*). Почему?

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Короче, у гиен самки настолько доминирующие, что их клитор удлинился и превратился в типа писюн. И в стае они больше, крупнее самцов, охотятся и содержат их. Ты поняла намёк, короче... (*Зычно смеётся.*)

ЛЮДА. Он получит степень и будет преподавать. И всё у нас будет хорошо.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Может быть. Только я не верю, что ты так легко расстанешься с работой и бу-

дешь с кайфом пелёнки стирать и борщи готовить. Не, не, Людка, ты не такая. Как там поётся? Дилька постоянно слушает на перерывах... «Ай донт кук, ай донт клин...Вап! Вап! Вап!»

Людка хихикает.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ (*радостно*). Чё, неправильно спел?

ЛЮДА. Правильно. Просто смешно. У вас вообще слуха нет.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Людка, такое начальнику нельзя говорить.

ЛЮДА. Сейчас можно. Рабочий день уже закончился. Вы сейчас не начальник, а просто Игорь.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Тоже верно...

Вдруг Игорь Михалыч резко обнимает Людку и успевает её поцеловать, прежде чем она вырывается.

188

ЛЮДА. Вы чё?!

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Так у меня табу – с замужними ни-ни. Если не щас, то когда?

ЛЮДА. Игорь Михалыч, я не буду с вами спать!

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ну, и ладно. Ты мне только скажи, когда я тебя на работе обнял, тебе же понравилось? Ты себя в безопасности чувствовала, да? Это потому что я сильнее тебя. И ты смогла сдаться и довериться. Чё-то мне кажется, этот твой «учёный» тебе такой защиты не даёт.

ЛЮДА. Я это с вами не буду обсуждать!

Сюжет

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ладно. Людка, извини! Я же мужик, в конце концов, у меня потребности! А ты смелая и красивая. Не сдержался. Не увольняйся только, ты классный сотрудник!

ЛЮДА. На самом деле... Я хочу уволиться. Мы людей до суицида доводим.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Людка, ты чё? Мы народу помогаем! Надо тебе до зарплаты перебиться, а тут телефон сломался, пошла, взяла займ под ноль процентов, новый купила и всё! Нужен только паспорт!

ЛЮДА. У меня близкий человек взял микрозайм в компании. По правилам я не могу больше работать.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. О-о-о... Только не говори, что твой пацан взял.

Людка молчит.

Так, ну либо бросаешь его и остаёшься работать, либо увольняешься. И про любовь мне не надо говорить. Я в это не верю. Я верю в инстинкт размножения.

ЛЮДА. А на каких условиях можно долг не платить?

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Сказанула! Долги всегда должны быть оплачены! Так и скажи ему. Короче, подумай.

ЛЮДА. Куда вы? Вот же метро.

ИГОРЬ МИХАЛЫЧ. Ну, ты приколистка! У меня вообще-то тачка возле бизнес-центра припаркована. Я специально с тобой до метро шёл, чтобы проводить. А ты не оценила, Гиенка.

Магазин. Сева сидит за кассой, смотрит в монитор. Над ним склонилась Света.

СВЕТА. Берёшь, пикаешь штрих-код. Если не пикается, ищешь по номеру в базе. Всё! Платят в основном картой, так что считать налик не придётся почти. Главное – люби то, что делаешь. И всё будет хорошо.

СЕВА. Сложно любить не свою профессию. Я на это не учился.

СВЕТА. Но выбрал! Сейчас ты выбрал это. И именно этим занимаешься. Поэтому лучше сделать хорошо, чтобы получить позитивные эмоции.

СЕВА. Наверное, ты права.

СВЕТА. А самое главное – эта работа обязательно закончится. То есть, ты на ней не навсегда. Мне такая установка очень помогает от стресса.

СЕВА. А сколько ты здесь работаешь?

СВЕТА. Третий год уже.

СЕВА. Понятно...

СВЕТА. Нет, я же только днём. Я учусь на вечерке, на четвёртом курсе. Закончу, по профессии работать пойду, конечно.

СЕВА. А кто ты по профессии?

СВЕТА (*гордо*). Технолог плавления стёкол.

СЕВА. Ого. Не страшно на завод идти работать? Девочки сейчас в основном тиктокершами хотят быть и на рекламе зарабатывать.

СВЕТА. Если все станут тиктокерами, кто будет работать на заводе?

СЕВА. Автоматизация процессов. Машинный труд.

СВЕТА. До этого сначала надо дожить. Мы не доживём. Точно.

СЕВА. Аргумент.

СВЕТА. Так что ещё полчаса поизучай, а потом я тебя к покупателям пушу. Глаза боятся, а руки делают (*Уходит.*)

У Севы звонит телефон. Сева смотрит на экран мобильного. Сбрасывает звонок. Но звонят снова.

СЕВА (*отвечает*). Да?

КОЛЛЕКТОРКА. Здравствуйте, Всеволод Александрович. МКК «Алмаз», компания «Деньги даём». Сотрудник службы безопасности Федосеева Екатерина.

СЕВА. Здравствуйте. Это не Всеволод. Я его брат Андрей.

КОЛЛЕКТОРКА. Я вас предупреждаю, что наш разговор записывается. Вы несёте ответственность за дачу ложной информации согласно Федеральному закону. По нашим данным у Всеволода Александровича никакого брата Андрея нет. Всеволод Александрович, это вы?

СЕВА. Я сводный Андрей. Брат. Он мне просто подарил телефон свой вместе с симкой на день рождения. А сам уехал во Францию. Он теперь там живёт.

КОЛЛЕКТОРКА. Вы с ним связь поддерживаете? Информацию передать можете?

СЕВА. Нет, он мне ни адреса не оставил, ни телефона.

КОЛЛЕКТОРКА. Письмо ему напишите на почту до востребования. В письме обязательно напишите, что он должен компании шестьдесят тысяч рублей. И что во Францию мы высылаем мобильную группу наших специалистов. Они обратятся к властям и обязательно его найдут.

СЕВА. А зачем мобильную группу?

КОЛЛЕКТОРКА. Приедут – узнает.

СЕВА. Подождите, а вдруг они с ножами приедут?

КОЛЛЕКТОРКА. У нас не девяностые. Мобильная группа приедет для разговора. Ваш брат-позорник незаконно удерживает деньги компании. Они ему объяснят, что их надо вернуть. Чтобы он понял и вернул.

СЕВА. Послушайте, вы выражения подбирайте!

КОЛЛЕКТОРКА. Я очень корректно с вами разговариваю.

СЕВА. А вы где находитесь? Давайте я ему ваш адрес почтой пошлю. Он приедет сам.

КОЛЛЕКТОРКА. А тебя, должника позорного, не должно касаться, где находится наша организация. Нет у тебя никакого брата Андрея, у нас есть сканы твоего паспорта, доступ на госуслуги, доступ ко всем твоим соцсетям и контактам в телефоне! Это ты, Всеволод Александрович. Ещё и врун, как не стыдно.

СЕВА. Девушка, а вы вообще понимаете, что вы некорректно со мной разговариваете?

КОЛЛЕКТОРКА. Ты, позорище двадцатисемилетнее, которое несчастные шестьдесят тысяч вернуть не может, будешь учить меня разговаривать?

СЕВА. Я пока не получу официальный документ на печатном бланке, где написано сколько я должен, ничего оплачивать не буду.

КОЛЛЕКТОРКА. А ты кто такой, чтобы на тебя бумагу тратили?

СЕВА. А вы себя кем возомнили так оскорбительно со мной разговаривать?

КОЛЛЕКТОРКА. Значит, так. Если ты не оплачиваешь свой долг сегодня, я передаю эти данные в суд. И, согласно статье 69 Федерального закона о «Порядке обращения взыскания на имущество должника», твоя доля в мамочкиной квартире перейдёт нашей компании. А ты сядешь. Я тебя поздравляю, ты доигрался.

Гудки. Сева быстро-быстро моргает и сползает на пол. Возвращается Света.

СВЕТА (*увидев его*). Ты чего?

СЕВА (*сидит под столом, схватившись за колени*). Тук-тук. Я в домике.

13

ЛЮДА. Слушаю.

КОЛЛЕКТОР. Людмила Сергеевна?

193

ЛЮДА. Да, слушаю.

КОЛЛЕКТОР. Секретарь суда Роман. Предупреждаю вас, что данный разговор записывается. Людмила Сергеевна, вы подавали иск в Санкт-Петербургский городской суд по делу о якобы мошеннических действиях компании МКК «Алмаз». Заявление составлено неверно, мы вас просим заявление переписать или отозвать.

ЛЮДА. Почему оно неверно составлено?

КОЛЛЕКТОР. Это конфиденциальные вещи, по телефону разглашать информацию не можем. Людмила Сергеевна, давайте с вами встретимся на нейтральной территории в городе, я вам подробно объясню. Вы в каких отношениях с Всеволодом Александровичем состоите?

ЛЮДА. Почему мы не можем встретиться в суде, Роман?

КОЛЛЕКТОР. У нас частичный ремонт здания, обсудить вопрос будет негде.

ЛЮДА. А мы на ступеньки с вами присядем, Роман. И обсудим.

КОЛЛЕКТОР. Это совсем неудобно. Нам не разрешат. И выгнать могут. К тому же камеры везде.

ЛЮДА. Вы где хотите встретиться, Роман? И когда?

КОЛЛЕКТОР. Я вам адрес и время смской брошу. Это в целях безопасности.

ЛЮДА. Какая у вас фамилия, Роман?

КОЛЛЕКТОР. Извините, не представился полностью. Плищухин Роман Юрьевич, секретарь суда Санкт-Петербурга.

ЛЮДА. Да, вижу вас на сайте, красивый галстук. Слушайте, а можем на Чёрной речке встретиться, я тут живу просто в этом районе?

КОЛЛЕКТОР. Давайте. Я вам тогда скину время, по месту можно решить...

ЛЮДА. Уважаемый, ещё раз позвонишь сюда, я аудио передаю в полицию. Этот разговор я тоже записываю, понял?

КОЛЛЕКТОР. А что это вы угрожаете, что ли, Людмила Сергеевна?

ЛЮДА. Я жалобу сейчас отправлю в ФССП на вашу компанию, понял?

КОЛЛЕКТОР. На какую компанию? Вы зачем секретарей суда оскорбляете? За это тоже срок дают, если что.

ЛЮДА. Передай кому повыше, пусть оставят Севу в покое. Тогда я заявление отзову. Ты сам прекрасно знаешь, как МФО боятся жалоб. И я напому тебе, что вы не вправе продавать долг ребятам покруче, в соответствии с федеральным законом о деятельности МФО 151. Так что будет этот долг на компании висеть в воздухе, будут проценты идти, и будет всем похеру! Но не суду. Там сразу к вам возникнут вопросы: «А какого хрена такие большие проценты в отношении физического лица?» И в ответ вы будете молчать. Ведь такого геморроя вам не надо. А Севе я рассказала, что на вас работала. Так что шантажировать не получится. И на будущее знай, что при подаче заявления истец пишет место жительства, а секретари его видят. А живу я совсем в другом районе.

КОЛЛЕКТОР. До свидания, Людмила Сергеевна.

Гудки.

14

*Квартира Люды и Севы. Сева собирает вещи.
Люда наблюдает за ним.*

ЛЮДА. Я им пригрозила, они тебе простят долг. Заявление моё в суде. Я все их незаконные методы подробно расписала.

СЕВА. Спасибо. Только мне совсем не хочется читать в новостях: «В Неве нашли несколько чёрных пакетов с отрубленными конечностями. Предположительно, мужчины или, предположительно, женщины». А по факту – обоих!

ЛЮДА. Успокойся, сейчас другое время! Они слишком известные, у них слишком много дочерних компаний. К тому же микрофинансовые компании сильно поприжали. Я знаю эту кухню изнутри.

СЕВА. Да, ты знаешь, сто процентов. Не сомневался.

ЛЮДА. Прости. Я очень боялась, что ты не примешь мою профессию. Поэтому скрывала. Она всё-таки специфическая. А когда я тебе звонила и давила на тебя...

СЕВА. То ловила самый настоящий кайф! Без «маски» на меня ведь нельзя было наорать, да? А тут прикинулась какой-то Мариной и можно издеваться, ни в чём себе не отказывая!

ЛЮДА. Я не звонила в третий раз. Сева, я хотела, чтобы ты, наконец, взял на себя ответственность. И выплатил долг сам! Я хотела тебя к этому подвести... Разве это плохо?

СЕВА. Люда, я взрослый человек. Более того, я психолог. Я знаю свои особенности. И я способен с ними разобраться сам. Или с помощью другого психолога. Но не с твоей помощью, Люда! Так что, верни мне книгу. Она библиотечная.

Молчание.

ЛЮДА. Как ты узнал?

СЕВА. Потому что ты стала манипулировать сексом. Эти линии поведения в книге именно так и описаны, как ты действовала со мной.

Люда открывает шкаф и из груды тряпья вынимает синюю книгу. Отдаёт Севе.

ЛЮДА. Я хотела тебе помочь...

СЕВА. Сомнительная помощь от девчонки, которая украла мою книгу и чего-то там прочитала! Для того, чтобы психологом быть недостаточно просто уметь читать! У тебя есть свои комплексы. И пришло время помочь себе! Для этого, Люда, тебе надо перестать быть бабой с яйцами. И прекратить всех строить!

ЛЮДА. Да я уволилась ради тебя! Ты что, хочешь меня переделать?

СЕВА. Так ты же этого и хотела, когда нашла себе парня-психолога? Чтобы он тебя переделал. Потому

что тебе нравится решать проблемы других, а свои ты решить не можешь.

ЛЮДА. Я могу, я термины изучала...

СЕВА. Люда! Какие ещё термины? Разве психология это наука? Нет, это даже не лженаука, это – говнонаука! А я – говнопсихолог! Как я могу раскопаться в твоей голове, если я даже себя настоящего откопать не готов!

ЛЮДА. Поэтому мы вместе, чтобы помогать друг другу, справляться с проблемами...

СЕВА. Нет, мы вместе, потому что я с девушками знакомиться боюсь. А ты первая со мной в кафе познакомилась, вцепилась в меня и хочешь полностью поглотить. Как моя мать. И я должен признать, что ни на что не способен, что диссертацию не закончу, и не в силах сопротивляться вам обеим!

ЛЮДА. И что же делать дальше?

СЕВА. Найти себя настоящую. О, сейчас я покажу тебе, чему научился в универе. Когда я тебя встретил, я сразу понял, что строгие брови, мат-перемат, вспышки гнева – это твоя защитная реакция. И под этой бронёй скрывается та самая хрупкая маленькая девочка, которая жаждет любви. И я был готов тебе эту любовь дарить. У меня была надежда, что я эту броню разрушу. И эта девочка тоже будет дарить свою любовь мне. Я на многое пошёл ради тебя, но... Но ты хочешь оставаться в этой броне. Ты хочешь всё контролировать. Даже любовь. Ты хочешь только брать мою любовь. А отдавать себя настоящую вовсе не намерена! Из-за этого лгала, скрывала, разруливала всё сама... А главное, ты пойми, кто всё-таки скрывается

за пластами истерик, вранья, нытья и жестокости? Перестань всё контролировать! И разреши себе, наконец, кому-то довериться. Но это буду уже не я.

ЛЮДА. Сева, у меня разбито сердце, я не встречалась до тебя ни с кем. Мне сложно тебя сейчас отпустить. Я правда стала тебе доверять... Я правда хочу тебе доверять!

СЕВА. А я думал, что у нас не созависимые отношения.

ЛЮДА. Все отношения созависимые! (*Через паузу.*) Так всё просто? Раз – и в один миг решил расстаться!

СЕВА. Я думал об этом долго. И анализировал.

ЛЮДА. А можно без анализа? А чувствуешь ты что? Неужели ты не чувствуешь, как мне будет без тебя плохо? Как я буду страдать и скучать по тебе?

СЕВА. Я тоже буду страдать и скучать. Но я буду напоминать себе, что это лишь моё эгоистичное желание, потому что у нас установлена эмоциональная связь. Помысли, блин, трезво, Люда! Ты же, наверное, нашла в книге свои комплексы, да? Комплекс «Афины». И «комплекс Электры»...

ЛЮДА. Да, сейчас я чувствую, как во мне сдохли все греческие богини, если судить по твоей книжке, Сева...

СЕВА. Пожалуйста, не начинай ты это, это же не к месту...

ЛЮДА. Уже одно то, что я, блин, женщина, уже это порождает во мне комплекс. Люби и нелюбима будешь. Не люби и нелюбима будешь. Мать, сестра,

жена – всё равно. Будь сильной, но при нём слабой, тогда всё «ок»?

СЕВА. Я не это имел ввиду. Я имел ввиду, что хочу жить с ласковой девушкой, а не с ментярой-де-спотом!

ЛЮДА. А если бы папа поменьше мной командовал и не держал в ежовых рукавицах, может быть, я бы и научилась доверять мужчинам. И не думала, что все посягают на мою свободу. Может, именно поэтому мне в глубине души нравится, когда меня себе подчиняют... Как Игорь...

СЕВА. Боже, я не хочу даже знать, что это за Игорь! Ты ещё скажи, что действительно завидуешь тому, что у мужиков есть пенисы, как Фрейд завещал.

ЛЮДА. Почему ты сейчас обесцениваешь и хейтишь свою профессию?

СЕВА. Да, достало, потому что! Я никогда в жизни не хотел идти в науку! Мать хотела, чтобы я стал пианистом. А у меня слуха нет! Рисовать не умею, актёр – рожа самая обычная. А если не творческий, то какой? Конечно, учёный! А я, может быть, всю жизнь хотел машины на дороге палкой тормозить, как твой отец! А вечером в стрип-клубе пиво с пацанами пить. И тёлки на шесте обсуждать.

ЛЮДА. Куда же ты пойдёшь?

СЕВА. На дачу уеду, в Кириши. Работать в магазине у меня не получилось. Буду ждать, пока вся эта фигня с коллекторами не утихнет. Надеюсь, утихнет.

ЛЮДА. Утихнет, благодаря мне. И что, даже мамочке не скажешь, где ты?

СЕВА. Люда, а иди ты на..?

ЛЮДА. Чего?

СЕВА. Нифига себе! Аж легче стало. Ты понимаешь, что сейчас произошло? Ты вроде бы мне помогла с этим заявлением, спасла, но не сдержалась и снова меня ужалила своим сарказмом! И как я должен реагировать, по-твоему? Но всё, я уже не буду терпеть.

ЛЮДА. Сева, я буду плакать, не уходи!

СЕВА. Не будешь, Люда. Не будешь, сама знаешь. Потому что ты – броня.

ЛЮДА. Тогда вали отсюда! И не смей мне звонить, маменькин сынок!

СЕВА. Отлично.

ЛЮДА. Хоть бы с Юрой попрощался!

СЕВА. Я попрощался. Он в комнате.

ЛЮДА. Нормально! Ты даже ребёнка не пощадил?! Решил при нём разосраться?

СЕВА. У нас с ним нормальные отношения. Он уже давно не ребёнок, всё прекрасно понял.

ЛЮДА. Ну, ты и говнюк... Манипулятор.

СЕВА. Пусть так. Ты только помни, что ты суперкрасивая и интересная. И на каком-то мудаке жизнь не заканчивается...

ЛЮДА. Ты что реально сейчас уйдёшь?!

СЕВА. Сейчас реально нужно уделить время себе любимой, своему саморазвитию. В конце концов, все люди как люди, а ты суперзвезда, Люда. Прощай.

Юра сидит на диване и листает альбом с фотографиями мамы, папы и Люды. Он одет как обычный мальчик, без косметики. Люда заходит в комнату.

ЮРА. Ты просто вылитая мама.

ЛЮДА. Ты почему роешься в моих вещах?

ЮРА. А я тоже люблю этот альбом смотреть. Я его с собой заберу.

ЛЮДА. Нет, не заберёшь. Почему вещи не собралы? У тебя два часа до поезда домой!

ЮРА. Мне Сева сказал, что вы расстались. И сейчас я всё слышал.

ЛЮДА. Да ладно? И что, это твоё дело, по-твоему? Собирайся, Юра. Я на новый билет тратиться не буду!

ЮРА. Я не поеду. Я не хочу! Мы можем тут с тобой жить. А дома меня побьют!

ЛЮДА. Не будешь ты со мной жить! У тебя школа! И папа с ума сойдёт один!

ЮРА. Папе на меня плевать. Ты же понимаешь, что я там умру? Вены порежу! Или меня папа сам убьёт, когда в платье увидит!

ЛЮДА. Хватит истерить! Вещи собирай, я сказала!

Люда торопливо запикивает вещи Юры в чемодан. Юра убегает в свою комнату. Через пару минут выходит в платье Козетты, в парике и с накрашенными губами.

ЮРА. Я готов, поехали.

Юра хватает чемодан. Люда не отдаёт. Завязывается борьба.

ЛЮДА. Пока не оденешься по-нормальному, не поедешь!

ЮРА. Опоздаем! Хоть раз прими меня таким, какой я есть!

ЛЮДА. Я принимаю. Люди не принимают.

ЮРА. Не принимаешь! А мама принимала! Она меня никогда не била! Никогда не ругала! Вкусно кормила! На коленках катала!

ЛЮДА. Ты не помнишь, тебе пять лет было.

ЮРА. Помню! А папа орал только! И ты орёшь! Почему ты не такая, как мама? Почему ты меня не любишь?

ЛЮДА. Люблю!

ЮРА. Докажи, Марчелло! Мужиков пятидесятилетних на работе строишь, а брата не можешь! Колл-лекторка несчастная!

ЛЮДА. А ты гей!

ЮРА. Я не гей! Я актёр!

ЛЮДА. Гей! Как вы мне все надоели! За всеми ухаживай, сопли вам подтирай, тебе, отцу, Севе. Я хочу быть ответственной только за себя! Мама, зачем ты так рано умерла!

Люда выпускает чемодан из рук. Громко плачет. Юра смотрит на неё.

ЛЮДА. Я устала! У меня ощущение, что я повзрослела сразу, как только родилась. А вы все дети вокруг меня! Слабые, немощные, просите мою сисьюку и пьёте, и пьёте, и пьёте из неё! Когда напьётесь уже?! Ненавижу вас всех! За что так со мной?! Ты зачем так со мной?! Фотку мою верни!

ЮРА. Ты всё видела?!

ЛЮДА. И слышала! Я тебя в психушку дома сдам! Я всё папе расскажу! Слезь с моей шеи уже! Живи самостоятельно! Ты мужик или кто? Пофигу, что гей, яйца же у тебя должны быть! Где твои яйца, Юра?! А они у меня вот здесь, в кулачке!

Люда сжимает кулак. Юра кидается к ней. Они падают. Юра целует её врасос. Люда отпихивает его, пытается встать, но у неё не получается.

Откуда в тебе столько сил, мелюзга... Перестань контролировать...

Копошение. Другие странные звуки. Возня затягивается. Люда, наконец, перестаёт всё контролировать... К сожалению, придётся покупать новый билет, потому что на этот поезд они явно опоздают.

204

16

Вокзал Санкт-Петербурга. У поезда на чемодане сидит Юра в платье Козетты, парике, с накрашенными губами. Рядом с ним на корточках сидит Люда. Она курит.

Сюжет

ЛЮДА. Два года не курила, и вот опять. Папа написал, что встретит тебя на вокзале.

ЮРА. Когда приедем в город, я переоденусь.

ЛЮДА. Заходи в вагон, десять минут до отправления.

Юра спрыгивает с чемодана. Обнимает сестру. Люда его не обнимает.

ЮРА. Когда Эйри общался с картиной, где была нарисована Козетта, он сказал: «У нас нет будущего». А дух Козетты ответил ему: «Я всегда буду с тобой. У нас всегда есть настоящее».

ЛЮДА. Заботься о папе. Он старый.

ЮРА. Ты когда к нам теперь приедешь?

ЛЮДА. Никогда.

Люда гасит сигарету. Юра берёт свои вещи и заходит в вагон поезда. Проводница придирчиво рассматривает фотографию Юры в паспорте. Люда смотрит себе под ноги и ждёт, когда поезд, наконец, уйдет. Поезд трогается. Люда следит, как он набирает скорость.

205

(Кричит вслед поезду.) И куда мне бежать?

Поезд гудит. И это какой-то ответ. Или «да», или «нет», или «возможно».

ЛЮДА. Ты никогда больше не услышишь, Юра. А ты никогда не поймёшь, Сева. Я никогда не скажу тебе об этом, папа.

Звонит мобильный. Люда смотрит на экран. Звонки идут один за одним. На экране высвечивается контакт «Юра», потом «Сева», а потом «Папа».

ЛЮДА. И что мне делать, если я вас люблю? Как будто только сейчас я это поняла. Просто и честно люблю. Как могу. Плохо люблю, но как умею! Потому что мой брат, мой отец, мой любимый человек... А может, чтобы любить, необязательно что-то понимать? А может, чтобы любить, нужно просто прощать и совсем ничего не требовать взамен? Как я кого-то из вас могу бросить? Я хочу вас всех спасти, а это так глупо! Вы же взрослые люди, а я такая слабая... Что мне делать? Что? *(Отвечает на один из звонков.)* Привет. Я тебя слышу, говори.

Выходит в город и идёт в сторону, противоположную от вокзала, прижав мобильник к уху.

КОНЕЦ

206

Сюжеты

* В пьесе использованы материалы из сочинений З. Фрейда «Тотем и табу» и «Психология сексуальности». Автор выражает благодарность за помощь в сборе материала о деятельности МФО Виолетте Б.

Екатерина Тимофеева
ПОЛИНА ИЩЕТ ПА

Путешествие из Москвы
в Петербург в поисках
мифического отца

Действующие лица:

ПОЛИНА, 13 лет

АЛИСА, воображаемая подруга, которая иногда
говорит тоном мамы или бабушки Полины

МА

БА

ЯН, мальчик с электрогитарой

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА, учительница тире
директор

ВОДИТЕЛЬ

ТЁТЯ МАЙЯ

ТЁТЯ ЛЯЛЯ

МАЛЬЧИК АЛИК

МУМИЯ

ПАРЕНЬ

ДЕВУШКА.

ФОТОГРАФ

АНДРЕЙ

ПАССАЖИРЫ АВТОБУСА

207

*Посвящается моей
маме Наташе и бабушке Ирине*

Полина одна.

ПОЛИНА. Если губы Леонардо ДиКаприо приставить к носу Джонни Деппа, да взять губы, как у Хью Лори, глаза Тома Круза, нет, лучше Джареда Лето и добавить к этой гремучей смеси лоб Роберта Паттинсона, то я бы точно сказала: это идеальный фоторобот!

Итак, образец номер один: белолицый блондин, атлет. Мастер спорта, мастер по боям без правил и мастер по поеданию пельменей. Капитан дальнего плавания. Имеет деревянную ногу, холодный рассудок и горячее сердце. Получил ранение в сражении с пиратами, был высажен на необитаемом острове. На данный момент местонахождение неизвестно.

208

Образец номер два. Мужчина с улыбкой Юрия Гагарина. Последний раз хотел отправить жене смску, что задерживается, да только связь не ловила в космосе. Пропал в чёрной дыре.

Образец номер три. Модель дядя Витя. Добряк, обаятельный парень и друг всех дворовых детей. Ходит в растянутой майке и шортах, которые подозрительно похожи на трусы, но нет, это всего лишь шорты поверх трусов. Сказал, что идёт за хлебом. Хлеба дома до сих пор нет. Это мои отцы. По крайней мере так говорила моя мама в разные периоды моей жизни.

Сюжет

МА. Нет, Полина.

ПОЛИНА. Да, мама.

МА. Нет, Полина.

ПОЛИНА. Да, мама.

МА. Ещё раз повторяю – нет, Полина.

ПОЛИНА. Нет, мама.

МА. Да, Полина.

ПОЛИНА. Ха-ха, подловила.

МА. Я не буду участвовать ни в какой семейной спартакиаде. Как ты додумалась вписать туда ещё и бабушку? Она же старая.

ПОЛИНА. Что за эйджизм?

МА. У меня работа.

ПОЛИНА. Ничего страшного, пропустишь.

МА. Какая умная! А есть мы что будем?

ПОЛИНА. Я готова поголодать.

МА. А я не готова. Может, возьмёшь вместо меня свою воображаемую подружку? Ей-то еды не надо!

ПОЛИНА. Я прошу проявить уважение к моим воображаемым друзьям.

МА. Мы с твоим психологом очень их уважаем.

ПОЛИНА. По условиям победившую семью пригласят на телепередачу, а ещё сделают фотки. У нас будут фотки, мам. А ещё красивая одежда. В которой мы тоже будем красивыми.

МА. А без красивой одежды мы не красивые?

ПОЛИНА. Ты меня не любишь.

МА. Вот только не начинай, пожалуйста.

ПОЛИНА. Ты меня не любишь.

МА. Полина, ты не представляешь, какая это ерунда.

ПОЛИНА. Ты. Меня. Не. Любишь.

МА. Давай, мы просто сфотографируемся и всё?
Все вместе?

ПОЛИНА. Я хочу профессиональную фотосъемку.

МА. Будет профессиональная фотосъемка.

ПОЛИНА. И передачу.

МА. Я не знаю, как организовать тебе передачу. Захватить телебашню? Давай, я сделаю это, когда меня уволят с работы? Тогда у меня будет много свободного времени.

ПОЛИНА. Я хочу, чтобы ты приняла участие. И чтобы бабушка приняла участие. Ты постоянно уезжаешь. А бабушка пропадает в этой своей детской студии. Я тоже ребёнок! Я хочу, чтобы вы обе пришли в субботу в школу. Я так хочу.

МА. Полина... Невозможно. Ну, невозможно! И зачем, и зачем тебе нужна эта спартакиада? Ты же называешь бессмысленными все школьные мероприятия!

ПОЛИНА. Знаешь, мама, иногда судьба сама даёт нам шанс.

*Мама рассержена, уходит. Звук электрогитары.
Появился Ян.*

Как ты думаешь, Алиса, мне подойти к нему?

АЛИСА. Твои страхи слишком необоснованны.

ПОЛИНА. А что мне сказать – привет?

АЛИСА. Пока ты будешь думать, он уйдёт.

ПОЛИНА. Ян, привет! (*Алисе.*) Это прозвучало не слишком навязчиво?

АЛИСА. Не ссы.

ЯН. Ты кто?

ПОЛИНА (*пауза*). Алиса, он меня не помнит.

ЯН. Алиса?

ПОЛИНА. Нет, нет, я Полина.

ЯН. Ты только что сказала «Алиса».

ПОЛИНА. Я разговаривала с голосовым помощником на телефоне. Не спрашивай, почему у меня в руках нет телефона. Что делаешь?

ЯН. Готовлюсь к семейной спартакиаде.

ПОЛИНА. Обожаю семейные спартакиады!

АЛИСА. Это неправда.

ПОЛИНА. Заткнись!

ЯН. Ты чего? Мы с тобой пять секунд знакомы.

ПОЛИНА. Господи, почему мои воображаемые друзья такие болтливые!?

ЯН. Какие воображаемые друзья?

ПОЛИНА. Просто, когда моих мамы и бабушки долго нет дома, ко мне приходит Алиса.

ЯН. Алиса?

АЛИСА. Вряд ли людям, которые тебе симпатичны, стоит рассказывать о своей шизофрении.

ПОЛИНА. У меня нет шизофрении!

ЯН. Какой шизофрении?

Полина кричит.

Да что происходит? В тебе что, демоны?

ПОЛИНА. Я говорю, что обожаю заниматься спортом. ЗОЖ, все дела. Крутая тема.

ЯН. На самом деле не так важна эта спартакиада. Главное, что после неё будет выступление моей рок-группы. Вот это настоящая бомба! Слышала про «Деструкцию головного мозга»?

ПОЛИНА. Конечно, слышала. Я фанат «Деструкции». Ты будешь играть на электрогитаре?

АЛИСА. Полина, он играет на электрогитаре на каждом школьном празднике. Зачем ты спрашиваешь?

ЯН. Я на каждом школьном празднике играю на электрогитаре. А ты будешь участвовать в спартакиаде? Там за победу даются разные плюшки типа съёмки в рекламе. А ещё Марья Семёновна обещала поставить плюсики по её предмету.

ПОЛИНА. Да я как-то не собиралась... Да и вообще я не очень люблю фоткаться.

ЯН. Жаль. Я бы встречался с девушкой фотомоделлю.

ПОЛИНА. А вообще ты знаешь, это неплохая идея. Ну, этот конкурс...приз... съёмки... я бы даже поучаствовала.

АЛИСА. Ты шутишь?

ЯН. Ты шутишь?

ПОЛИНА. Нет, но, к сожалению, наш класс уже определился с участниками. Так что, я в пролёте. Жалко упускать такую возможность, но что делать. Судьба!

ЯН (*увидев Марью Семёновну, кричит*). Марья Семёновна! Тут девочка хочет принять участие в спартакиаде!

Появилась Марья Семёновна.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. О, Морозова. Хоть раз в жизни сделаешь путное дело. У нас как раз из вашего класса семья Овчаренко отвалилась с птичьим гриппом. Значит, будешь представлять седьмой «гэ».

ПОЛИНА. Но я...

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Значит так, верх белый. Футболка выглаженная, без надписей. Нет без надписи – надевай наничку. Штаны любые, но желательно не короткие. Трусами не светим, спортзал с подиумом не путаем. Завтра нас будет снимать телевидение. У тебя кто придёт? Нужно, чтобы от семьи три человека было.

ПОЛИНА. У меня как раз в семье только три человека.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Вот и отлично. Жду в пятницу. Не опаздывай. Приходи во всём новом, старое на физкультуру наденешь. Ян, умница. Плюсик напомни поставить, когда журнал будет. Морозова, в пятницу жду. (*Уходит.*)

ПОЛИНА. Значит... в пятницу вместе побегаем?

ЯН. Ты что, какой побегаем. Я же ведущий. Я потеть не буду. У меня выступление. Ну, а ты это, да-

вай. Ты вообще смелая. Я бы на такое не согласился. Страшно позориться. Да и родителей лишний раз дёргать не хочется. Что им в кайф, что ли, бегать? В общем, успехов тебе. Спасибо за плюс от Марьи Семёновны. Я пойду ещё кого-нибудь уговорю волонтером на спартакиаде побыть. Дерзай, победительница. *(Уходит.)*

ПОЛИНА. Победительница... Разве взрослый самодостаточный человек не может сам принимать решения?

АЛИСА. Наверное, взрослый самодостаточный человек и может сам принимать решения, но ты-то тут при чём?

ПОЛИНА. Исчезни!

Полина щёлкает пальцами. Алиса исчезает. Снова появляется Ма.

МА. Наверное, взрослый самодостаточный человек и может сам принимать решения, но ты-то тут при чём?

ПОЛИНА. Может быть, бабушка перестанет говорить, что скоро умрёт, если начнёт бегать. Видишь, я забочусь о бабушке. Почему она каждый день заглядывает в одну и ту же книгу?

МА. Представляешь, Полина, некоторые люди любят читать.

ПОЛИНА. Но она открывает её на пять секунд, а потом закрывает! Разве это чтение?

МА. Она хотя бы имитирует что-то полезное, а не роется в чужих вещах.

ПОЛИНА. Я называю это исследованием.

МА. После твоих исследований я ничего не могу найти.

ПОЛИНА. Глупо винить меня в своей рассеянности.

МА. Последнее, что я потеряла – надежду на счастливое родительство.

Неожиданно появляется Ба.

БА. Сколько раз говорила: прежде чем кричать, что вы что-то потеряли, посмотрите под диваном. Там спрятана половина нашей квартиры.

МА. Мама, Полина хочет сделать из нас цирковых лошадей!

БА. Полина Павловна, у вас семь пятниц на неделе, вы же хотели стать археологом, а не цирковой артисткой.

ПОЛИНА. Бабуль, а ты хорошо бегаешь?

БА. Награды на антресоли видела? Перед тобой бывшая спортсменка! Золотая медаль за короткую дистанцию, бронзовая за длинную. Знаешь, какие ноги у меня были? Длинные. Красивые. Недаром на меня сам генерал посмотрел. А ещё я лучше всех через верёвочку в школе прыгала! Мне в классе все девочки завидовали. Но в цирк я с вами не пойду.

МА. Это не цирк, мама, а новая прихоть Полины. Семейная спартакиада.

ПОЛИНА. Голодные игры, бабуль.

БА. А ты поешь и не будешь голодной.

МА. Пожалуйста, объясни, что нашей семье это не нужно.

БА. А почему не нужно? Благое дело. Я отменю занятия в студии. Время проведём с пользой. Ты, Элина, отгул возьмёшь. Мы ведь, в конце концов, семья.

МА. Мама, ну какая спартакиада! У тебя же старая травма! Почему ты ей во всём потакаешь!

ПОЛИНА. Бабушка, я так тебя люблю!

БА. Не мамкай мне тут, Элина! Старая – не новая. Зажила давно. Что плохого нам будет от участия? Конечно, ты меня любишь, Полина. Когда твоя мама разъезжала по командировкам, ты меня до семи лет называла «мамой». Но ты не расслабляйся, дорогуша. Впереди тяжёлые тренировки.

ПОЛИНА. Какие ещё тяжёлые тренировки? Бабуль, ты что, шутишь?

БА. Вы что, забыли? Я же жена генерала. Сми-и-рно. Животы втянули, спину выпрямили. Двадцать приседаний. Затем двадцать секунд планка. Нам надо подготовиться.

МА. Но, если мы собрались участвовать, нам совсем не обязательно выигрывать.

БА. Вам-то да, но бабушка никогда не проигрывает. Отжимания. Десять раз.

2

ЯН. Итак, пришло время узнать имена наших участников, которые будут защищать честь гимназии номер шестьдесят три. В левом углу ринга – команда «Супер Смирновы». Посмотрите на этих тигров, кажется, они вот-вот норовят вырваться из своих метафорических клеток и разорвать противника. У со-

перников уже дрожат поджилки. Нет? Отрицательно машут головами участники команды «Победоносное трио». Они настроены очень решительно. Посмотрите, с какими уверенными лицами они делают разминку. Сразу видно – будущие победители. Последние участники – команда «Три сестры» – ещё не начали, но уже выглядят побитыми. Соберитесь, сёстры! На кону большой приз! Напоминаю, нас спонсирует магазин молодёжной одежды «Перехожу на ты». Победившая семья получит ценные призы, а главное – возможность стать лицом бренда. Впереди – смертельная скакалка! Та команда, которая совершит больше всех синхронных прыжков через скакалку – победила! Счастливых вам школьных игр и пусть удача всегда будет с вами!

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Янчик, ты что как на армреслинге, нас же телевидение снимает. Давай без лишнего пафоса.

ЯН. Морозова бабку привела. Как она прыгать будет?

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. «Гэ» класс всё равно никогда не выигрывает.

ЯН. Шестьдесят один... шестьдесят два, шестьдесят три... С молниеносным отрывом команда «Три сестры» лидирует. Впереди вышибалы... Вот это бабуля!

3

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА (*говорит по телефону*). Олечка, дочка, ну скажи, зачем вам с Володей разводиться? Ты что не понимаешь, какой это стресс для

Анечки. Поживите вместе, пока она не вырастет, не травмируйте ребёнка. Сейчас начнётся делёжка-пердёлка: чья квартира, а мультиварка чья, а сервиз, который я дарила, чей... Ну, щас! Отдам я тебе! А что Анечка скажет в школе, когда её спросят, где папа? Прошу тебя, Олечка, ради дочкиного будущего, чтобы она росла в счастливой полноценной семье, умоляю вас двоих – не раз-во-ди-те-сь. Терпите. А то сначала развод, потом Анечка станет плохо учиться, закончит с тройками, уйдёт после девятого, поступит в училище, сменит ориентацию... Ты этого хочешь для своей дочери? Ну, вот и славненько. Не забудьте с Володей, что я там ваши уроки переставила: у него ОБЖ первым, а у тебя география вторым. Ага, пока, и не забывай, что я тебе сказала. На педсовет в пятницу жду.

Появилась Полина.

ПОЛИНА. Марья Семёновна, здравствуйте, у меня к вам вопрос.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. А, Полечка, здравствуй, заходи, пожалуйста. *(В трубку.)* Всё, Олечка, у меня тут победители эстафеты пришли.

ПОЛИНА. Я хотела спросить, что нам лучше надеть на съёмки? Может быть, всё белое? Хотелось бы, конечно, чёрное, но мама говорит чёрное – мрак.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Я как раз хотела поговорить об этом, Полечка.

ПОЛИНА. Я Полина.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Скажи, пожалуйста, Полечка, ты хорошо себя чувствуешь?

ПОЛИНА. Отлично. Но я – Полина.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. А кушаешь ты нормально?

ПОЛИНА. Макароны сегодня ела.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. С мясом?

ПОЛИНА. Нет, с кетчупом.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. С кетчупом! Так просто и без всего?

ПОЛИНА. Ну да, просто макароны с кетчупом.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Они хоть... свежие?

ПОЛИНА. Мама позавчера сварила.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Понятно, несвежие, значит. Голодаешь.

ПОЛИНА. Так что надевать – чёрное или белое?

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Я хотела тебе сказать, что вы с мамой и бабушкой большие молодцы! Я от души поздравляю вас с заслуженной победой! Вы прекрасно выступили в рамках школьного мероприятия. Но для съёмок... возможно, понадобится больше участников. Я имею в виду... других членов семьи.

ПОЛИНА. Так давайте я позову тётю Розу, тётю Ларису, дядю Матвея. Ещё можно крёстную Лизу позвать, она ради этого из Самары приедет.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Понимаешь, Полечка, твоя семья... она ведь неполная.

ПОЛИНА. Как это неполная? Вон я вам сколько человек назвала!

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. А вот семье Смирновых, которая заняла второе место, не нужно никого звать.

ПОЛИНА. Эти инкубаторские?! Вы вообще видели их? Такое ощущение, что их инопланетяне зачали в пробирке.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Полина! Что за слова! Как можно говорить такое про семью своей учительницы по географии. Никаких манер, одна бестактность. И как отправлять тебя сниматься от нашей школы?

ПОЛИНА. Я могу позвать ещё тётю Любу с дядей Семеном из Ульяновска и их трёх сыновей: Остапа, Гену и Валю...

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Полина, для этой рекламы нужен папа. Папа, мама и ребёнок. И никаких бабушек, племянников, тётъ и дядь.

Пауза.

ПОЛИНА. Но у меня нет папы. Зато есть собака! Зачем нужен папа, если есть собака? Давайте, мы с собакой придём.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Не надо никакой собаки! Поэтому я предлагаю уступить возможность другой семье. Смирновы прекрасно подходят. Это же честь школы! На этой передаче будут семьи от всех школ города! Полина, я понимаю, у тебя было тяжёлое детство.

ПОЛИНА. Вовсе нет.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Не держи в себе, я знаю, это последствия травмы.

ПОЛИНА. Какой ещё травмы?

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Мать-одиночка... Бедность... Слипшиесея макароны с кетчупом...

ПОЛИНА. Нормальные макароны.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Не обманывай директора, Полина. Я же всё чувствую. Боль каждого ученика...

ПОЛИНА. У моей мамы есть имя. Её зовут Элина. А мать-одиночка звучит как «маньяк-убийца». И у нас в семье всё хо-ро-шо.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Я тоже говорю, что у меня всё хорошо, когда на душе скребут кошки. Но не бойся, Полина, со мной ты можешь не делать вид, что ты сильная. Я уже двадцать лет работаю в этой школе.

ПОЛИНА. Много работать вредно. Мне что нужно сказать вам, что у меня всё плохо?

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Да, милая, пожалуйста, не держи в себе.

ПОЛИНА. Так я сказала правду!

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Бедная, бедная девочка...

ПОЛИНА. До встречи с вами я не была бедной.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. В съёмках примет участие семья Смирновых. Разговор окончен. *(Идёт к двери.)*

ПОЛИНА. Он придёт в пятницу.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Кто?

ПОЛИНА. Мой папа.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Я не ослышалась? Ты же сказала, у тебя нет папы?

ПОЛИНА. Это... последствия травмы. Он живёт на соседней улице. Его зовут Павел. Я с ним просто редко провожу время. И на соревнования он не пришёл, потому что работал. Но на съёмках... он обязательно будет.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Но...

ПОЛИНА. Моя семья выиграла конкурс, Марья Семёновна. Нас снимала видеокамера. Всё документально зафиксировано.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Съёмки будут в следующую пятницу в нашей школе. Но если что-то не получится, у нас есть кому вас подменить. Сообщи об этом заранее. *(Направляется к двери, остановившись, Полине.)* Полина. *(Пауза.)* Смотря с высоты своего огромного опыта, я хотела сказать, что семья – это самое важное, что есть в нашем обществе. *(Пауза.)* Я хотела ещё попросить тебя, быть чуточку поскромнее. Всё-таки мальчики любят скромных. Всего хорошего тебе. *(Уходит.)*

ПОЛИНА (вдогонку). До свидания, Марья Семёновна. *(Достаёт и читает открытку.)* «Дорогая Элина, хочу сказать, что считаю дни и минуты с нашей встречи. Хочу, чтобы разлука кончилась, а мы с тобой помирились. Ты не написала мне ни одного письма с тех пор, как приезжала ко мне в Петербург. Посылаю тебе открытку с твоим ненавистным городом, потому что в нём ты познакомилась со мной и влюбилась в меня. С нетерпением жду нашей встречи. Твой дорогой Павлик».

4

МА. Мне только что звонила Марья Семёновна.

ПОЛИНА. Она говорила что-то с высоты своего жизненного опыта?

МА. Зачем ты ей нахамила? Нельзя ругаться с директором. Тем более, если он твой классный руководитель!

ПОЛИНА. Мама, я хочу учиться в школе, где царит демократия. Почему я называю Марью Семёновну Марьей Семёновной, а она называет меня Полечкой? Я за горизонтальные отношения! И вообще, Марья Семёновна уже двадцать лет директор этой школы. Она что до ста лет будет директором? Я не хочу учиться в учебном заведении, где в директорах сидит один и тот же человек. И вообще, ты знаешь, она почти отказала нам в рекламе, но я её отговорила! Так что скажи мне спасибо.

МА. Было бы здорово, если бы этой рекламы и правда не было.

ПОЛИНА. Чего?!

МА. Бабушке после скакалки было плохо. Я еле взяла отгул на работе, оправдываясь сибирской язвой, бубонной чумой и тифом.

ПОЛИНА. Почему я не могу так делать в школе?

МА. В школе не платят деньги. А мне надо работать.

ПОЛИНА. Ты не представляешь, как для меня важна эта реклама! Там будет фотосессия, потом нас пригласят на телевидение, потом с нами сделают ролик, а ещё баннеры по всему городу. Нас увидит вся школа! И... и... и ещё кто-то!

МА. Разве без баннеров, рекламы и фотосессии мы не будем хорошей семьёй?

ПОЛИНА. Нет.

МА. Полина, я бы не стала врываться в твою комнату, если бы у тебя был просто конфликт с Марьей Семёновной. Но зачем ты сказала ей, что мы придём вместе с отцом? С каким отцом, Полина?

ПОЛИНА. Ну, кто-то же меня сделал! Теоретически он же ходит где-то по этой земле. Не из пробирки же я родилась!

МА. Я сказала, что у нас нет папы. Значит, мы не будем принимать участие. Им нужны не мы. Им нужны полные семьи.

ПОЛИНА. Давай подкупим какого-нибудь мужчину, дадим ему денег, пускай он придёт вместе с нами. Ну, мама, мне очень важна эта съёмка!

МА. Это нечестно, Полина. Нельзя всё решать с помощью денег. Зачем нам представляться теми, кем мы не являемся?

ПОЛИНА. Почему ты не хочешь ради меня что-то сделать?! Почему ты меня не ценишь? Почему ты меня не уважаешь?

224

МА. Так, стоп, истерика. Полина, ну как я тебя не ценю? Я очень устала...А ты мучаешь меня. Неужели ты не можешь пожалеть меня? Помочь мне? Стать самостоятельной. Сделать маленькое полезное дело: протереть пыль с бабушкиных книг, помыть посуду, убрать свои вещи. Неужели это так сложно сделать? Я не вывожу, Полина! Я просто не вывожу.

ПОЛИНА. Я нашла эту открытку в твоих документах.

МА. Ты рылась в моих вещах? Класс, что дальше – начнёшь красть деньги?

ПОЛИНА. Пока только по мелочи. Итак, кто такой Павлик?

МА. Мне перед тобой отчитываться?

ПОЛИНА. Нет, можешь просто ответить.

МА. Павлик – мой старый друг, с которым я общалась, когда училась в Петербурге. Мало на свете Павликов?

ПОЛИНА. Одного я встречала в своём свидетельстве о рождении.

МА. О, следствие ведут колобки.

ПОЛИНА. Бабушка говорила, что ты приехала беременной из Питера. А это открытка с Петром Первым. Как думаешь, что из этого следует?

МА. Из этого следует, что твой отец Пётр Первый!

ПОЛИНА. Последний раз спрашиваю: кто такой Павлик? Если не ответишь, уйди из дома.

МА. Полина, ты меня бесишь. Почему ты считаешь, что мир крутится только вокруг тебя? Иди-ка ты на все четыре стороны. Иногда я жалею, что стала матерью.

Ма выходит. Полина бесится, начинает кричать, кидаться предметами в комнате. Подходит к книжному шкафу и бросает книги.

ПОЛИНА. Полина не убирается! Полина ленивая! Ты меня бесишь, Полина! Полина не помогает! Полина, будь поскромнее! Учись, Полина! Ешь манную кашу, Полина! Ты меня бесишь, Полина! Бесишь! Бе-

сишь! Бесишь! Когда вы все прекратите меня учить!?
(*Резко листает книгу и вдруг останавливается.*) Кажется, я поняла, почему бабушка любит читать.

5

БА. Во-о-оры-ы-ы!

МА. Господи, что за крики.

БА. Элина, нас ограбили!

МА. Единственный выходной, а мне не дают выспаться. Ты хорошо посмотрела?

БА. Перелистнула каждую страничку. Нету!

МА. А ты смотрела «Смерть Артура»?

БА. Нету!

МА. А «Смерть Тарелкина»?

БА. Нету!

МА. Наверное, выпали. Найдутся. Не спрашивала у Полины?

БА. Её тоже нету!

МА. Нет Полины? Как нету? Сегодня же выходной. Ей в школу не надо.

БА. Пойду ещё «Смерть коммивояжёра» посмотрю...

МА. Тут какая-то записка, похоже на почерк Полины. «Дорогая мама, я не могу больше это терпеть. Меня гонит прочь тоталитарное школьное общество... а ещё ты сказала, что я тебя бешу. Я прислушалась к твоему совету быть самостоятельной, поэтому я уезжаю в Санкт-Петербург...» (*Вскрикивает.*)

БА. Вдохнула-выдохнула. Успокоилась. Продолжила читать.

МА «...сама, на блаблакаре, не переживай, я еду не одна...» Ну, слава Богу! «Со мной Алиса...» *(Снова кричит.)*

БА. Стоп истерика. Вдох-выдох. Читай дальше.

МА. «... если я не вернусь, скажи Яну, что я...», так это зачёркнуто, «...и передай мои извинения бабушке. Я у неё кое-что одолжила. Но я верну, честно...»

На этот раз плохо становится Ба.

Вдох-выдох. Вдох-выдох, мама.

БА. Да какой вдох-выдох! Плакала моя Италия!

МА. Какая Италия?

БА. Я деньги хранила... в книге!

МА. Ты же нам всем говорила, что это на твои похороны.

БА. Конечно, я всем говорила, что это на похороны, чтобы вы их не трогали. Что я серьёзно буду копить на могилу? Я молодая бабушка. Я жить для себя хочу! А теперь всё. Чао итальяно!

Звонит телефон. Ма отвечает.

МА. Алло, здравствуйте. Да, Морозовы. Да, это мы. Да те самые, которые победили. Что?! *(Закрывает телефон ладонью, поворачивается к бабушке.)* Полина связалась с рекламной компанией и сказала, что отправляется на поиски своего отца в Санкт-Петербург.

(Снова говорит по телефону.) Да, да, она действительно его никогда не видела. (Снова поворачивается к Ба.) Полина сказала, что если она не найдёт своего отца, то покончит с собой, потому что ей не дали шанса сняться в этой рекламе.

*Ба садится. В трубке продолжают говорить.
Ма не слышит. Ма плачет.*

МА. Это всё я... Это всё я виновата... А если из-за меня? А если из-за меня случится самое страшное?

БА. Отставить нюни! Собралась. Нельзя терять ни минуты. Что мы имеем?

МА. Телефон... У нас есть её телефон...

Ма отключает прежний звонок и набирает номер Полины.

Не берёт.

БА. С кем мы можем связаться?

МА. С водителем. Нужно открыть переписку в блаблакаре с компьютера. Ага, написала. Звоним в полицию?

БА. В полицию?

МА. В чём проблема?

БА. Придут органы опеки. Ты мать-одиночка. Потеряла ребёнка.

МА. У каких хороших родителей не убегают дети?

Молчание.

Ладно, у хороших родителей не убегают дети. Но где ты видела этих хороших родителей?

БА. Посмотри ближайший поезд до Питера.

МА. Через час.

БА. Мы сможем её нагнать. Бери самый быстрый сапсан.

МА. Оформляю билеты.

БА. Собаке надо найти передержку.

МА. Уже написала. Ключи оставим в почтовом ящике.

БА. Есть соображения, куда она могла отправиться?

МА (*пауза*). Она едет к Павлику.

БА. Кто этот Павлик? Он имеет к ней какое-то отношение?

МА. Собирай вещи. Мы едем. Главное, чтобы она не успела сделать то, что пообещала.

6

ПОЛИНА. Почему бабушка решила умереть именно в Венеции?

АЛИСА. Что?

ПОЛИНА. Книга называется «Смерть в Венеции». Там же кругом вода. Как там хоронят? Мёртвых пускают по воде как в Индии?

АЛИСА. Я не знаю. Но в любом случае, мы не должны были брать эти деньги.

ВОДИТЕЛЬ. Девочка, ты чья?

ПОЛИНА. А вон моя мама сидит в наушниках.

ВОДИТЕЛЬ. Она твои документы не показывала...

ПОЛИНА. Вообще-то, я показала вам своё свидетельство о рождении. Ну, раз вы так настаиваете, мама убрала его глубоко в чемодан, он лежит вот под теми сумками самый нижний, а свидетельство в самом дальнем отсеке в левом углу, хотя нет, постойте, кажется, в правом, а может он в сумке или нет, всё-таки в чемодане...

ВОДИТЕЛЬ. Всё, не морочь мне голову, сиди!

ПОЛИНА. Так вот, Алиса, неужели ты не понимаешь? Если бабушка копила эти деньги себе на похороны, а мы заберём их, то ей не на что будет умирать, а значит бабушка будет вечно жить. И вообще, когда мы ещё побываем в Питере? Я хочу посетить Эрмитаж, Зимний дворец, Эрарту... Питер – это ведь так красиво!

АЛИСА. Мы едем через промзону.

ПОЛИНА. Мы просто ещё не доехали.

АЛИСА. Там серо и пасмурно.

ПОЛИНА. Это стереотипное представление о Питере. Я видела на картинках, что он довольно яркий город, а ещё там дома похожи на итальянские домики. И улицы такие красивые и чистые, как европейские.

АЛИСА. Полина, почему ты всё время веришь картинкам?

ПОЛИНА. Алиса, почему ты меня не поддерживаешь?

АЛИСА. Потому что я отвечаю за твой здравый смысл и говорю так, как сказали бы мама и бабушка.

ПОЛИНА. Исчезни. *(Щёлкает пальцами.)*

АЛИСА. Ты не в ладах с собой. *(Исчезает.)*

ПОЛИНА Дяденька, а вы в Питере были?

ВОДИТЕЛЬ. На заработки приехал. Пока живу в Питере.

ПОЛИНА. А ваш дом он какой... С парадной? С лепниной?

ВОДИТЕЛЬ. Какая лепнина, детка? Я живу на Академической. Там все дома похожи на большие серые гробы. И там нет Питера. Это такой район, который может быть в любом городе, а не только в Санкт-Петербурге. И вообще, Питер... он же только в центре Питер. А по бокам – обычная Россия.

ПОЛИНА. Почему-то об этом не упомянуто в моём путеводителе.

ВОДИТЕЛЬ. О-о-о, скорее всего там нет ни слова о ветре.

ПОЛИНА. О каком ветре?

ВОДИТЕЛЬ. Это ветер, который пронизывает тебя насквозь. Самый холодный северный ветер. Сколько не кутайся – бесполезно. Особенно плохо около воды.

ПОЛИНА. А вы разводные мосты видели?

ВОДИТЕЛЬ. Да какие разводные мосты, детка! Я когда за стол пообедать сажусь, я ногами по привычке ищу педали.

ПОЛИНА. Это ваша девочка?

ВОДИТЕЛЬ. Какая?

ПОЛИНА. Ну вон, фото висит.

ВОДИТЕЛЬ. Да, моя Айым.

ПОЛИНА. Как? Айым?

ВОДИТЕЛЬ. Дочка моя. Моё золотце.

ПОЛИНА. А вы её любите?

ВОДИТЕЛЬ. Как можно не любить свою девочку? Тебя что твой папа не любит?

ПОЛИНА *(после паузы)*. Любит, конечно.

ВОДИТЕЛЬ. Это мой самый дорогой цветочек.

ПОЛИНА. А она тоже в Питере?

ВОДИТЕЛЬ. Не-е-ет, я к ней ещё не скоро приеду. Она в стране другой. Но когда-нибудь мы обязательно встретимся. И я её покатаю. И посажу на переднее сиденье. Хотя на самом деле неважно, где мы с ней встретимся: в Питере или не в Питере. Я её в любом городе и в любой стране мира посажу на переднее сиденье. Мою девочку.

ПОЛИНА. Мою девочку...

ВОДИТЕЛЬ. Мне жена по ватсапу её снимает и я смотрю, как она стишки учит, как она песни поёт, как она взрослеет... Очень многое я пропускаю из её жизни... Но мне нужно, чтобы она красиво одевалась, кушала хорошо, чтобы у неё игрушки новые были, чтобы она другим не завидовала, чтобы всё было у моей принцессы.

ПОЛИНА. У моей принцессы...

ВОДИТЕЛЬ. У Айым через две недели день рождения, а я опять не попадаю. Начальник сказал: либо оставайся тут, либо езжай домой и оставляй машину. Видимо, опять придётся её по видеосвязи поздравлять. Чего взгрустнула? Может, музыку тебе включить? Под музыку веселее ехать.

ПОЛИНА. Я просто подумала: может, мой папа... он тоже меня любит?

ВОДИТЕЛЬ. Конечно, любит! Как не любить? Это же часть себя. Ты же себя любишь.

ПОЛИНА. Действительно, я же себя люблю.

Водитель включает музыку. Играет Stromae «Papaoutai». Полина потихоньку засыпает. Ей снится как её воображаемые отцы – пират, космонавт и дядя Витя танцуют вместе с ней под эту песню, по очереди приглашая её на танец. Водитель ищет другую волну. Звучит «Ты уехал в Петербург, а приехал в Ленинград...» или какая-то другая странная песня, под которую Полина и её воображаемые отцы не знают как танцевать, но всё равно танцуют. Музыка сменяется на энергичную или, может, на что-то народное. Полина с отцами отрываются. Машина резко тормозит. Полина ударяется о спинку переднего сиденья.

ВОДИТЕЛЬ. Приехали!

Все пассажиры просыпаются и сонные начинают выходить. Полина идет следом. Все разбирают свои вещи. На улице моросит. Противный ветер сдувает Полину. Она дрожит и затягивает капюшон.

Ну что, детка. Вот тебе и Питер. Только смотри, будь аккуратнее, этот город, он не каждого принимает. Некоторых оставляет в себе жить, а кого-то заглатыва-

ет, переваривает и выплёвывает. Сложно тут одному выжить. Вон твоя мама-то куда пошла. Беги за ней!

ПОЛИНА (*забывшись на секунду*). Мама! Где мама? А эта... Да, точно. Моя мама.

Гремит гром. Ветер продует до костей. Полина идёт за незнакомой женщиной.

ТУТ ДОЛЖЕН БЫТЬ АНТРАКТ

7

Лестничная клетка питерской коммуналки. Полина звонит в квартиру. Дверь открывает Тётя Майя.

ПОЛИНА. Кажется, тот адрес... Добрый день, а тут живёт Павлик?

ТЁТЯ МАЙЯ. Как зовут?

ПОЛИНА. Полина.

ТЁТЯ МАЙЯ (*вглубь квартиры кричит*). Лялечка, тут пришла какая-то Алина!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ (*из квартиры отзывается*). Кто, кто? Амина?

ПОЛИНА (*громко*). Я – Полина!

ТЁТЯ МАЙЯ. Лялечка, она Полина. Пришла к Алику!

ПОЛИНА. Я пришла к Павлику!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Карина пришла?

ПОЛИНА. Полина.

ТЁТЯ МАЙЯ. Она Полина! *(Полине.)* Ты без подарка?

ПОЛИНА. Я как-то не подумала...

ТЁТЯ МАЙЯ. Что лясы точить – заходи, давай.
Дует.

Полина входит, снимает куртку. Тётя Майя уходит, появляется Тётя Ляля. Они очень похожи.

ПОЛИНА. Как быстро вы переоделись.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ты без подарка? Как зовут?

ПОЛИНА. Так я ж вам сказала. Полина.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Не помню такую. Да Бог с тобой, проходи давай. Ванная направо. Наше мыло в розовой мыльнице. Там две розовые мыльницы. Одна простая, другая с рисунком. Наша простая. С рисунком это Федотовых. Полотенце справа. Белое. Там есть белое похожее на серое, не путай. Наше белое. Серое Артёмевых. В туалете сидушка нижняя бледно-желтая. Висит на гвозде. Тоже не путать. Наумовы ругаются, когда их сидушка оказывается тёплой. Алик всё время путает. Кстати, держи, подарить ему вот это, чтобы он не расстраивался. Всё поняла?

ПОЛИНА. Мыльница розовая без рисунка, полотенце белое, но не серое, сидушка бледно-жёлтая.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Я про подарок.

ПОЛИНА. А, да, подарю, конечно.

Полину проводят в гостиную, где стоит огромный стол с разнообразными угощениями. Во главе стола сидит Алик, грустный толстый мальчик. Один, в праздничном колпачке. За столом много разных стульев, на них лежат праздничные колпачки.

ПОЛИНА. Ого, ничего себе вы поляну накрыли. Думаю, так и надо встречать свою блудную дочь.

ТЁТЯ МАЙЯ. Лялечка, а ты уверена, что эта девочка учится с Аликом в одном классе? Она какая-то слишком крупная.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Сейчас девочки растут намного быстрее мальчиков.

ТЁТЯ МАЙЯ. И всё-таки с ней что-то не так... Ты посмотри, как наш котик хмурится.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Она единственная, кто пришёл к нему на день рождения. Один ребёнок из всего класса!

ТЁТЯ МАЙЯ. А я говорила, что у Алика нет друзей.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Мы купили конфеты для всех. Я надеялась, что хотя бы после этого небольшого подкупа, ребята соблаговолят и придут.

ТЁТЯ МАЙЯ. Конфеты не заменяют дружбу. И всё из-за его необщительности.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Надо сделать так, чтобы хоть она не ушла.

ТЁТЯ МАЙЯ. Солнышко, компотика подлить?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Курочки ещё хочешь?

ТЁТЯ МАЙЯ. Соус нужен?

ПОЛИНА. Бешамель есть?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Есть майонез.

ПОЛИНЕ. Так и быть, буду. Бон аппетитос, Алик! Может, ты это, мой брат? Чего молчишь?

Алик хмурится. Он вот-вот готов заплакать.

Надеюсь нет. (С аппетитом ест.) А десерт скоро?

ТЁТЯ МАЙЯ. Ляля, неси сладенькое! Дракончик проголодался! А что вы с Аликом не общаетесь? Ты не хочешь ему ничего подарить?

ПОЛИНА. Как дела, Алик? Меня тут твои тёти попросили подарок подарить.

Алик хмурится и враждебно смотрит на Полину.

Алик, у тебя папа есть? А мама?

Алик показывает толстым пальцем на обеих-тётъ и издаёт короткие звуки «па» и «ма»

Ну, это же не твои настоящие родители. А кровного твоего папу как зовут? Случайно не Павликом?

Алик закатывается плачем. Обе тётки на секунду замирают. Алик шепчет что-то на ухо Тёте Майе.

ТЁТЯ МАЙЯ (шёпотом Тёте Ляле). Алик говорит, что он впервые видит эту девочку.

Тётя Ляля и Тётя Майя с удивлением смотрят на Полину.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Девочка, ты не одноклассница Алика? Ты кто такая?

ПОЛИНА. А Павлик когда придёт?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ\ТЁТЯ МАЙЯ. Павлик?!

ПОЛИНА. Ну, да! Вот! *(Протягивает открытку.)*

ТЁТЯ ЛЯЛЯ\ТЁТЯ МАЙЯ *(читают одновременно, реагируют бурно на каждую фразу, где-то они умиляются, а где-то хмурятся, называя маму Полины коварной женщиной)*. «Дорогая Элина, хочу сказать, что считаю дни и минуты с нашей встречи. Хочу, чтобы разлука кончилась, а мы с тобой помирились. Ты не написала мне ни одного письма с тех пор, как приезжала ко мне в Петербург. Посылаю тебе открытку с твоим ненавистным городом, потому что в нем ты познакомилась со мной и влюбилась в меня. С нетерпением жду нашей встречи. Твой дорогой Павлик».

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Но тут давно не живёт никакой Павлик...

ТЁТЯ МАЙЯ. Ляля, подожди. Кажется, в соседней комнате жил Павлик, инженер.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Это которая шестнадцать квадратных метров? Нет, ты путаешь. Это был Пётр, он строитель. Они с женой съехали неделю назад.

ТЁТЯ МАЙЯ. Ба! А что они вещи в кладовке оставили? Кладовка-то общая!

ПОЛИНА. Мне нужен Павлик!

ТЁТЯ МАЙЯ. Ляля, а ведь до нас здесь жил какой-то парень. Кажется, из политехнического университета.

ПОЛИНА. Моя мама закончила политехнический университет!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Да-да, точно, я помню, я с ним общалась. Он мне ключи передавал. Лет десять с лишним назад. Мы тогда дубликат делали, так нам так цену заломил...

ТЁТЯ МАЙЯ. Ой, и не говори, легче замки сменить было, чем попросить этого Ванечкина...

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ещё когда заехали, полы такие были грязные... Студент этот даже и не подумал помыть. Жил, как в свинарнике.

ПОЛИНА. Возможно, это мой папа! Студент политехнического! Он с моей мамой учился вместе!

ТЁТЯ МАЙЯ. Ляля, а поищи адресную книгу, может, ты записала его новый адрес, когда он отдавал нам ключи от комнаты?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ты же знаешь, Майя, я всё записываю.

ПОЛИНА. Вы серьёзно? Адресная книга?

ТЁТЯ МАЙЯ. Лялечка долгое время работала в архиве. Она человек системы. У неё вся жизнь рассортирована по папочкам.

Тётя Ляля открывает какой-то шкаф, там куча тетрадей, папок, записных книжек.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ (Полине). На, поддержи, пожалуйста.

ПОЛИНА (читает). Квитанции за две тысячи девятый год?..

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. И вот это поддержи тоже.

ПОЛИНА. Тетрадка с чеками из продуктового магазина... Билеты на электричку? Рецепт из аптеки?

ТЁТЯ МАЙЯ. А вдруг пригодится! Забудешь, что при ангине пить – найдешь и посмотришь!

ПОЛИНА. Билеты на гастрольный спектакль «Лебедино озеро»? Господи, зачем вы всё это храните?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Это для души. А вот и она. Адресная книга. Перечень всех жильцов. Летопись коммунальной квартиры. Ищем Павла. Па..па..па...па... Ага. Вот адрес и телефон. Телефон домашний.

ТЁТЯ МАЙЯ. Столько лет прошло. Вряд ли он ещё им пользуется.

ПОЛИНА *(фоткает на телефон)*. А какой он?

ТЁТЯ МАЙЯ. Кто?

ПОЛИНА. Ну, Павлик.

ТЁТЯ МАЙЯ. Импозантный молодой юноша.

ПОЛИНА. Ого, импозантный.

ТЁТЯ МАЙЯ. С голубыми глазами.

ПОЛИНА. С голубыми глазами... Красивый?

ТЁТЯ МАЙЯ. Очень.

ПОЛИНА. Это точно мой отец!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Майя, кажется, ты путаешь с тем скрипачом, который жил у нас раньше.

ТЁТЯ МАЙЯ. Ляля, с каким скрипачом?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ну, с тем, который жил в соседней комнате, ну, в маленькой. Где десять квадратных метров. И постоянно пилил.

ТЁТЯ МАЙЯ. Мне всегда казалось, что там двенадцать.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. А Павлик был низенький, коренастый и некрасивый парень.

ПОЛИНА. Нет, ну тогда это точно не он.

ТЁТЯ МАЙЯ. Ты опять путаешь. Это был Ермохин. Он пил и почти никогда не появлялся. А потом его комнату вскрывать пришлось, потому что он три дня не подавал признаки жизни и трезвости.

ПОЛИНА. Короче, спасибо за угощение, хорошо у вас было. Пойду дальше. Алика с дэ эр! Не подскажите адрес этот... Это какая станция?

ТЁТЯ МАЙЯ. Ты, девочка, разве не местная?

ПОЛИНА. Не, я одна из Москвы приехала.

ТЁТЯ МАЙЯ\ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Одна?! Из Москвы?!

ПОЛИНА (*через паузу*). Не-е-ет.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Мы немедленно вызываем полицию!

ПОЛИНА. Как полицию? Не надо полицию! Я деньги украла! Мне нельзя в полицию!

ТЁТЯ МАЙЯ. Так она ещё и деньги украла! Ляля, ты посмотри на неё!

ПОЛИНА. Нет, нет, вы не подумайте ничего дурного. Я же не из банка их своровала. Я всего-то украла деньги у своей родной бабушки.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ\ТЁТЯ МАЙЯ. У родной бабушки?! Какой ужас!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ни с места, воришка! Мы вызываем полицию!

ПОЛИНА. Кажется, ваш Алик... Он что-то съел и вот-вот задохнётся.

Обе тётки в ужасе подбегают к Алику.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ\ТЁТЯ МАЙЯ. Алик, открой рот! Открой рот, Алик!

Алик сопротивляется. Полина убегает.

8

ВОДИТЕЛЬ. Если бы я знал, что эта девочка едет без родителей, я бы никогда не посадил её в автобус.

БА. По вам тюрьма плачет!

ВОДИТЕЛЬ. А по вам не плачет? Вы ребёнка профукали!

БА. Вы даже документы её не проверили! А если бы она ехала в заложниках?

ВОДИТЕЛЬ. Ну как я мог подумать? Обычный ребёнок. Стоит в толпе взрослых. Ничего примечательного.

БА. Неужели, вы не увидели эту потерянную девочку? Это детское одиночество?

ВОДИТЕЛЬ. Она не выглядела потерянной. Всё время болтала. Иногда даже сама с собой.

242

БА. Это точно Полина. Но заявление я на вас всё-таки напишу.

МА. Мама, прекрати, водитель ни в чём не виноват...

У Ма настойчиво звонит телефон.

БА. Не мамкай, Элина! Да возьми ты наконец трубку! Кто там тебе звонит?

МА. Рекламная компания. Я не хочу с ними разговаривать. Они будут спрашивать про Полину. Скажите, как она была одета?

ВОДИТЕЛЬ. Очень ярко и очень легко. Слишком легко для Питера. Я ещё подумал: околеет.

МА. Господи, мама, она уже замёрзла! Она лежит где-то и мёрзнет! А может быть даже... без сознания!

ВОДИТЕЛЬ. Вы знаете, куда она пошла?

БА. Знаем. Но мы надеялись успеть перехватить её.

ВОДИТЕЛЬ. Вот что, садитесь в маршрутку – отвезу.

БА. Мы сами.

МА. Вы не переживайте, мы на метро доедем.

ВОДИТЕЛЬ. Нетушки. Глупость – ребёнку одному по Питеру гулять. Я и сам отец. Так что садитесь. Адрес какой?

9

Полина идёт по улице Рубинштейна и разговаривает с Алисой. Около одной из машин стоят Парень и Девушка. Они модно и вызывающе одеты.

ПОЛИНА. И почему про Петербург говорят, что это пасмурный и депрессивный город? Вот, Алиса, посмотри, из каждой машины торчит по шарик. Будто праздник какой-то.

АЛИСА. Что-то мне это не нравится. Эта улица очень шумная. И люди здесь... странные.

ПОЛИНА. По-моему, они просто весёлые.

ПАРЕНЬ. Эй, кнопка, ты что здесь одна гуляешь? Не хочешь немного веселья? Нашему бармену сегодня новый баллон завезли.

ПОЛИНА. Как-как он меня назвал?

АЛИСА. Кнопка.

ДЕВУШКА. Ты чё больной? Ребёнку газ предлагать?

ПАРЕНЬ. Что с ней от азота будет? И вообще, киска, ты что, меня не знаешь? Я бесплатно ничего не предлагаю.

ПОЛИНА. Привет, степлер!

ДЕВУШКА. Как она тебя назвала? Степлер?

ПОЛИНА. Привет, дырокол!

ПАРЕНЬ. Какая смешная маленькая козявка.

ПОЛИНА. Йоу, я с вами, канцелярские товары!

ПАРЕНЬ. А ей, по-моему, и без шариков хорошо.

Общий смех. Полина тоже смеётся со всеми, не подозревая, что смеются над ней.

АЛИСА. Полина, пошли отсюда, помнишь, мама говорила держаться подальше от плохих компаний?

ПАРЕНЬ. Мелкая, куришь?

ПОЛИНА. Конечно, курю. Точнее курила, но недавно... Я решила бросить. Так сказать, заняться работой над собой. Я же победила в школьной... В одном спортивном соревновании. И теперь всё. Тайм-аут. А так я с десяти лет курю.

ПАРЕНЬ. Рилли?

ПОЛИНА. Первую папиросу попробовала ещё в люльке.

ДЕВУШКА. В десять лет и в люльке?

ПОЛИНА. Это... образное мышление.

ПАРЕНЬ. Чё?

ПОЛИНА. Понты, говорю.

ПАРЕНЬ. Ну, значит, тебе не сложно будет сделать затяжку?

ПОЛИНА. Конечно не сложно, но... Я человек слова. Слово дороже дела. Понимаете? За базар отвечаю.

АЛИСА. Полина, что ты несёшь? Что ты делаешь? Мы должны срочно уйти отсюда! Иначе с нами произойдут неприятности! Это не наша компания! Это совсем не наша компания! Помнишь, мама говорила нам не ходить в такие компании!

ПОЛИНА. Успокойся, Алиса, ты видишь, я уже как своя. Они смеются над моими шутками.

АЛИСА. Они смеются над тобой, Полина! Мы сейчас огребём по полной, если не уйдём! Почему ты вдруг стала такой глупой?

ПАРЕНЬ. Эй, кнопа, ты с кем там лясы точишь?

ПОЛИНА (*Алисе*). Алиса, я хочу чтобы ты исчезла! Вон! Уходи!

АЛИСА. Но мама...

ПОЛИНА. Да мне всё равно, что сказала мама! Исчезни! (*Щёлкает пальцами.*)

Алиса исчезает.

ПАРЕНЬ. Ещё раз говорю: ей никакие шарики не нужны. Она и без них сама с собой разговаривает.

ДЕВУШКА. Они бы нашли общий язык с Мумией.

ПОЛИНА. С кем? С мумией?

ДЕВУШКА. Эта одна сумасшедшая бабка.

ПАРЕНЬ. Очень древняя.

ДЕВУШКА. Которая пожирает мозги непослушных детей.

ПАРЕНЬ. Она ненавидит всё на свете. В том числе и нас, хотя мы просто дуем шарики под её окнами.

ПОЛИНА. А зачем вы их дуете? У вас же даже голоса не меняются! Они должны быть высокими и весёлыми. От этого и смешно. А когда голос такой же, в чём прикол?

ПАРЕНЬ. Мы бы тебе показали в чём прикол. Но боюсь, кнопка, у тебя для этого прикола не хватит денег.

ПОЛИНА (*достаёт из рюкзака кошелёк с купюрами*). У меня есть деньги.

Молчание. Полинины деньги произвели впечатление.

Так что, если ваши шарики стоят какие-то там две копейки, я с радостью их куплю.

ПАРЕНЬ. А ведь знаете, друзья, ведь мама, она с самого детства учила меня делиться.

ДЕВУШКА. Да, да, говорят, что если делиться, то всё потом к тебе вернётся. Это ведь карма.

ПАРЕНЬ. Да, реально карма.

ДЕВУШКА. А мы совсем не жадные.

ПАРЕНЬ. Правду говоришь, киска.

ПОЛИНА. Я выбираю розовый! Но вы не подумайте, что это потому что я девочка, просто тут мало выбора.

ДЕВУШКА. А тут от цвета ничего не зависит.

ПОЛИНА. А что дальше делать? Просто в рот и всё? И тогда весело?

ПАРЕНЬ. Берёшь и вдуваешь. Одного шарика хватает на пять раз. Эффект – две минуты.

Полина держит в руках шарик. Парень делает какие-то знаки Девушке.

Что, страхово?

ПОЛИНА. Нет, конечно, что я трусиха, что ли? Это ведь просто шарик...

ПАРЕНЬ. Ну, так давай в рот и всё. Отпускай.

ДЕВУШКА. Не дрейфуй, крошка. С нами же ничего не случилось. Мы живые.

ПОЛИНА. Что-то я не хочу...

ПАРЕНЬ. Ну, мы тогда с трусихой дружить не будем.

ПОЛИНА. Я не трусиха.

ПАРЕНЬ. Нам трусихи совсем не нужны.

ПОЛИНА. Я не трусиха!

ДЕВУШКА. Фу-у, трусиха.

ПОЛИНА. Давайте на счёт три.

ДЕВУШКА. Я буду считать: раз, два, два с половиной, три...

Раздаётся звук лопнувшего шарика.

ПАРЕНЬ. Шухер! Валим! Это Мумия!

Парень толкает Полину. Она падает и роняет кошелёк. Кошелёк хватается Девушка и бросается в машину. Шарика сдуваются с противным звуком. Машина уезжает.

ПОЛИНА (*пытаясь подняться*). Стойте! Подождите! Это мои деньги! Я честно их украла!

Полина оборачивается. Над ней стоит Мумия.

10

ТЁТЯ ЛЕЛЯ. Две куриные ножки, примерно двести грамм жареного картофеля, четыре конфеты.

ВОДИТЕЛЬ. Это весь ущерб, который она нанесла?

ТЁТЯ МАЙЯ. Большой кусок сливового пирога.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Да, большой кусок сливового пирога и деньги. Она их у своей родной бабушки украла.

ТЁТЯ МАЙЯ. Абсолютно асоциальная личность.

БА. Поддерживаю.

248

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Мать какая-то вертихвостка, отец свинтус.

БА. А это вы, простите, из каких источников узнали?

ТЁТЯ МАЙЯ. Из добросовестных. Он жил здесь.

БА. Кто он?

МА. Мама, здесь жил Павлик.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Так вы родственники той девочки?

БА. Представьте себе. Она та самая вертихвостка. А я мать той самой вертихвостки. А ещё бабушка асоциальной личности.

ВОДИТЕЛЬ. Я не родственник, но, кажется, уже породнился.

ТЁТЯ МАЙЯ. Мы вас, если что, не хотели обидеть. Это Ляля всё перепутала.

БА. Да, конечно! Не хотели они нас обидеть! Думайте, что говорите!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. А вы за своими детьми следите! И вы, вообще-то, в чужом доме. И ваша девочка нас обманула. Но ладно нас. Она ранила сердце нашего Алика, притворившись его другом.

ТЁТЯ МАЙЯ. Иуда!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Малолетняя Иуда!

БА. Мы сейчас вас расспросим и побежим вон из этого клоповника. Сумму, на которую Полина вас обьяла, я возьму. Будет вам на пироги да на пряники.

ТЁТЯ МАЙЯ. Ляля, ты посмотри, какая хамка.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. И не говори, Майя.

ТЁТЯ МАЙЯ. Понятно, почему эта девочка выросла малолетней преступницей! Она даже отца своего не знает!

ВОДИТЕЛЬ. А где отец вашего мальчика?

Тётя Майя и Тётя Ляля молчат.

ТЁТЯ МАЙЯ. Наш Алик... Он немного отличается от других детей. Сначала от него отказалась мать, моя сестра, потом от него отказался отец...

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Мой брат.

ТЁТЯ МАЙЯ. Ну, мы-то от него отказаться не могли. Так и швыряли Алика от тёти Майи к тёте Ляле.

Потом объединились, сделались опекунами. И теперь мы официальные родители Алика.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Но Алик стал очень замкнутым. И никакие психологи, логопеды и знахари не могли ему помочь.

ТЁТЯ МАЙЯ. Хотя мы старались ему помочь...

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. А он совсем замолчал.

Пауза.

МА. Здесь в углу стоял диван. Он был сломан и плохо раскладывался. Вот здесь на стене висел постер, порванный в нескольких местах и склеенный посередине скотчем. Сейчас я уже не помню, что на нём было изображено. Кажется, это была какая-то зарубежная группа, которую любил Павлик. У него был магнитофон, я приносила кассеты и мы долго сидели и слушали. Помню, у меня была любимая правая сторона, а у него левая. Так вот, когда я приходила, он ставил только правую сторону. Мы слушали музыку и танцевали, а потом на нас жаловались соседи. А мы делали вид, что ничего не слышим.

Все молчат и думают о чём-то своём.

МА. Я любила Павлика.

ТЁТЯ МАЙЯ. Сильно?

Тётя Ляля показывает жестом, что лучше помолчать.

МА. Очень.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Майя, я не знаю, что бы со мной произошло, если бы мы вдруг потеряли нашего Алика.

ТЁТЯ МАЙЯ. Это мой страшный сон, Ляля. Я бы никогда себе этого не простила. Я бы все волосы на себе выдрала. И на тебе тоже.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ты права, Майя. Мы бы никогда себе этого не простили.

ТЁТЯ МАЙЯ. Бог с этой едой, скажите, мы можем вам чем-нибудь помочь?

ВОДИТЕЛЬ. Вы знаете, куда она пошла дальше?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Вот адрес. Но мы точно не уверены, что это адрес вашего Павла. Но девочка точно пошла туда. Другого варианта просто нет.

ВОДИТЕЛЬ. Так, барышни, собираемся.

ТЁТЯ МАЙЯ. А нам можно поехать? Мы тоже хотим принять участие в поисках. Да, Ляля?

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Конечно, Майя. Вы не думайте, что мы бесполезные. Мы очень даже полезные бабушки!

ВОДИТЕЛЬ. В машине всем места хватит. Собирайтесь.

ТЁТЯ МАЙЯ (*кричит в комнату*). Алик, надевай подштанники! Едем спасать девочку!

251

11

Квартира Мумии. Совершенно отвратительное место. Однокомнатная квартира, в которой всё нагромождено, выглядит неухоженным: выцветшие обои, облезлая мебель. На столе лежат фрукты, они почти почернели. Деревянные окна заклеены и, видимо, никогда не открывались. Форточка разбита и склеена малярным скот-

чем. Летают мухи. Полина сидит на кровати. Ей страшно неприятно. Мумия ходит по комнате, ставит что-то на стол худыми трясуци-мися руками.

ПОЛИНА. Тут у вас так интересно.

Мумия неожиданно закашлялась.

Так много антиквариата.

Мумия издаёт странные горловые звуки.

Тоже люблю старину собирать. Открытки, статуэтки, фигурки из киндер сюрприза... У вас есть фигурки из киндер сюрприза?

Мумия молчит. Наливает чай. Лёт мимо.

Да, конечно, чтобы появились фигурки из киндер сюрприза... Нужно, чтобы появились дети. А у вас... У вас, наверное, нет детей.

МУМИЯ. У меня был сын.

ПОЛИНА. А где он сейчас?

Мумия молчит и смотрит как будто сквозь Полину.

ПОЛИНА. А вы правда едите чьи-то мозги?

МУМИЯ (*не сразу*). Кто тебе такое сказал?

ПОЛИНА (*вздрагивает от изменившегося голоса Мумии*). Те ребята.

МУМИЯ. Паршивцы. Здоровскую взбучку они тебе устроили. Я с ними не первый год воюю.

ПОЛИНА. Почему они называют вас Мумия?

МУМИЯ. Потому что я очень и очень старая.

За окном слышится звонкий пронзительный смех. Мумия подходит и кричит в форточку.

Вон пошли! Пошли вон! Я сейчас полицию вызову! Оборзели совсем среди бела дня! Поорите мне ещё тут! Достали своими шариками!

ПОЛИНА. Алиса, пожалуйста, приди ко мне, Алиса. Мне очень, мне очень страшно. Алиса. Алиса, Алиса.

МУМИЯ. Столько лет живу в этой квартире, всё время шумно.

ПОЛИНА. Почему вы не найдёте новую квартиру?

МУМИЯ. Потому что... кто-то может ко мне прийти.

Пауза.

У меня есть четыре конфеты. Две я оставляю себе на завтра, две мы съедим сейчас. По одной конфете.

ПОЛИНА. Что за конфеты?

МУМИЯ. «Золотая маска».

ПОЛИНА. Спасибо, я не ем такое. Да и они растаяли у вас. Я больше люблю маршмеллоу. Особенно обожаю натывать их на палочки для суши и жарить на плите, пока бабушка не видит.

МУМИЯ. Что такое марш...маршмеллоу?

ПОЛИНА. Зефир.

МУМИЯ. Есть только конфеты. Мой сын очень любил такие конфеты. Я всегда их покупаю. И ем ровно две штуки в день.

ПОЛИНА. А зачем вы меня сюда привели? Я могу пойти?

МУМИЯ. Сиди.

Пауза.

Ты есть хочешь? Зефира нет, но есть вермишель с тушёнкой.

ПОЛИНА. Нет, спасибо.

МУМИЯ. Я всегда обращаю внимание на потерянных детей.

ПОЛИНА. Я не потерянная. У меня есть семья. Просто... я сейчас не с ней. Вы сдадите меня в полицию?

МУМИЯ. Уже позвонила.

ПОЛИНА. Вы слишком расторопная для мумии.

МУМИЯ. Пока мы ждём, я расскажу тебе одну сказку. Когда-то давно жил-был один мальчик. Он был самым красивым мальчиком на планете. Его красотой восхищались все вокруг. Его матерью была сама королева, а он был принцем.

ПОЛИНА. Красивая?

МУМИЯ. Она была красивой, но без мальчика... королева зачахла. Но умереть она не могла. Королева была бессмертна. Это было её наказанием.

ПОЛИНА. Да это же круто быть бессмертным! А что произошло с мальчиком?

МУМИЯ. Мальчик очень хотел побыстрее стать взрослым. У него был пылкий нрав, он не слушался королеву, ругался с ней и громко топал ногами. Один раз королева сильно накричала на него и он ушёл далеко-далеко в лес. Королева отправила за ним своих слуг, но слуги никак не могли найти мальчика. Тогда она позвала на помощь всех жителей волшебного королевства и они все искали мальчика, но так никого и не нашли.

ПОЛИНА. Разве это сказка? В сказках всё должно заканчиваться хорошо, чтобы в конце пир на весь мир, по усам текло, а в рот не попало, и жили они долго и счастливо, а у вас...

МУМИЯ (*засыпая*). Без него королева превратилась в мумию. Она не могла покинуть своё королевство и продолжила жить в вечном ожидании. Она ждала и верила, что её маленький принц обязательно найдёт дорогу домой.

ПОЛИНА. Дома тепло и хорошо, там на окнах висят тонкие розовые занавески. Мама с бабушкой уже давно проснулись, позавтракали горячим хлебом с брусничным вареньем, возможно, мама испекла панкейки. Она иногда печёт, если у неё появляется свободное время, но вообще она любит покупать готовую еду в магазине. Никто не идёт в мою комнату, ведь все знают, что я не люблю вставать слишком рано и сплю до обеда. Особенно в выходные. Ждут до двенадцати. Комнату свою я очень люблю. Я сама выбирала обои, шкаф и тумбочку с зеркалом. Моя комната выходит на светлую сторону. Я обожаю свою мягкую кровать и свой пушистый плед. А ещё люблю собаку, которой запрещено сюда заходить, потому что она линяет, но

я всё равно её пускаю. Мама стучится в мою комнату и никого не находит... Потом бабушка и мама обнаруживают, что меня нет. И наверное... они плачут. Мама плачет. Но бабушка держится. Бабушка все-таки жена генерала. Эй, вы спите, да? Очнитесь! Вы же... вы же не умерли?...

Полина со страхом подходит к неподвижной спящей Мумии, но та начинает тихонечко хрюкать. Полина снимает с кровати покрывало и укрывает им женщину. За окном видно, как идёт дождь. Полина снимает с крючка чёрный дождевик и надевает его.

ПОЛИНА. До свидания, добрая Мумия. *(Уходит.)*

12

Полина в дождевике, который явно ей велик, идёт по мокрому городу, но город кажется ей грязным и серым. Ноги давно промокли. Противный ветер дует в лицо и относит её назад. Красивые здания сливаются в один портрет, состоящий из маленьких маленьких дождевых чёрточек.

ПОЛИНА. Да где же этот дом? Где он? Так адрес... Улица такая-то, дом семь... нет такого... ещё раз... Всё равно нет... Нету такого адреса... Как нету? Неужели это неправильный адрес?

Полина останавливается у моста на набережной напротив дома, который находится на ре-

монте. Строительные леса завешаны изображением красивого питерского дома.

ПОЛИНА. Нет дома, нет такого адреса и Павлика нет. Ничего нет.

Полина снимает рюкзак. Из него течёт вода. Полина кладёт его на каменное ограждение моста.

Всё намокло, рюкзак порвался... Что это? «Смерть в Венеции»? В моем рюкзаке? И зачем, и зачем я затеяла это путешествие. Всё ради чего? *(Кладёт руку в карман и находит там смятую купюру.)* Зачем я ограбила бабушку? А если она сейчас сидит и голодает, потому что ей не на что купить хлеба? А если мама сейчас сидит и плачет? А если у того водителя из-за меня проблемы? А если тот толстый противный мальчик сейчас грустит, потому что я испортила ему день рождения? А если Мумия проснулась и пытается понять, приснилась ли я ей или нет? От меня отказалась даже воображаемая подруга, потому что я думала только о себе. *(Ревёт.)* Я больше не буду никогда обижать маму! Я больше не буду ничего воровать! Я больше не буду брать вещи без спроса! Я не буду обманывать! Я не буду врать! Я не буду шантажировать! Я не буду убежать из дома! Я больше не буду!

Алиса, появившись, обнимает Полину и исчезает. Полина запрыгивает на ограждение моста, смотрит на мутную воду.

ПОЛИНА. Потому что меня больше не будет.
У меня нет другого выхода.

Едет автобус. На секунду он закрывает Полину, а когда проезжает мимо – на набережной уже никого нет. Только лежит пустой рюкзак.

13

Останавливается автобус. Выходят Водитель, Ма, Ба, Тётя Ляля и Тётя Майя, довольный Алик.

БА. Мы уже пятьдесят кругов накрутили.

ВОДИТЕЛЬ. Ничего не понимаю. Либо адрес неправильный, либо этот дом когда-то был, но его теперь нет.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Так, у нас тут пирожки есть..

ТЁТЯ МАЙЯ. Вот эти с мясом, а эти с луком и яйцом. Передавай, Ляля.

258

ВОДИТЕЛЬ. Ну какие пирожки, дамы?!

ТЁТЯ МАЙЯ. Без перекуса кислород плохо поступает к мозгу.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Чай в термосе, надо?

Общая трапеза. Все едят пирожки и пьют чай.

(Тёте Майе.) Цветочек-то наш зацвёл.

ТЁТЯ МАЙЯ. И не говори, Майя. У Алика отродясь такого дня рождения не было. Сидит, улыбается наш котик.

ВОДИТЕЛЬ. Я себе обещаю, что если мы вашу девочку найдём, то я брошу всё и поеду на день рождения к Айым.

МА (*всхлипывая*). Если найдём...

БА. Наверное, глупость все-таки, Элина, что я тебя переубедила, надо было обратиться в полицию. Какая разница, что о нас подумают? Какая разница, что к нам придут органы опеки? Пускай они там себе, что хотят думают, главное, что мы про себя правду знаем.

МА. Может, пойдём по набережной? Так эффективнее будет. А то мы круги делаем.

ВОДИТЕЛЬ. Давайте пойдём по набережной.

Все молча идут по набережной.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Майя, посмотри, что за рюкзачок?

ТЁТЯ МАЙЯ. Выкинь, он на мосту лежит.

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Так выглядит как новый! Возьмём для Алика?

ТЁТЯ МАЙЯ. Девчачий? Какой-то ребёнок потерял. Вернётся за ним и будет плакать.

БА. Похож на Полинин.

МА. Так это же и есть Полинин! Весь мокрый... Это что – «Смерть в Венеции»?

ВОДИТЕЛЬ. А где сама девочка?

Ма смотрит вниз на воду. Она опирается на ограждение, чтобы не упасть, и вдруг внезапно начинает заглатывать том воздух.

МА. Она... она...

ВОДИТЕЛЬ. Чего?

ТЁТЯ МАЙЯ. Не томите!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Ну, говорите!

БА. Элина, в чём дело?

МА. Она утонула!

Ма плачет навзрыд. Ба начинает тихо плакать, обе тётки начинают плакать. Водитель держится, но тоже начинает плакать. Алик не понимает, что происходит, но плачет. Плачет громко, старается. К Тёте Майе подходит Полина. Её не узнать, потому что она в чёрном дождевике с капюшоном. Ест мороженое.

ПОЛИНА. Что здесь делает эта тётя?... Тётя, а что случилось?

ТЁТЯ МАЙЯ. Девочка утонула.

ПОЛИНА. Как! А сколько ей лет было?

ТЁТЯ МАЙЯ. Вроде всего тринадцать...

ПОЛИНА. Какая жалость, это же прямо как мне...

ТЁТЯ МАЙЯ. Вот её рюкзак...

ПОЛИНА. Прямо как мой...

ТЁТЯ МАЙЯ. А вот её мама и бабушка...

ПОЛИНА. Прямо как мои... Подождите-ка, так это же и есть мои мама и бабушка! Мама! Бабушка!

Полина бежит в объятия к Ма. Ма не сразу узнает Полину из-за чёрного дождевика, а узнав, вскрикивает и резко даёт ей пощечину.

Полина отходит на несколько шагов от Ма, держится за щёку. Молчит. Все смотрят на Полину.

ПОЛИНА. Заслужила.

МА (*хватает Полину и прижимает к себе крепко-крепко*). Я больше никогда не скажу ничего плохого... Я больше никогда не буду тебя ругать...

ПОЛИНА. Я больше никогда не обижу свою маму. Я больше никогда не буду трогать деньги своей бабушки. Бабушка, прости, пожалуйста, но меня ограбили! Я потеряла все твои деньги... Не переживай, пожалуйста, ты ещё успеешь умереть в Венеции!

БА. Не в деньгах счастье, Полина. Главное, что ты с нами. А в Италию... я ещё как-нибудь съезжу...

Полина обнимает Ма и Ба. Водитель звонит Айым.

АЛИК (*внезапно*).

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,...

ТЁТЯ МАЙЯ. Алик...

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Мы от тебя такого не ожидали...

АЛИК (*плохо, но говорит*). Будете меня каждый день по логопедам водить, я ещё на несколько лет замолчу.

ТЁТЯ МАЙЯ. Мы больше не будем!

ТЁТЯ ЛЯЛЯ. Мы честно не будем!

Тётя Ляля и Тётя Майя обнимают Алика. Ма и Ба обнимают Полину. Водитель звонит по телефону и общается с дочкой.

ПОЛИНА. Куда-то делась Алиса...

БА. Алиса ушла, потому что сейчас мы с тобой!

ПОЛИНА. Мама, у тебя телефон звонит.

МА. Наверное, рекламная компания...

ПОЛИНА. Мама, ответь, пожалуйста, телефон вибрирует, мне щекотно.

МА. Алло, здравствуйте, да, нашла дочку... Спасибо. Отца?

Полина отрицательно машет головой.

Нет, отца она так и не нашла. Что? (*Полине.*) Рекламная компания заинтересовалась этой историей и хочет снять нас. И никакая другая семья им не нужна. Ты счастлива?

Полина молчит.

Полина, ты счастлива?

ПОЛИНА. Не знаю... Наверное, это уже не так важно.

Полина берёт за руку Ма и Ба, и они выглядят как на самой красивой фотографии.

14

Эпилог

Ма, Полина и Ба в школе. Они красиво одеты и готовятся к фотосъёмке. Фотограф выставляет композицию. Ян в качестве ассистента фотографа.

ФОТОГРАФ. Так, бабушка, вы низенькая, ручки положите на плечи внучке. Ага, так, хорошо. Ракурс отличный.

МА. У меня лицо не слишком серьёзное?

БА. Элина, у тебя всегда такое.

ФОТОГРАФ. Улыбаемся. Так, композицию выстроили. Чего-то не хватает... Андрей!

Входит Андрей. Высокий красивый мужчина в костюме.

Так смотри, Андрей. Становишься между мамой и бабушкой. Одну руку кладёшь девочке на плечо, другой обнимаешь маму.

МА. Не надо обнимать маму!

ПОЛИНА. А это кто такой?

ФОТОГРАФ. Это... человек из нашего офиса. Он нам поможет немного. Андрей обними её, а ты обними его.

ПОЛИНА (*убирает чужие руки*). Да кто это вообще?! Почему он должен быть на фотографии?

ФОТОГРАФ. Понимаете, ваша история... Она так нас всех зацепила, что мы решили её немножечко докрутить, сделать, так сказать, лучше. Мы скажем, что вы как будто бы всё-таки нашли папу и воссоединились с ним через столько лет. Андрей нам подыграет.

ПОЛИНА. Но мы так никого и не нашли.

ФОТОГРАФ. Как-будто, девочка, как-будто... Понимаешь, это имаджинейшен. Магия!

БА. Безобразие какое-то, а не имаджинейшен.

МА. Ну, раз этого требует съёмка. Давайте встанем и сфотографируемся.

Полина шепчет что-то Ма и Ба.

Ты уверена?

БА. Но ты же сама этого хотела!

Полина, Ма и Ба направляются к выходу.

ФОТОГРАФ. Эй, вы куда, подождите! Я ни одной фотографии удачной не сделал!

ПОЛИНА. Удачно вам пофотографировать. Кстати, Ян, не звони мне больше.

Полина, Ма и Ба уходят.

ЯН. Так я и не звонил...

АНДРЕЙ. Может, мне тоже пойти?

ФОТОГРАФ. Да стой ты!

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА (*входит*). Ну, что вы уже закончили?

ЯН. Марья Семёновна, а вы мне плюстик поставите за то, что я ассистентом вызвался?

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Да подожди ты со своими плюстиками!

ФОТОГРАФ. У нас, кажется, фотографий нет.

МАРЬЯ СЕМЁНОВНА. Как нет? Так надо что-то придумать! *(Смотрит на присутствующих.)*

ФОТОГРАФ. Странно, конечно. Но что делать? Так встаньте, пожалуйста, вот так! Вот так... Хорошо. *(Делает кадр.)* Улыбаемся, друзья, улыбаемся!

Полина, Ма и Ба идут по парку. Теперь они выглядят точно как на самой счастливой фотографии.

КОНЕЦ

Анастасия Чернятьева
НЮРКИН САД

Сказка о любви

Действующие лица:

НЮРКА, 14 лет

КРИСТЯ, 14 лет

ЗЙМА, парень, около 30 лет

Один маленький северный город пополам разрубает речка, а люди шивают его обратно – строят новый мост. Будет мост на широких бетонных сваях через грязную слабую речку. Поедут машины из Центра к заводам в Зареку и обратно, и не надо будет больше по старому мосту в объезд. А пока – большая стройка, и даже с берега видны искры сварки.

Не смотри – ослепнешь.

До заводов далеко. Берег реки со стороны Зареки

266

обрывистый, сложно спускаться, легко – кубарем в воду, в тину. Этим обрывом к реке кончается огромный пустырь. Странно, что люди тут ничего не строят. По другую сторону реки – многоэтажки, дворы, железные двери подъездов, набережная, вся закатанная в гранит, а по эту ничего. Километра через три только начинаются деревянные дома и заводские трубы. Трава и сор прорастают сквозь линию рельс – здесь раньше ходили грузовые поезда. Почерневшая стоит старая будка стрелочника. Она, говорят, когда-то вспыхнула сама по себе посреди ночи и горела два дня, а никто к ней подойти не мог. Ещё на пустыре стоят заброшенные гаражи, осыпаются, разваливаются год за годом. Но колея к ним так и не заросла. Если идти по ней, смотреть под ноги – там открытый люк, а из него глаза смотрят черные. Иногда там плачет кто-то – надо тогда плюнуть в люк и бежать. Тогда замолчит.

Замолчи, замолчи, замолчи...

В развалинах гаражей выросли деревья. Ветки легли на бетонные стены, стены трескаются и крошатся от тяжести. Тут целый лес вырос ни с того ни с сего, на мёртвой земле, а кругом только трава сухая. И приходят сюда ночевать собаки облезлые, которых стая погнала. Они любят пахнет из свиной шкурки за двадцать четыре рубля. Бетон гаражей всегда тёплый, как собачьи уши и языки. Горячий иногда. Приятно по тёплой бетонной крыше ходить босиком.

267

Приятно просто лечь и смотреть в небо. Нет ничего, не было ничего, только небо.

А кругом май.

КАРТИНА 1

Хорошо знаю эти места, ясно вижу, и собаки меня не трогают. На уцелевший блок гаражей легко можно влезть, подтянуться руками по железным скобам. Можно пройти по крышам, как по бетонной дороге сквозь лес. В конце дороги тупик – куполом смыкаются ветки над последним гаражом, а впереди видно стройку и речку, сразу всю, и если расслабить взгляд...

В тупике брошен старый матрас, расстелены одеяла. Бетон разрисован яркими красками, а на веточках привязаны ленты, нитки, бантики. Ничего там не трогал. Только смотрел.

268

В тупике под куполом веток – Нюркин сад. Красота. Он весь мне виден, и Нюркин профиль, а вторую я не знаю. Нужно быть очень тихим, чтобы не напугать. Нужно дышать очень тихо. Это маленькое, теплое под рукавом царапает руку, щекотно и больно, прячу его поглубже. Нюрка сидит на матрасе. Перед ней гранат. Она нюхает свои пальцы, вытирает о юбку, и только потом гранат пополам ломает. Над её головой, на ветке, сушатся колготки. Вторая сидит на одеяле, скрестив ноги. Поверх школьной формы – спортивные куртки. Кристиа выта-

Сюжет

скивает из нескольких помятых пачек сигареты, раскладывает перед собой, пересчитывает.

НЮРКА. Пропал наш сад. *(Пауза.)* Ходит тут кто-то чужой, короче, выкинула сегодня банку от пива. Раздавленную... Я вот сколько сюда ходила одна поплакать, никогда никого. А потом тебя позвала, мы тут разукрасили – и сразу набежали. На красоту или что плиты тёплые – греются, может? А Щедрина как смеялась надо мной – «по помойкам ходишь, оборванка?» – а сама-то... Я так ей и плюнула в запеканку в столовке, жалко тебя не было. А у нас матрас, и солнце тут над речкой. Вчера закат был цветом прямо как медовуха бабкина. Узнал теперь кто-то про наше место, ничё не спрячешь, даже сад... А прямо жить здесь можно, да? *(Пауза.)* Спит, говоришь, Артём? И ночью спал? И не боится?.. Фига се брат у тебя везучий – его даже не задело, хотя он прям там был, на втором этаже... *(Слизывает с ладони сок.)* Кислый гранат, блин. Обманула тётя Лена, но с другой стороны, они учиться неделю точно не будут теперь. Или больше. Траур, все дела. Попробуй всё равно? *(С хрустом ломает половинку граната на две части.)* Кристя, возьми гранат? Шея так болит. Защемила. *(Пауза.)* Этот пацан, он с вашего двора же?

КРИСТЯ. Да.

НЮРКА. И чего он?.. Ешь давай гранат.

КРИСТЯ *(складывает сигареты в одну пачку)*. Десять. Две с ментолом. На пять дней получается. Можно курить одну перед уроками и одну после.

НЮРКА. Мне дай одну.

КРИСТЯ. А тебя тошнить не будет, как в тот раз?

НЮРКА. Ну дай, ну, пожалуйста. Листовки пойду расклеивать – так обзаведусь деньгами, куплю свои.
(Пауза.) Страшный он?

Пауза.

КРИСТЯ. Да нет. Нормальный. Собачка у него Жуля – болонка, с помойки любит есть, усы у неё жёлтые. Артём с ним разговаривал иногда во дворе. Я фотки видела, что там было. Там он сначала охранника застрелил, а потом по коридорам... Там как после взрыва всё, и дети лежат в углу ещё. Они из началки были. Учительница Артёма любимая ещё. А куда ты смотришь? Ты после математики не устала? Я устала.

НЮРКА. С реки теплом тянет.

Обе гранат едят молча, морщатся – кислый.

КРИСТЯ. Раз, два, три...

НЮРКА. Кристя, не смотри на сварку.

Молчание.

Покажи фотки.

КРИСТЯ. У меня нету, Артём только со своего телефона показал. Их скидывать нельзя, – сказал.

НЮРКА. Там прям кровь?

Кристя молчит.

А чё ещё говорил?

КРИСТЯ. Ничего не говорил... День майский, черёмухой пахнет, сказал. Мама теперь боится сильно за него. И меня на улицу отпускать не хочет. Черёмухой пахнет – он почему-то так сказал.

НЮРКА. Так правда пахнет. У Оксимирана песня классная есть про это, там тоже в школе стреляют. Только он на неё от фильма одного вдохновился, я хотела посмотреть... *(Пауза.)* А если у нас в школе так?

КРИСТЯ. Надо тогда сразу из окна прыгать.

НЮРКА. Шею сломаешь.

КРИСТЯ. Надо группироваться *(Пауза.)* А вот ты зря скалолазание бросила. Столько нового без тебя происходит. Ужас. Вот на сборы на той неделе поехали, а на обратной дороге автобус сломался. Ночью там морозились на трассе часов пять, ещё косулю сбитую видели. Очень круто было.

Пауза. Нюрка подносит к лицу свои пальцы, ладони – нюхает.

Меня на дачу увезут опять на выходных. *(Помолчала.)* У нас там гнездо у ласточки какой-то на чердаке. Из него птенцы вываливаются, лысые... Жалко так. Папа говорит подбирать их в ведро. Комочки такие мокрые лежат в траве. И вот непонятно, как их подбирать: в руку взять противно, а за лапку страшно – оторвётся. Ты ласточков любишь?

НЮРКА. У вас дача богатая. У нас тоже когда-то была. Бабкина дача.

КРИСТЯ. Ты любишь ласточков или не очень?

НЮРКА. Я их не видела.

КРИСТЯ. Да-а? Привезти может одного ласточку, выходим? Будет жить у нас в саду.

Пауза.

Вишня мало цветёт. Надо белых ленточек ещё.

НЮРКА. Белые на яблоне цветы.

КРИСТЯ. Можно из гофрированной бумаги. Она сильно дорогая?

НЮРКА. А здесь ведь жить можно, да? Можно в саду прямо жить, как думаешь?

КРИСТЯ. Здесь красиво, только собак ходит много. Ну, можно, наверное, жить. А почему ты не на районе у себя сад решила делать, у вас там тоже заброшек и помоек много? *(Через паузу.)* Я плохие вопросы задаю? Со мной из-за этого общаться в классе не очень хотят? Папа посоветовал задавать закрытые вопросы. Где только «да» или «нет» можно сказать. Ты боишься собак?

НЮРКА. Тут просто к реке ближе.

272

КРИСТЯ. Я думаю, мне ещё нужно научиться шутить смешно. Чтобы в меня влюблялись. *(Пауза.)* Мне папины шутки нравятся, он умеет рассказывать анекдоты, а те приколы, которые ты скидываешь, я не все понимаю. *(Пауза.)* Вот у того парня был бы сад... Там полиция его, ОМОН – сразу в голову... А как думаешь... Влад. То, что я ему рисунок подарила, портрет – он понял, что... я его люблю? Он не заметит, что там помялось? У меня руки вспотели, и листочек помялся немного.

НЮРКА. Да мудака он. Ему Щедрина в туалете от-

сосала, чё его любить. Я вот никакого пацана не люблю. Это вообще всё... Тут потеплеет, купаться можно ходить.

КРИСТЯ. Здесь нельзя купаться, даже рыба кверху животом. А если на человека много-много смотреть незаметно и говорить про себя «я тебя люблю», он поймёт потом?

Пауза.

НЮРКА. Вот экзамены сдадим через неделю. Потом два года и всё. Я тогда потом хочу на капитана пойти учиться.

КРИСТЯ. Мама говорит, девок не берут в капитаны.

НЮРКА. Берут, уже разрешили!..

КРИСТЯ. Ты же глубины не можешь...

НЮРКА. И шахтёрами разрешили, и в капитаны!

КРИСТЯ. Ты рассказывала, как в детстве в пруду...

НЮРКА. На ледокол хочу на атомный! От бабки подальше. На экскурсии мы были на ледоколе в Новороссе. Там у капитана самая большая каюта, но кровать тоже узкая. Как у всех, как у матросов. Я штурвал крутила на мостике. Это с мамой ещё, я роста была маленького, с табуретки только... Стану капитаном, навигацию выучу, и пусть потом утрётся бабка, и сука Щедрина (*Пауза.*) Думала к цыганам уйти. Дак это недалеко получается – через дорогу. Они же неправильные, на районе у нас живут, не кочуют.

Молчание.

КРИСТЯ. Надо пересчитать сбережения.

Кристя достаёт из внутреннего кармана куртки кошелёчек, в кошелёчке деньги. Десятки, пятидесятки и сотки бумажками, звенит мелочь.

НЮРКА. А вот ты контроши боялась по матану.

КРИСТЯ. Семьсот шестьдесят четыре рубля уже целых. Ещё покопить или гулять будем?

НЮРКА. Ты забоялась, я помню.

КРИСТЯ. Не боялась, я же у тебя списала. Хотя у тебя всё неправильно было. А за английский ты зато боишься, а я учила.

НЮРКА. Ничё не боюсь! Ты зато зассала в будку зайти горелую!

КРИСТЯ. Если бы у нас стреляли, ты тоже бы боялась. Кричала бы, как все.

НЮРКА. Это ты собак боишься! И ментов, когда на крышу лазили, и бабки моей, когда она проматерилась на нас на той неделе! И ещё водку пробовать боялась, а я прям с горла пила!

КРИСТЯ. Опять плачет. Здесь даже слышно.

Пауза. Слушают... Проносит ветер скулеж над гаражами и обратно уносит к реке. Что-то падает в воду. Оборачиваются.

Раз... два... три... Замолчало. (Пауза.) Домой надо уже идти.

НЮРКА. Да рано ещё.

КРИСТЯ. Маме к девяти обещала. Ещё автобуса ждать.

Пауза.

НЮРКА. Меня с утра бабка будила. А мне сон снился. Красивый какой-то. Там платье у меня с цветами, волосы заплетает мама, и немного больно. Тут, зараза, бабка вдруг трясет за плечо: Аня, вставай, приехал, вставай, приехал... Сильно трясет, противно, ага... И на всю хату пахнет яйцами. Горелыми. А мне никуда не надо, нам же к третьему только, я хотела дальше сон. Ногой ей двинула случайно в живот. Она аж пополам согнулась. Ушла, обиделась. Не даст, наверное, денег на бумагу для цветов.

Молчание.

КРИСТЯ. У тебя отец, что ли, приехал?..

НЮРКА. Ну, посиди ещё, чё ты.

КРИСТЯ. Автобус просрём.

НЮРКА. Чё тебе, жалко?

КРИСТЯ. Темнеет.

НЮРКА. Там вон стройка ещё не свернулась даже. Булку с яйцом хочешь? У меня есть две. Ну, покурим, давай?

Кристя протягивает Нюрке сигарету. Сама тоже закуривает.

КРИСТЯ. Так он поймет или нет, если долго смотреть? (*Пауза.*) Страшно, что вот так вот убивают прямо. Как в кино.

НЮРКА. Мы не умрём никогда. Гранат жалко кислый. Мне не страшно.

КРИСТЯ. Врёшь.

НЮРКА. Мне ничё не страшно.

Взывает грохотом стройка, даже уши закладывает от такого шума. Нюрка и Крестя молчат, курят, давятся и стараются не кашлять. Нюрка пятна красные с рук оттирает и с куртки – палец слюнявит и трёт. Крестя тушит сигарету, выбрасывает вниз с крыши. Смолкает грохот.

КРИСТЯ. Нюрк... Можешь к нам пойти, если хочешь. У нас раскладушка. Я сейчас позвоню, спрошу у мамы.

НЮРКА. А я здесь ночую.

КРИСТЯ. Я свою кровать тебе уступлю.

НЮРКА. Я из дома ушла.

КРИСТЯ. Да я уступлю свою.

НЮРКА. Дождя не будет. Я смотрела. У вас найдут сразу. Здесь не найдут.

КРИСТЯ. Забоишься.

НЮРКА. Ничё не боюсь сказала, слышишь!

КРИСТЯ. Пошли давай.

НЮРКА. Может шмотки ещё свои подаришь, а? «Чё ты ходишь непонятно где, с этой своей, которая с деревянных домов, где цыгане наркоту делают»...

КРИСТЯ. Мама не так говорила. Ты маме нравишься.

НЮРКА. И ещё, что я одета как эта. Я всё слышала. Мой сад. Хочу и ночью. Она сама у тебя как эта тоже... Передай. Иди, вон автобус уже едет, отсюда видно. Беги, чё сидишь?

КРИСТЯ. Ты зачем про маму? Ты зачем, а?

Нюрка не отвечает.

Всё равно забоишься темноты и домой пойдёшь. (Встаёт, подбирает рюкзак, застёгивает куртку.) Нюр... А дашь булочку одну?

Нюрка достаёт из своей сумки завернутую в салфетку булочку, отдаёт Кристе. Та стоит, не уходит, на Нюрку смотрит. Сигареты достаёт, бросает Нюрке пачку.

НЮРКА. Спасибо.

КРИСТЯ. Пока.

НЮРКА. Пока-пока. Завтра придёшь?

КРИСТЯ. Приду.

Кристя убегает по гаражам из сада, спускается по скобам вниз. Нюрка слушает ещё, как она запинаясь обо что-то, ругается, роняет рюкзак, бежит снова. Потом уже не слышно.

КАРТИНА 2

Ничего не слышно, только ветер. Нюрка ест гранат, рот ладонью вытирает. Вдруг плачет

кто-то снова. Сильно плачет, жалобно, не как человек, и не как собака даже. Нюрка зажмури-вается.

НЮРКА *(тихо)*. За молчи, замолчи, замолчи... День майский, черёмуха... *(сидит тихо, кусает гранат зубами, чтобы не бояться)*. Чё, напугать решила? Да? А не страшно! Это ты, Кристя, ага, выходи! Автобус пропустила!

Мешают цветы бумажные, так что Зима отодвигает ветку и смотрит на Нюрку снизу, задрав голову. На нём потрёпанная куртка с какими-то нашивками, как у лётчика или моряка, большая, совсем ему не по размеру. А ещё у него странно красивое, чистое лицо и красные руки.

ЗИМА. Извините...

Нюрка молчит.

Извините... Испугались?

НЮРКА. Нет.

ЗИМА. Извините.

НЮРКА. Ты чего?.. У меня денег нет. Я не одна тут... у меня пацаны. Они придут сейчас... за мной!

ЗИМА. Я хотел вам не мешать.

НЮРКА. Ты этот, что ли, да?.. Не надо мне показывать. Сейчас пацаны придут. Уходите, пожалуйста.

ЗИМА. У вас красиво. Да. Я хотел вам не мешать. Я на заводе... На заводе работаю – там...

Пауза.

НЮРКА. А с руками что? Ты – бить пришёл?

ЗИМА. С руками – нет... С руками – раздражение это... На дерево.

НЮРКА. Уходите, пожалуйста. Подумала, там крысы, это... А завод далеко! Иди, пожалуйста.

ЗИМА. Я хотел... Я хотел – а что вы тут?

НЮРКА. Сад. Видишь яблони и вишни?

Кругом только облезлые деревья, только ленточки на ветках.

ЗИМА. Вижу.

Пауза.

НЮРКА. У меня отец, он если что тебя...

ЗИМА. Бабушку... Бабушку бить очень плохо.

Пауза.

НЮРКА. Я не била.

ЗИМА. Котёночек не нужен вам?

Молчание.

НЮРКА. У тебя котёнок, что ли?

ЗИМА. Под рукавом тут. Взял вчера. Корма нет. Сдохнет...

НЮРКА. Давно родился? Как зовут?

ЗИМА. Я Зима. Мне двадцать шесть будет...

НЮРКА. Не, котёнка как зовут?

ЗИМА. А... Не знаю. А надо? *(Пауза.)* Это на заводе, там... У него померли от внутриутробной инфекции братья и сестры все, мне сказали. Этот, сказали, тоже сдохнет. Я сказал, ладно.

НЮРКА. Что за имя такое – Зима?

ЗИМА. Такое просто... Дима.

НЮРКА. А почему Зима?

ЗИМА. Дочка так... Дочка так не выговаривала, называла: Зи-ма, мой Зи-ма.

Зима смотрит на свои руки. Потом осторожно вытаскивает живого, тёплого из рукава. Котёнок, маленький, из-под шерстки видно розовую нежную кожу.

НЮРКА. Ладно. Поднимайся. По скобам лезь наверх.

ЗИМА. Подержите тогда.

Нюрка быстро стягивает с ветки колготки, прячет под матрас.

Зима протягивает ей котёнка, Нюрка берёт его на руки ласково, как ребёнка, и не смотрит больше на Зиму. Он поднимается по скобам. Сад – атласные ленточки на ветках, серебряный колокольчик. Звонит. Некуда деться, поломать страшно, испачкать. Зима старается сесть на самый краешек пледа. Сидят молча.

НЮРКА. Паллеты там есть, мы их с завода утащили, а за нами охранник с собакой... Мы прям через забор. Через колочку... Крестя плакала, хотя не было нам ничё. Подтаскивай, садись. Я Нюрка.

ЗИМА. Да.

НЮРКА. У него глазика нет.

ЗИМА. А братья и сёстры вообще померли. Он хороший, славный... Хороший, когда не кочевряжится. *(Пауза.)* Зачем вы из дома сбежали?

НЮРКА. Так. Захотела.

ЗИМА. Тут вы... Тут вы что делаете?

НЮРКА. Говорю же: сад. *(Пауза.)* Приходим после школы, сидим. Ничего не делаем.

ЗИМА. А... Думал, что... Что сейчас в интернете все девочки отдыхают. Видео там всякие... под музыку всякие.

НЮРКА. У меня телефон старый, бабкин. Камера плохая. И вай-фая дома нет, мобильный интернет только, ловит слабо.

ЗИМА. Про что вы тут плакать приходили?

НЮРКА *(от котёнка отвлекается)*. А ты чё, всё подслушал прямо? Ты слушал всё стоял? Ты зачем?

Зима молчит.

А на заводе ты что? Ты, наверное, инженер?

ЗИМА. Да. *(Пауза.)* Можно я ещё посижу?

НЮРКА. Сиди. Гранат хочешь или сигарету?

Зима смеётся.

Чё?

ЗИМА. Давно не ел гранат.

НЮРКА. Слышал там, как плакало?

ЗИМА. Нет. Кто?

НЮРКА. Да кто его знает. Там в люке старом, под землёй, плачет иногда, противно так, не жалобно. (Пауза.) И как тебе на заводе? У меня бабка тоже всю жизнь на заводе. Ей нравилось.

ЗИМА. Люди... добрые есть. Иногда.

НЮРКА. Она инженер, чертежи всяких деталей делала. Только не на этом. На старом, который со стороны Центра. Бизнесмены снесли и теперь парковку построили. Я, когда бабке помогаю на рынок ходить, мы всегда, когда обратно идём, останавливаемся. Она плюёт в парковку и меня заставляет. Позорно немного. Но я один раз в бэжу попала зато. А ты зачем со мной на вы?

ЗИМА. Не знаю. Вежливо... с незнакомыми с девушками. Я немного... Я немного растерялся. (Улыбается.) В деревьяшках... в деревьяшках живёшь?

НЮРКА. Ну.

Нюрка задумалась, застегнула куртку.

ЗИМА. Тут места плохие. Видишь, там? Искры от сварки в воду падают, не гаснут. Плывут. Левее, туда... Туда смотри.

Нюрка и Зима молчат, долго смотрят на реку. Опускаются тени медленно, набирают деревья и старая колея холодной мглы, не майской совсем. Стройка останавливается, остаётся только нового моста скелет. Нюрка вдруг морщится, трёт шею.

НЮРКА. Бли-ин. Больно – нерв, сволота...

ЗИМА. Ты котёнка спрячь под куртку. Обморозится.

НЮРКА. Где твоя дочка?

ЗИМА. С мамочкой... мамой своей.

НЮРКА. Любишь её?

ЗИМА. Давно не видел.

НЮРКА. Давай курить будем. Мне Кристия сигареты подарила.

ЗИМА. Она подружка твоя?

НЮРКА. Да. Так... вместе в школе ходим. Хорошая так-то. Только она меня на скалолазании с земли страховала, а потом уронила. Прямо с высоты я полетела, метров пять, и головой ударилась сильно. Иногда болит теперь. *(Пауза.)* Мама у неё такая себе, противная. Не могу у них есть – она всегда сидит и смотрит, как жую. Паук такой... А папа хороший, тихий. Он за меня платил за скалолазание, потому что у нас денег не было, пока отца не было. Я поэтому бросила, а не потому что Кристия меня уронила, это я ей только так сказала. Стрёмно это, не могу. *(Пауза.)* Заснул котёночек.

ЗИМА. Она красивая. И ты.

Пауза.

Я не это... Неправильно. Я ничего. Надо было с ней... С Кристей тебе идти. *(Пауза.)* Я сюда часто ходил, ещё до вас... ещё до вас, раньше. Тут хорошо. Глаз расслабить, если река становится как море, всё заливаает собой, и нету уже ничего, ни Зареки, ни завода, ни хрущёвок... Видишь? Смотрел, думал может за-

берёт. Забери меня, думал, надоело всё... *(Смеётся, пауза.)* Это так... Тебе со мной, наверное, страшно.

НЮРКА. Ого. Я такое тоже один раз думала. *(Пауза.)* Мне не страшно совсем. А ты где живешь?

Зима молчит.

У тебя девушка есть?

Зима молчит.

А я вот не люблю никого. Ненавижу любовь.

Зима молчит.

Я любила бабкиного друга, дядю Виталию. У него такие сигареты – Джарум. С гвоздикой. Он на крыльце у нас курил, так они пощёлкивают, трещат, если их курить. И бабка его ещё просила чердак чинить, он снял тогда рубашку – там такие волоски на груди, все серебряные. У него ещё спина острая, и как будто крылья... *(Пауза.)* Он просто на Боярского похож. А я в пять лет была влюблена в Боярского, только сначала почему-то думала, что он мой дедушка... Ну, я там запуталась. Короче, это из детства, не знаю, сон ещё был какой-то... Но это я дядю Виталию любила два года назад. Хотела поцеловать его, он не женат был. Ну, не вышло.

ЗИМА. Ты бы лучше надела... колготки. Холодно.

НЮРКА. А ты зачем тут ходишь? Стоял слушал ещё такой... *(Пауза.)* Где ты живёшь?

ЗИМА. Здесь недалеко.

НЮРКА. Так тут рядом нет ничего.

Молчание. Нюрка задумывается. Руку левую подносит к своим губам, к носу. Отдёргивает сразу.

ЗИМА. Тебя это... Дома не потеряют?

НЮРКА. Да пофигу им. Бабка там нянчится: сыночка мой, сыночка приехал. *(Помолчала.)*

Зима из пачки сигарету достаёт, из кармана спички, закуривает.

У тебя так косточка выпирает в руке. Ты часто дерёшься? Ты, наверное, с Лесобазы?

ЗИМА. Нет, не с Лесобазы... Это давно сломал. В родительском дворе ещё... Там девочка... Нина, ну, дурочка. Её собаки дворовые сильно любили, стайей за ней, ласковые, прямо как дети... Её там... Обидели пацаны. Я за неё встал, ударил одного. И собаки эти ещё – пыль на них такая золотая... Ну, толпой потом уже пинали. Потом они говорили... Она моя невеста что, и ещё... Я с ней стал гулять, она меня за руку брала и гладила. На этих я наплевал уже, всё равно... Потом она куда-то делась, мама потом рассказала, умерла... А я один раз, год назад, шёл по улице зимой, ну, такой совсем... Упал и уснул, а зима... Проснулся – облепили собаки бездомные, рядом лежат под боками и греют. Я им потом целую кучу костей в магазине купил, и потроха. Но это давно, это так...

Молчание. Густеет ночь.

НЮРКА. Вот у меня пальцы толстые. А у тебя тонкие. Хоть и в корочках. *(Пауза.)* А я решила никого не любить никогда. *(Пауза.)* А вчера стреляли в двадцать

первой школе, детей убили. Непонятно зачем. Это мальчик, который после девятого ушёл.

ЗИМА. Оно на него посмотрело и сказала: теперь можно.

НЮРКА. Кто?

Пауза.

ЗИМА. Так. Ну, вот которое плачет... Не человек же плачет.

Пауза.

НЮРКА. Зараза... *(Трёт пальцами шею.)*

ЗИМА. Сильно... болит?

НЮРКА. Да это, блин, вчера... Отец там в ванной заперся, мы с бабкой дверь ломали. Приехал такой, прикинь, с вахты, денег на стол вывалил, ужрался... Потом в ванной, верёвку когда резала, защемило, потянула... он же тяжёлый. Вот всё кажется, что руки воняют ещё.

ЗИМА. Хочешь дёрну?... Ну... исправлю.

НЮРКА. Умеешь?

Зима молчит.

Давай.

Зима снимает кроссовки, чтобы встать на матрас. На колени позади Нюрки встаёт. А оно смотрит на них с берега реки.

НЮРКА. Ну, чё ты там? Давай уже...

ЗИМА. Да ты... ты не бойся.

НЮРКА. Щекотно! Ты точно?... *(Смеётся.)* Чё ты?

ЗИМА. Волосы у тебя, как у детей маленьких.

НЮРКА. Чё ты?.. Нет, я передумала, не надо, я не хочу. *(Вскрикивает.)* Ты чё?! Больно!

Зима встаёт и быстро обувается.

Отпустило. *(Смеётся.)* Не болит.

Пауза.

ЗИМА. Я пойду... пойду. Потом... смена у меня... через три часа. Я потом...

И спрыгивает из сада вниз. Нюрка сидит молча какое-то время. Потом трогает осторожно пальцами свои волосы, шею, кончики ушей...

НЮРКА. Зима! Зима!.. *(Никто не отвечает.)* Ты гранат раздавил! *(Пауза.)* А я домой не пойду, я к Кристе пойду, слышишь!..

Нюрка расстёгивает куртку. Достает котёнка. Нюрка его гладит долго-долго. Спит. А издали слышно: начинается шёпотом, причитаниями, и плачет опять, плачет, плачет. Успокаивается...

КАРТИНА 3

Солнце бьёт по глазам, лезет за ворот. Нюрка и Кристя вдвоём в саду. Нюрка дышит тяжело, устала, растрёпанная лежит на матрасе, кашляет, не может отдышаться.

КРИСТЯ. Он на заводе, может?

НЮРКА. Нету! Я везде искала, кричала... Он не приходит больше! Он ушёл совсем, не знаю где ещё искать.

КРИСТЯ. Он берёт на заводе смены лишние, может быть? Он, может, вообще там начальник и целый день работает?

НЮРКА. Воскресенье! *(Долго кашляет, выдыхает.)* Я хотела тебе показать.

Пауза.

КРИСТЯ. У Артёма на пальце ноготь слазит, прикинь, полностью. Я вообще офигела. Это он дверью. Он потом кривой вырастет навсегда?

НЮРКА. У него же учительницу – вчера? Похоронили вчера всех?

КРИСТЯ. Похоронили.

НЮРКА. Ходил он? *(Пауза.)* А чё не пошел?

КРИСТЯ. Мы с Артёмом никогда ещё на похоронах не были. Нас никогда не приглашали ещё. Я ему вчера говорю: «Хочешь сделаю, как мама в детстве? Вот так – я съем твои слезы!» И целую его в щёки, но он не засмеялся. А как сделать, чтобы все смеялись над твоими шутками?

НЮРКА. Нечего там смотреть на похоронах. Гроб, столовка и блины.

Пауза.

КРИСТЯ. Мы с тобой дружим только потому, что в школе над нами смеются все? Потому что мы мальчикам не нравимся?

НЮРКА. Про себя говори. Я Зиме понравилась. Я тебе его покажу. Он взрослый и красивый. Только ты ему не говори, что котёночек умер.

КРИСТЯ. Ты у нас можешь сколько хочешь жить, пока отец не уедет. Ты домой не ходи.

НЮРКА. Не пойду.

КРИСТЯ. А скажи честно, ты специально придумала всё про Зиму? Потому что из-за мамы моей обиделась? Ты совсем не оборванка. Ты очень хорошая. Ты мой единственный друг.

НЮРКА. Смотри, как пар от реки валит. Прямо как зимой изо рта или от псины мокрой. *(Пауза.)* Я не придумала.

КРИСТЯ. Ты придумала Зиму. Ну, скажи, я не буду смеяться.

НЮРКА. Ты же со мной котёнка закопала вместе.

КРИСТЯ *(улыбается)*. А у вас помнишь, у помойки котят в коробке мы гладили?

НЮРКА. Он не помоечный.

КРИСТЯ. Нет?

НЮРКА *(помолчала)*. Сегодня что-то не плачет даже. Эти три дня сильно плакало, прямо не замолкало...

КРИСТЯ *(смеётся)*. Может там покричать Зиму? Может он плакал? Не в колодце он сидит, нет?

НЮРКА. Он не плакал! Он взрослый, красивый и с завода! *(Пауза.)* Какая разница, есть он или нету. А сад есть?

КРИСТЯ. Ну, если есть, то, значит, он тебя убить,

может быть, хочет? А ты влюбилась. (*Смеётся, резко перестаёт.*) Прости, опять я говорю на лету мысли и не думаю.

НЮРКА. Тихо, идёт кто-то.

По скобам в сад, медленно, как будто с тяжестью большою на плечах, поднимается Зима. Он бледный, глаза стали другими. Пока лезет по скобам, подмышкой он крепко сжимает мятый пакет. Встаёт, отряхивается, улыбается неловко. Девочки смотрят на него. Зима стоит перед ними и молчит. Нюрка улыбается.

Я тебя искала.

ЗИМА. Я не мог... Болел. Вот подарки. Здравствуй, Крестя.

КРИСТЯ. О-ой... здравствуйте. Привет.

Нюрка вытряхивает из пакета конфеты, сигареты, бутылку красного вина и кучу салфеток, мятых немного, но белых. Крестя молча смотрит на подарки.

290

НЮРКА. Где ты был?

ЗИМА. Это подарки.

КРИСТЯ. Сколько всего... и конфеты. А вино мы не выпиваем, мы в восьмом классе. Целая бутылка? А салфетки зачем? А, тут грязно потому что, ага? Ничего что мы тут сидим, где грязно?

НЮРКА. Ничё тут не грязно, чё ты гонишь?

ЗИМА. Это на яблоню. Для цветов.

КРИСТЯ. Какая у тебя куртка... замечательная куртка.

Нюрка долго смотрит на Зиму. Он присаживается опять на краешек одеяла, чтобы не мешать никому, чтобы обувию не запачкать.

ЗИМА. Как котёнок?

НЮРКА. Жив.

Зима в одеяло кутается.

КРИСТЯ. А тебе сколько лет? Мы учимся в седьмой школе. Мы в классе самые красивые, а у нас там целых шестнадцать девочек, но они все дуры.

ЗИМА. По мосту трамвай ходить будет. Мне сказали... мне сказали рельсы будут сюда, Зареку.

КРИСТЯ. А они не достроят его, уже десять лет стройка идёт. *(Помолчала.)* Так у нас же в городе нету трамваев. Теперь будут, правда? Ты же инженер на заводе, да? Как здорово. Жара такая. Под этим одеялом я спала в детстве. Там уголки погрызены.

Зима смотрит на неё. Стягивает одеяло с плеч.

Нет, нет, сиди, пожалуйста. Бери, что хочешь.

НЮРКА. Ты чё, замёрз, да? Замёрз? Какие салфетки. Белые-белые.

ЗИМА. Сделайте цветов... побольше.

НЮРКА. А чё ты нам подарки дарить решил?

ЗИМА. Просто как... спасибо сказать. Тебе, Нюрка. Я сегодня выздоровел... выздоровел совсем. Всё

плохое ушло, с прошлой ночи не приходило. Сегодня хороший день.

НЮРКА (*улыбается*). Мне? Спасибо? Чё, правда? Да пожалуиста.

ЗИМА. Вино открою? (*Пауза.*) Хотите, можно погулять. Я в столовку вас свожу... День хороший. Вы не бойтесь, я сегодня просто проснулся здоровым и очень хочется... Жара, да... Очень жарко. Можно пойти к реке загорать. Чего вам... хочется? Вам чего-нибудь хочется?

КРИСТЯ. У тебя такое лицо... Ну, прям как будто не инженер. Хочешь, я нарисую тебе портрет?

НЮРКА. Владу нарисовала уже.

ЗИМА. Я открою сейчас вино. Оно хорошее... оно крымское. Думал, может вы любите...

Молчание. Зима берёт бутылку, рассматривает, чтобы не смотреть в лица, отколупывает фольгу. Ковыряет ногтём пробку.

292

Пробка даже. Не из химии.

Зима достаёт из кармана тонкое острое шило с пластиковой ручкой. Коротко замахнувшись, втыкает в пробку глубоко, одним движением. Крестия жмурится.

КРИСТЯ. Раз, два, три.

Тихий хлопок. Зима, нахмурившись, рассматривает пробку – на шило насажена насквозь, снизу разбухшая и бордовая от вина. Понюхав её, Зима

Сюжет

*чуть морщится, протягивает бутылку Нюрке.
И шило прячет в карман.*

НЮРКА. А мы всегда горлышко сбивали об край мусорки. Только я один раз лодыжку изрезала и всё пролила у помойки.

ЗИМА. Это вам. Мне нельзя пить...

НЮРКА. Кристя не будет вино. Она домашняя, мама дома её нюхать будет. Кристя всегда боится, говорит: вдруг менты, менты... Вдруг отец на машине проедет. Я буду.

КРИСТЯ. Дай сюда!

*Кристя отбирает у Нюрки бутылку. Большими
глотками пьёт вино. Нюрка смотрит на Зиму.*

Ой, надо же как вкусно. Я хочу что-то рассказать о себе. Только это секрет. Когда мне было семь лет, я боялась Ленина.

НЮРКА. Ты конфеты поешь.

ЗИМА. Нет... расскажи, пожалуйста. Расскажи.

Молчание. Кристя улыбается.

КРИСТЯ. Памятник на площади. Мы там гуляли. Боялась, упадет на меня. Папа сказал, у нас в городе Ленин не как другие. Ленины обычно пустые внутри, а у нас цельный. Смотрит так ещё и руку тянет... Думала, когда-нибудь этот Ленин убьёт меня и мамочку. Придумала говорить себе по секрету, когда сильно страшно: если на счёт три это не произойдёт, значит никогда уже нет. Раз, два, три.

ЗИМА. Ты очень хорошо придумала, Кристя.

КРИСТЯ. Ой, ну ладно. Спасибо.

НЮРКА. А у меня день рождения скоро будет.

КРИСТЯ. Ещё я пишу утренние страницы.

НЮРКА. Да понятно с тобой, конфеты ешь... Ты чем-то болеешь, да? Ты совсем один болел лежал?

ЗИМА. Я теперь здоров... сегодня.

НЮРКА. Где ты живёшь?

Зима молчит.

А у тебя была свадьба?

Пауза.

КРИСТЯ. Я пишу утренние страницы. Размышления разные, умные мысли. У меня есть тетрадка, с собачкой... Я там написала как-то про Нюрку: никогда не перейду её улицу. Она меня на физре обидела, в пятом классе. Такая мысль. И ещё писала воспоминания разные. Была эпидемия гриппа, и я поймала простуду на полгубищи. Артёму подарили новый комп, так у меня появился комп. Тётка на улице сказала, что на меня наложили порчу в утробе матери. Каталась на даче на велике и наехала на змею. Испортилось зрение, и в больнице выдали баночку для слёз, надо было наплакать слезы на анализ. Закончила четверть без троек. Нюрка стала со мной дружить, так у меня появился друг. А ещё в детский сад когда ходили, мама, чтобы меня спать укладывать, ложилась со мной в кровать. Артём не боялся, сам засыпал, а я только с мамой. Но она иногда засыпала раньше меня, и я смотрела...

У неё дрожали веки и морщинки чуть-чуть. Во сне. Я долго смотрела и мне хотелось каждую морщинку погладить. С нами тогда вместо папы жил какой-то другой мужик, он один раз тоже пришёл, залез к маме в мою кровать и что-то ей шептал, и плакал. Я забыла что. Меня к стенке придавило. А мама так и лежала ко мне лицом, и у неё веки сильнее дрожали, и ресницы. А он всё плакал... Не знаю, он потом куда-то делься и вернулся папа. Ещё год назад ездили на три дня в Москву со скалолазанием, это тоже... Я так завидую себе, всё, что со мной происходит, это прямо какое-то волшебство.

Пауза. Кристия оставляет почти пустую бутылку. Зима смеётся.

КРИСТЯ. Почему ты смеёшься?

ЗИМА. Всё, что со мной происходит... *(Смеётся.)*
Это прямо какое-то волшебство.

Нюрка тоже смеётся вместе с ним.

КРИСТЯ. Вы зачем надо мной смеётесь?

НЮРКА. Да ты как маленькая... Зима, слышишь, Зима, у тебя была свадьба?

ЗИМА. Что?

НЮРКА. С той женой, которой ты дочку оставил.

ЗИМА. Была. Свадьба...

НЮРКА. С цветами? И с гостями? И с платьем?

ЗИМА. Давно.

НЮРКА. Красивая?

ЗИМА (*через паузу*). Такой, летел и таял... Пух. В мае... Она всё ругалась. Что в фате путается, и на глаза... Ругалась на пух. Красивая. Платье было матери моей. Ей как раз оно было, чтобы не покупать, только длинное... Коньяк купили... дурной, матери только наши пили и отравились обе. Мы не пили. подписывались там... там, в старом загсе. Деревянном, там раньше... бордель, теперь музей уже... Там загс, на одном этаже всё было: и свадьбы, и дети, и смерти, и венки продавали... Мы стояли, ждали время у венков. Живот болел... как-то живот болел от радости. В детстве так тоже... А она всё пух вытаскивала... пух тополиный из фаты... Плохо помню.

Нюрка берёт салфетку, расправляет бережно, а потом сворачивает, складывает по особенному. Ещё одну. Лепестки цветка распускаются, белого, нежного. Нюрка улыбается, и цветок растёт у неё в пальцах.

296

КРИСТЯ. Нет, я не понимаю, почему ты надо мной смеялся?

ЗИМА (*улыбается*). Одеядло.... Отдам тебе. Мне нехорошо что-то... Возьми, пожалуйста.

КРИСТЯ. Не надо. Я смешно рассказываю, да? Глупо говорю?.. Смешно тебе?.. А ещё инженер.

ЗИМА (*смеётся*). Я не инженер, я там так, я паллеты сколачиваю... Я могу ещё... ещё котёночка найти. Принести, я найду, принесу. Тебе принесу.

КРИСТЯ. Где ты живёшь?

ЗИМА. Здесь, недалеко... в гараже том, подальше...

КРИСТЯ. У тебя дома нет?

Девочки смотрят на Зиму. А он сильнее кутается в одеяло, улыбается, и дрожит от холода будто, дрожит сильно. Воем раскатывается стройка, заглушает все звуки. Все ждут пока смолкнет... Тишина.

ЗИМА. Я найду, принесу. Я тебе принесу...

НЮРКА. Ты чё, бомжуешь? А свадьба как же?

ЗИМА. Свадьба...

Пауза.

Когда вернулся к ней, когда отпустили... Меня на пятнадцать суток закрыли тогда, а мы уже год вместе... Там замок... Замок она поменяла. В окно стучал, мы там на первом этаже... а в окне пацан, татарин, и она за шторой, дочка ревёт... Я в рубашке только, как был. А уже ноябрь. Снег. Пятнадцать суток всего не было... Просил у них куртку мою зимнюю отдать. Не отдали. Ну, я и пошёл... *(Пауза.)* Сначала... сначала в рабочем доме жил. Ко мне пацан подошёл на вокзале, говорит: работа нужна? Я потом уже через месяц, как он, тоже ходил иногда, одного приведёшь – семьсот рублей дают. Там плохо, мне не нравилось. Кровати железные, подвал, кормят жижей... Со мной дедушка жил, глухой... Мы разговаривали много. К нему на кровать... На кровать садишься, он ладонь так даёт свою – я на ней пальцем буквы черчу. Он вслух это... читает с ладони: п, р, и... привет. И улыбается. Умный очень... Он лечил руками ещё, и мне боли вылечил... Я сломал там... сломал там в драке запястье в детстве,

когда заступился за девочку, за Нину, дурочку, срослось неправильно у меня, болело. Я найду ещё котёночка, я найду... Вы не думайте не так, я от страха сюда. Я трус. Я от страха. Это про меня плачет...

КРИСТЯ. У тебя запах какой-то горелый. Горелым пахнет.

НЮРКА. Пьяная уже. Тебе нельзя столько.

КРИСТЯ. Это моё одеяло.

ЗИМА. Пойдёмте куда-нибудь, я свожу вас в столовку...

Кристя набирает в рот вина и выплёвывает его Зиме в лицо.

КРИСТЯ (*смеётся*). Я поняла, тебе Нюрка нравится. Ну и пожалуйста. (*Смеётся*.) Это наш сад, ты зачем пришёл, ты вообще не настоящий... Ну ладно, я пошутила, вы надо мной смеётесь, и я над вами тоже... Что, не смешно? Не смешно вам?

Зима не двигается, не смотрит на Кристю. Медленно вытирает красные капли с лица. Нюрка отбрасывает цветок в сторону, кидается на Кристю с кулаками.

НЮРКА. Дура ненормальная, я тебе сейчас говна за шиворот заверну! Чё, хорошо накидалась?

КРИСТЯ. Я сама тебе сейчас, я сейчас!.. Он зачем надо мной смеётся?

НЮРКА. Сюда иди, пьянь, дурочка! Кто над тобой смеётся... Прости её, Зима, она больная, дура, ничё не понимает! Прости её, она не специально... Я щас тебе! Слышь, а? Куда-а? Куда поползла?

КРИСТЯ. Я не дура, я тебе сама сейчас, я сейчас...

Зима вытягивает перед собой ладонь. Сжимает её в кулак, потом медленно разгибает указательный палец. Он смотрит на него пристально, не обращает внимания на крики.

Кристя отбивается от Нюркиных рук, а Зима не двигается. Замер весь. Капает красное с его волос. И вдруг, словно подавившись воздухом и голосом, Зима валится на бок.

Девочки замолчали, стало страшно. Смотрят на Зиму, на руки его и пальцы, и колени – он дрожит безостановочно, мелко. Глаза закрыты и провалились будто внутрь.

Нюрка, Это что? Умирает, что ли? Да?

НЮРКА *(тихо)*. Беги быстро. Беги, чего сидишь. Беги, позови, там, внизу... Надо позвать.

КРИСТЯ. Раз... два... три... раз... два... три...

НЮРКА. Беги, пожалуйста, ну.

Кристя вскакивает, запинаясь и оборачиваясь, прочь бежит из сада, перепуганная. Бежит к дорожке, к остановке, что-то кричит.

Нюрка перетаскивает Зиму ближе к себе, кладёт его голову на колени. Гладит по волосам, по лицу, ладони гладит. Голос у неё дрожит сильнее чем руки:

Все хорошо... хорошо, хорошо, тише. Тише. Ну, что ты? Что ты? Здесь мой сад, здесь нельзя умирать, здесь никто не умирает... Тише. Ты красивый такой,

ты очень красивый... У тебя и мама есть, и дочка, ну, что ты? На заводе потеряют, добрые люди, открой глаза... Жар от тебя, открой глаза, пожалуйста? Я с тобой буду, оно уйдёт, сейчас уйдёт... Что сделать тебе? Я не знаю, не умею... Только не надо. Не надо... Да помогите кто-нибудь?! Эй, есть тут кто?! Кристя!.. Сейчас уйдёт, уйдёт... У собачки боли, у кошечки боли, у птички боли... Что говорю? Тише, тише... (Пауза.) Давай я тебе расскажу? Слушай меня, слушай, Зима, нет... Дима, Димочка. Там, где на том берегу стройка, это корабль на самом деле, а не стройка... Да, да, ледокол или другой, там матросы на узких кроватях! Заправляют одеяла ровно, как бабка моя, и едят рыбный суп... Какой ты красивый, ты очень красивый... Помогите кто-нибудь, слышите!.. Кристя, миленькая, вернись, зараза!.. Матросы, там матросы... Матросы вроде все как ты, они вечером чистят ботинки вкусным кремом, как у дяди Витали, а ещё боятся щекотки, заправляют койки ровно-ровно, бабка даже бы не придралась, и видят сны про маму... Мама. (Задыхнулась, замолчала.) Видишь ледокол, не умирай... Пожалуйста, пожалуйста. Мне из-за тебя очень страшно... Ты плачешь, что ли? Плачешь? Нет, это я... Пожалуйста, замолчи, замолчи, замолчи...

КАРТИНА 4

Сухим предгрозовым воздухом опускается вечер на сад. Все деревья усыпаны белыми цветами из салфеток, розовыми лентами – больше чем раньше, густо, празднично. Нюрка вдвоём с Зимой сидят на матрасе, не смотря друг на

друга. На Нюрке белое ситцевое платье, волосы аккуратно заплетены и даже губы накрашены чуть-чуть, она вся как деревья в саду. Всё тот же город на той стороне реки, и духота безмерная. Завывает стройка. Падают в воду с моста и плывут вверх по течению искры сварки. Нюрка смотрит, прищурив глаза. Шум смолкает.

НЮРКА. Никто не пришёл. И Кристи нет. Хотя ты пришёл.

ЗИМА. С днём рождения.

НЮРКА. Спасибо. Я цветов наделала. Вот.

ЗИМА. Что тебе подарить?

НЮРКА. Бабка пятьсот рублей подарила.

ЗИМА. У меня... нету у меня.

НЮРКА. Да я не то... Ничё не надо. Отец не просыпался – уже хорошо. Я домой вчера вернулась. Не могу больше у Кристи жить... А они и не заметили как будто, ни бабка, ни отец. Вчера отец говорит: ты в кого такая дура, мать красивая, у меня на месте всё, а ты в кого? *(Пауза.)* Ты не на заводе, ты чего не на заводе? Ты бы пошёл...

Пауза.

Я узнала, тебя надо было на бок покласть и в зубы сунуть чего-нибудь. Чтобы язык не проглотил. Кристя дурочка, ты на неё не обижайся. Больно было?

ЗИМА. Нет.

НЮРКА. Ты, если хочешь... Ты как отец уедет, можешь к нам пойти жить. Я бабку уговорю.

ЗИМА. Не нужно... Нет.

НЮРКА. Ты в меня влюбился, да?

ЗИМА *(долго молчит)*. Да.

НЮРКА. Ты поэтому приходишь?

ЗИМА. Да.

НЮРКА. Хорошо. Куда ты смотришь?

ЗИМА. Там оно... на берегу. Видишь?

НЮРКА. Нету там ничего. Блестит что-то... нет, показалось.

ЗИМА. Улетело теперь. Спряталось.

Молчание.

НЮРКА. У нас мамина комната пустая. Там даже стены крашенные, мы ковёр выбьем, постелем бельё... Я буду тебя беречь, вместо котёночка...

Взывает оглушительно стройка, а Нюрка продолжает говорить, но ни слова не разобрать. Нюрка пытается перекричать стройку. Вдруг прекращает говорить – шум стройки бьёт с силой по голове, она затыкает уши. Перед Нюркой впереди – маленький город, сухой пустырь, автобусная остановка вдалеке и огромное море. С железным стоном отплывающий ледокол. Замолкает вой, издалека пробивается тихий плач. Нюрка сильнее зажимает себе уши.

ЗИМА. Что ты говоришь? Не слышно ничего.

НЮРКА. Там было совсем мелко, по пояс. Мама.

ЗИМА. Что?

НЮРКА. Я никогда ещё не целовалась, чтобы в губы.

Нюрка отпускает руки. Молчание.

Поцелуй меня?

ЗИМА. Стыдно... потом стыдно будет.

НЮРКА. Мне не страшно. Мне совсем не страшно.

ЗИМА. Ты бы домой... шла.

НЮРКА. Ты меня поцелуй только, я ведь очень-очень тебя почему-то люблю.

У Нюрки дрожат веки, ресницы дрожат. Она скулит только тихонько в губы, потому что боится щекотки. С моста сорвалось вдруг что-то... Сорвалось и полетело. Над рекой, над садом, над городом...

НЮРКА. Там было совсем мелко, по пояс. Мама... Год назад бабка продала дачу, дом с огородом и беседкой. Пока была мама, дача была каждые выходные, кроме зимы, я жевала с грядки щавель и ловила бабочек в банку... там рядом пруд. Сентябрь, мухи, отец купается с друзьями, у них большие животы, они пьют водку. На мне комбинезон, потому что холод собачий. Комбинезон шуршит, когда бегаешь, у озера растёт камыш, мама курит на крыльце. Под картой мама всегда курила, кнопками была к стене дома приколотая карта, мама – прямо под сср, кнопки ржавые, трогать нельзя, порежешься будет столбняк. Странное слово столбняк. Мама курит на крыльце, но теперь от карты остался только след – украли карту вместе с кнопками. Вместе со столбня-

ком. Мне очень нужен букет камышей... Одной вроде нельзя, но мама говорит «отстань», мама говорит «не ной», мама говорит «займись чем-нибудь», и какая же она красивая, какая белая у неё курточка, и я иду за букетом одна. Очень трудно сорвать камыш. Берег высокий, мостки на другой стороне пруда, там же отец и его друзья с животами. Очень трудно сорвать камыш. Трава острая и выше меня. Обрыва берега не видно. Муха садится на шею сзади, очень щекотно. Я тянусь за камышом, оступаюсь и падаю в воду. Комбинезон хватает за руки и за ноги, тянет вниз, я попыталась закричать и наглоталась воды. За легкие тоже схватило что-то, сжало в кулак и тащит вниз, вниз, вниз... Мама. Мама. А дна никакого нет. Только руку смогла протянуть, пальцы высунуть над водой. А дна не было...

Потом уже рассказали: отец увидел, услышал шум и вытащил. А дальше ангина, перерыв и снова ангина... Может быть, проболею всю зиму, а там уже весной опять поедем в Новороссийск, но отец пьяный маму зашиб, а она височком об угол стола. Потом собирали по родственникам деньги на похороны, гроб, столовка, блины. Мама улыбается с фотографии. Баба становится старой, потом совсем старой, и мы едем продавать дачу. И пока она там – бумажки, «заборчик новый, ворота можно поставить», я иду к пруду, раздеваюсь до трусов. Думаю, ну уж нет. Думаю, сейчас, сейчас... Спускаюсь по мосткам в воду. Сейчас, мамочка, я сейчас, я здесь, знаю, где дна нет... Забери меня, пожалуйста, мамочка... Пусть разольётся кругом, пусть разольётся в море, зальёт дачу, и меня, и дорогу, и город, и всё-всё-всё... Камыши как будто те

же. Стою посреди пруда в трусах, а кругом октябрь. Я стою по пояс в грязной воде.

Мама. Мама. Мама. Там было совсем мелко, по пояс. А бабка с берега орёт: замолчи, замолчи, замолчи...

Нюрка спит на матрасе, свернувшись под детским одеялом. Зима сидит у её ног, курит. Темнеет.

ЗИМА. Нюрка, спишь, нет? Спишь. (Пауза.) Нюрка... Нюркин сад... Вернуться в рабочий дом? Но оно и там будет смотреть на меня. Из каждого угла. (Задумывается, курит и молчит, слушает Нюркино дыхание.) Сбежать? Куда бежать?.. Если бы она тогда пустила меня домой... если бы я не слышал тогда, как страшно плачет этот ребёнок. Мой ребёнок. Когда брал на руки – ничего не чувствовал... потом привыкаешь. Совсем не похоже, что это плакал ребёнок... Это было – когда?.. Съёмная квартира, девятиэтажка на Профсоюзной, у нас было две кошки, я их любил... Кошек любил, гладил... шли в руки мне кошки мои, ластились. Одна совсем, когда подобрал её, котёнком была... У неё померли от внутриутробной инфекции братья и сёстры все, мне сказали. Эта, сказали, тоже сдохнет. Я сказал – ладно. Нет... это совсем недавно. Кошек любил, а она – нет. Кошек моих они с татаринном, наверное, сразу выкинули. Девятиэтажка на Профсоюзной, рядом ларёк и вьетнамская забегаловка. Мы прожили в ней уже год после свадьбы, я тогда выпивал и меня забрали на улице за драку... Хотя били в драках обычно меня. Задержали и дали пятнадцать суток...

Когда выпустили, меня никто не ждал, и я просто пошёл домой. Долго шёл. Наша девятиэтажка на Профсоюзной, рядом ларёк и вьетнамская забегаловка... Я стоял под окном, а она там за шторой, и ещё татарин. Его я не знаю. Плачет дочь... сколько же ей тогда было? Орёт, надрывается... Я попросил позвонить, у меня нет телефона, она молчит, татарин меня прогоняет. Как она успела, за пятнадцать суток? Человек всё успеть может, когда зудит... Прошу её отдать куртку, а она обратно молчит. Потом сказала. Она мне сказала тогда так страшно... Она мне сказала так страшно... «я тебе сто рублей дам, не ходи сюда больше». Она сказала, и вдруг оно зашевелилось пониже рёбер... «Я тебе сто рублей дам, не ходи сюда больше»... Я шёл по улице, а оно, живое что-то, страшное, шевелилось внутри меня... разбухало и стучало там. Разбухало, пока спал на вокзале. Пока ел в столовой у жд-моста, пока был первый приступ... К ней не пошёл больше, только думал разное, чёрное, какое раньше никогда не думал... Прожил на вокзале почти месяц. Подметал крыльцо столовки – и мне наливали там борщ, а менты вокзальные не гнали, потому что ходил всё время понятым... Оно всё болело и шевелилось внутри, и когда уже в рабочем доме потом жил. Думал, рак может... Отправили на стройку котлованы рыть. Помню лежал в бараке – там полуподвал такой был и койки двухярусные рядами – лежал, отдыхал на выходном. Не было никого, так окна приоткрыли проветрить... Бабочка залетела. Жёлтая, красивая такая, порхает по бараку... А я смотрю на неё... Забыл вдруг даже про это, про то, которое внутри меня шевелится... Смотрю на неё... Думаю: дура, дурочка, лети отсюда, лети, что ж ты делаешь,

улетай в окно обратно... Не могу на тебя смотреть, не могу... А потом думаю, а почему у меня такая жизнь? Дурного не делал... а даже койка у меня, мать твою, верхняя, а не нижняя... Верхняя, неудобная, просевшая. У меня почём такая жизнь? И оно толкнуло меня опять в рёбра. Койка была на верхнем ярусе, а у старичка глухого, который буквы мне на ладони писал, который лечил руками, у него на нижнем койка... Имя. Я забыл его имя. Ты спишь?

Пауза.

Старичок начал кашлять сильно и нить. По ночам... Они не берут обычно стариков в рабочий дом, но он давно там жил, крепкий был... не болтал. Кашлял – потому что умирать начал. Мешал, я спать не мог... а оно все пинало меня изнутри, шевелилось и страшно было, что оно доберётся до сердца. Старичок кашлял. Я не спал, лежал на животе, думал разное, хотел тогда найти могилу Нины... А ещё подумал, что когда умрёт старичок подо мной, я перееду тогда на нижний ярус... Не знал ещё. Не знал, ещё как сейчас будет, не знал, не видел... Думал только, мечтал: а ведь его там и клопы кусают меньше, на нижней-то... За что он еду прожирал... Его завернули в одеяло. И вынесли... Вечером после работы я лег на его кровать. Имя. Имя. Профессор какой-то был, пока не оглох. Вспомнил. Имя – не могу. Я лежал в тот день на его кровати, улыбался, а оно изнутри меня выбралось. Встало и смотрит... так и ходит теперь за мной. Всегда смотрит из тёмного угла, как с иконы, или цепляется к кровати, за эту... панцирную сетку, прямо над тобой. Или выходит на берег реки... Вот и брат Кри-

стины мается... увидел учительницу и дырки в ней, так оно проснулось вдруг. В животе... Я знаю, что ему нужно, знаю, уже недолго... Нюрка, Нюрка, Нюрка, Нюркин сад... Нет, это смешно. Нет, не надо меня так мучить. *(Помолчал.)* Боже, помоги мне быть честным перед тобой, чтобы увидеть правду о моих страхах. Смиренно прошу, удали эти страхи от меня. Господи, помоги мне преодолеть свои страхи... Боже, прояви волю свою через меня и помоги мне исполнить то, что ты мне предопределил... помоги мне... помоги мне...

НЮРКА. А я и не сплю совсем.

Пауза. Нюрка приподнимается, смотрит на него, садится рядом.

ЗИМА. Ну и пошла тогда вон отсюда.

НЮРКА. Что?..

ЗИМА. Я сказал – пошла вон! Встала, исчезла, вон отсюда быстро, пока я не передумал!

НЮРКА. Я не понимаю? Плохо тебе, что ли?.. Так давай я сделаю что-нибудь: у собачки боли, у кошечки...

ЗИМА. Уйди от меня, уходи!

Нюрка медленно подтягивает вверх колготки. Поправляет платье. Обувается в босоножки. Встаёт и смотрит сверху вниз на Зиму.

НЮРКА. Я же люблю тебя. У меня день рождения, у меня праздник. Это мой сад.

ЗИМА. Пошла вон отсюда, уйди!

Пауза. Нюрка вдруг сжимает руки в кулаки.

НЮРКА. Хоть бы тебя не было, хоть бы я тебя выдумала тогда! А котёночек твой сдох на самом деле, вот что!!!

Нет никого. Нюрка убежала. Стемнело почти. Зима сидит один, смотрит на реку, бесконечно долго в такой тишине. Закричать хочет, или зареветь, но не прорывается звук. Не понять, всхлипывает Зима или смеётся.

ЗИМА. Нюрка, Нюрка, Нюрка, дурочка... Ушла, хорошо... Лучше пусть она домой пойдёт, вдруг не смогу... Не надо на меня так смотреть. Я теперь скоро совсем.

Пауза. Зима смотрит на деревья над своей головой, чтобы не смотреть на берег реки. Над ним ленты и цветы, которые Нюрка делала. Зима обрывает один цветок. Смотрит, комкает в ладони. Обрывает ещё один, бросает его тут же под ноги, срывает другой, следующий... Останавливается, когда цветов не остаётся. Сидит молча и смотрит на обрывки бумаги и обрезки лент у своих ног. Сад совсем голый.

Боже, помоги мне быть честным перед тобой, чтобы увидеть правду о моих страхах. Смиренно прошу, удали эти страхи от меня. Господи, помоги мне преодолеть свои страхи... Боже, прояви волю свою через меня и помоги мне исполнить то, что ты мне предопределил... помоги мне... Зачем я учил это? Заставляли в общине, где в трубочку дышать на входе...

Потому что кормили – учил?.. Зачем я вспомнил? Помоги мне?.. Я не делал ничего дурного... Теперь уже недолго. Оно теперь уйдёт. Нужно будет пойти в столовку возле почты... поесть супа с мясом. Там красивые розочки на тарелках, и у женщин белые фартуки, а не синие... Поехать может, искать где Нина лежит? Нина, Нюрка... У нас плохо вышло сегодня, стыдно... Без удовольствия. Давно его нет, все чувства вполсили, всё боюсь себя, как собака живу... Зачем прогнал её? Нет, так лучше. Никогда не целовалась. Чтобы в губы... Нью-юрка. Нюркин сад... Ничего не вижу... море это, ледакол... Где море? Не вижу. Нет его.

Тишина. Кто-то ходит внизу в темноте. Запинаясь, царапается о ветки.

КРИСТЯ. Нюрка? Ты здесь?.. Не видно ничего, Нюрка...

Кристя идёт в сад по бетонной дороге. В руках у неё коробка. Она стоит с ней в руках, смотрит на Зиму и не говорит ни слова. Зима выбрасывает сигарету куда-то в кусты.

310

С днём рождения?

ЗИМА. Не было её... не было, она дома. Ты зачем пришла?

Пауза.

КРИСТЯ. А-а... А я заходила к ней, мне сказали ушла, ну, я и подумала, что она тут. Где ей ещё быть? Я вот торт испекла. Я бы его быстрее испекла, только

мне Артём мешался, ходит весь серый, говорит живот болит. А почему ты тут сидишь один? А кто сад попортил?

ЗИМА. Сад? Я не видел ничего.

КРИСТЯ. Жалко как, надо же. Гадины какие, надо же... Вот Нюрка расстроится завтра.

ЗИМА. Посиди, может... посиди немного. Со мной?

КРИСТЯ (*улыбается*). Ладно. (*Садится рядом, ставит перед ним коробку с тортом.*) Очень жалко сад, правда?

ЗИМА. Да.

КРИСТЯ. Я слышала, как ты молился.

ЗИМА. Это не молитва была.

КРИСТЯ. В этом нет ничего плохого, я бы тоже молилась, если бы умела. Нас никто не учил. (*Пауза.*) Я шла сюда и говорила, всё под нос бубнила, пешком долго идти, а автобусы так поздно уже не ходят. Поздравление придумывала.

ЗИМА. Прости... прости меня?

КРИСТЯ. За что? Нюрка права, ты очень добрый и красивый.

Зима молчит.

Я такое поздравление придумала хорошее. Можно я хоть просто так его скажу? Раз нету Нюрки.

Зима молчит.

КРИСТЯ (улыбается). Я вот что думала сказать. Мы правда никогда не умрём. Такой сад у нас, самый красивый на свете, будет цвести всегда, зачем неважно, всё на свете цветёт просто так, а смерть как сон в детстве, когда температура... Страшный сон, а потом просыпаешься, а мама окна моет, лето... Это мы сами только придумали, чтобы интересней было, чтобы пострашнее. Страшно – нестрашно. Мы всё просто придумали, мы насочиняли. Не случится никогда ничего плохого, если прямо сейчас не случится... Раз, два, три. Теперь уже не случится. Раз, два, три. Раз, два, три. Не случится никогда. Вот и всё.

ЗИМА. Кристя, ты видишь, там... стоит у воды что-то?

КРИСТЯ. Где?

Кристя оборачивается к реке, и Зима ударяет её шилом в живот, чуть пониже рёбер. Зажимает ей рот. Бьёт ещё раз, ещё раз, ещё, пока не устаёт рука, пока не прошибает потом и дрожью тело. Остановилось тело и кончились силы. Кристя осела мягко к нему на грудь, как незаметно уснувшая на руках дочка. Зима прижал её к себе и заплакал страшно, не как человек и не как собака даже.

Зима долго сидел с ней на руках. Потом открыл глаза и понял, что она стала уже тяжелой, гадкой, как туша свинья с рынка. Оттолкнул её, положил на матрас. Достал из куртки Кристиной красный кошелёчек, пересчитал деньги на глаз и спрятал куда-то к себе. Пододвинул поближе коробку, открыл её и руками стал есть праздничный торт.

КАРТИНА 5

В саду ни цветов больше, ни лент, ни одеял, ни старого матраса. Нюрка оглядывает то, что когда-то было садом, делает несколько шагов, гладит пальцами деревья свои, яблони и вишни, обрывки лент. Зима смотрит на неё молча.

НЮРКА. Жалко сад. Яблони, вишни мои, хорошие, милые мои... Кто вас так, зачем, разве плохо, когда сад? Разве плохо? *(Пауза.)* Да и будь все прокляты. Никакой радости нет, убежать что ли отсюда? А ты ночью потом ушёл?

ЗИМА. Я здесь был.

Пауза.

НЮРКА. Мост доделали. Смотри. Сегодня, что ли, закончили? Свернулась стройка, всё... Красиво как. *(Пауза.)* Сегодня вечером отец уедет на вахту. Ты можешь к нам пойти. Я тебя уже простила. Пойдёшь?

ЗИМА. Пойду. Да.

НЮРКА. Хорошо... *(Смотрит на свой сад.)* Яблоньки, вишни, простите меня, я глупая, только букеты из камышей умею, у мамы всегда всё росло, всё цвело цветами, а я выросла и в пятнадцать лет у меня только цветы бумажные... Я вчера как побежала от тебя, как побежала через пустырь, только, когда устала, сообразила, что я не в сторону дома бегу, а туда, где нет ничего, вдоль рельс старых. Села в траву сухую, потом легла. Так хорошо было. Ветер сушил глаза... И всё как будто вместе, а не отдельно: небо, ветер, трава... Поле-

жала, подумала про тебя и про сад, и вернулась домой. Мои деревья другие, чем все, они как люди, они жалеют всех, яблони и вишни мои... Всё-всё запомнили мои деревья. Я новые цветы сделаю. А потом вырастут настоящие, живые. Они от любви вырастут. Я глупо говорю. А может, не надо ничё, может, убежать отсюда? А то в этом городе одни собаки. *(Пауза.)* Ты странный сегодня. Куртка у тебя в чём? Пятна какие-то... Ничего, стираем. *(Долго смотрит на Зиму.)* Ты не такой как вчера. У тебя зубы как будто кривые стали... Кристи что-то нет, и мама мне её звонила зачем-то.

ЗИМА. Я убил её.

Молчание.

НЮРКА *(тихонько смеётся)*. Да прям. Не надо так шутить.

ЗИМА. Я убил её, Нюрка. Я шилом её заколол.

НЮРКА. Ты врёшь.

ЗИМА. Прости меня. Прости меня, прости, прости...

НЮРКА. Ты врёшь, не верю. Ты врёшь всё.

Зима молчит.

Раз, два, три...

У Зимы подгибаются ноги. Нюрка смотрит на него. Как ползёт он к ней на коленях.

Зима?.. Дима? Ты что?

ЗИМА. Прости меня, Нюрка, прости, прости, я не нарочно, она сама пришла, Нюрка...

НЮРКА. Что это? На берегу, там. Стоит и смотрит. Ты зачем? Я же тебя люблю...

Зима плачет, хватается за Нюркины пальцы, она смотрит на него. А потом начинает кричать.

Кто-нибудь, эй!.. Помогите!.. Есть кто-нибудь, слышите?!.. Пожалуйста, кто-нибудь, заберите меня, заберите!..

Зима отшатывается от неё, поднимается и пятится, запинаясь.

ЗИМА. Замолчи, пожалуйста... Замолчи, замолчи, замолчи...

Зима исчезает быстро и неслышно. Нюрка остаётся одна.

НЮРКА. Заберите меня, заберите, заберите!.. Не надо на меня смотреть, уходи, уходи!.. Раз!.. Два!.. Три!.. Кристя... Раз!.. Два!.. Три!.. Не было, не было ничего, я придумала... *(Зажимает уши руками, зажимуривается.)* Сейчас пройдёт, сейчас всё пройдёт. Раз, два, три... Раз, два, три... Раз, два, три... *(Садится на колени, раскачивается и жмурится.)*

А пустырь, дорогу и весь город заливают морем. Ласковое и чистое море разливается из реки и закрывает всё собой, забирает смерть, забирает страх. Не было ничего. Вода подступает совсем близко к саду, яблони и вишни стоят теперь в воде, и тихо бьются о них волны, обни-

*мает их море. Нет больше города, нет ничего.
Остаётся только сад. Нюрка открывает глаза.
Стал вместо нового моста ледокол. Он движет-
ся медленно, почти незаметно, плывёт куда-то
далеко-далеко. На палубе стоит кто-то, глаза
прикрывает от яркого солнца.
И машет Нюрке рукой.*

КОНЕЦ

Интересующую Вас информацию Вы можете
получить в Кабинете драматургии СТД РФ:
107031, Москва, Страстной бульвар, 10.
Тел./факс: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Playwrights Department, Theatre Union of Russia.
Address: Russia, 107031, Moscow, Strastnoy b-r, 10.
Tel./fax: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Литературно-художественное издание

«СЮЖЕТЫ»

№ 40

Редакционный совет
Художественное оформление *Е.М. Добровинский*
Компьютерная вёрстка *М.А. Богданова*
Корректор *И.А. Седова*

ЛР №04776 от 08.05.2001 г.

Подписано в печать 20.11.2023
Формат 70x100/32. Тираж 500 экз.
Заказ № ...

318

Союз театральных деятелей Российской Федерации (ВТО)
107031, Москва, Страстной бульвар, д.10.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д.6

